

18+

Ксения Ефимова, Марина Шамова

Б З О В А Я

м а ш и н а

Ксения Ефимова
Базовая машина

«Издательские решения»

Ефимова К.

Базовая машина / К. Ефимова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-985429-2

Город — единственный остров жизни посреди пустыни. Город это сложнейшие механизмы и мощнейшая система коллективного разума. Город дает еду и воду, одежду и лекарства, защиту от солнца и бурь. Город преодолевает нехватку ресурсов централизованным распределением, перенаселение — кастовым законом, вырождение одаренных — селекцией. Благо одного относительно, благо всех — абсолютно. Только объединившись можно выжить. Но какой ценой?

ISBN 978-5-44-985429-2

© Ефимова К.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 01— Т Шумиха	6
ГЛАВА 02— К Эргокресло	26
ГЛАВА 03 – М Подестат	42
ГЛАВА 04 – Т Клеймо	63
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Базовая машина

Ксения Ефимова

Марина Шамова

© Ксения Ефимова, 2020

© Марина Шамова, 2020

ISBN 978-5-4498-5429-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 01— Т Шумиха

– История твоя с душком, – проворчал Тэрри, втокнув тощего далёта в вагон. О снятом минуте назад шлеме он успел пожалеть, хотя ветерок приятно охлаждал взмокший затылок. Далёта щедро обсыпали дезинфекционным порошком, обдули и выдали ему чистый комбинезон, но избавиться от разъедающей глаза вони это не помогло.

– Технический отстойник, – громко сказал Мельо, вытряхивая из рыжих волос дезинфекционный порошок. – По планам место, откуда я выловил этого тушканчика, называется техническим отстойником. Прошу так в отчёте и указать.

– Как выгребную яму не назови, – злорадно заметила бойкая Рина. – Запах славы будет преследовать тебя до конца.

На пассажирский монорельс с таким ценным грузом их не зарегистрировали, вписав в маркированный крематорский поезд. Придется ехать зиг-загом, с четырьмя остановками по двадцать минут. Но, после недельного высиживания далёта в полузаброшенном секторе, Тэрри был счастлив возможности уехать даже на труповозке.

Разместили их в полупустом вагоне с широкими металлическими стеллажными полками, приваренными к стенам. В дальнем левом углу на них громоздилась пара десятков рассохшихся ящиков с маркировкой текстиля, а в правом валялась куча ржавого металлолома. Пол, зашитый разномастными кусками композита, опасно проседал под ботинками. Замызганные вытертые сидения нашлись по бокам вагона. Напротив, у узкой двери их было четыре, а со стороны действующих грузовых ворот только два. Ржавые квадраты с дырами от креплений на полу подсказывали, что кому-то два других сидения оказались нужнее.

Тэрри подошел к дальней паре кресел, проверил крепления и усадил далёта в угол, пристегнув наручниками к перекладине. Кастовик с момента поимки не прекращал скалиться, старательно демонстрируя полукомплект гнилых зубов, и всё заглядывал в глаза. Поведение для низшего нехарактерное и неправильное, но они и ловили сбоящий «образец». Тут одного взгляда достаточно, чтобы убедиться, что у этого далёта не все в порядке с головой. А насколько его ненормальность подходит под нужды учёных, пусть сами и выясняют.

Мельо и Рина всё упражнялись в остроумии на платформе, как вдруг их прервал грохот. Тэрри обернулся и увидел медика, который распластался у входа в вагон. Севар, который шёл следом, поспешил поднять сослуживца в функциональное положение.

– Команды лежать не было, – буркнул Тэрри.

– Платформа ходуном ходит... – хмуро оправдывался Бальдр. Тэрри выглянул за спину медика и нашел платформу совершенно неподвижной, и более того – вровень с полом вагона, что на окраинах Воротума было редкостью. Бальдр потрянул головой и поднял на Севара красные глаза.

– Откуда царапина? – возмутился медик, тыча перчаткой в район уха Севара. Седой силовик автоматически отклонился, чтобы не получить оплеуху, и усадил Бальдра на кресло у входа. То, что медик принял за царапину, было следом подшлемника на лбу. – Знаете какую головомойку мне устроят за ваши царапины? А вас на недельный карантин посадят. Тут же где-то эпицентр был...

– М-м-м, карантин, – мечтательно пропел Мельо, заходя в вагон.

– Твои истории про древнюю эпидемию и могильник заразных торнежских мумий мы за неделю наизусть выучили. Ужаснулись, свыклись и смирились, – отозвалась Рина, принимаясь рассматривать лоб Севара. Седой силовик не был рад вниманию к своей персоне, но к манипуляциям Риной отнесся более благодушно. – Успокойся, Бо-бо. Нет там ничего, вмятина только.

– Ты в курсе, что у тебя зрачки разные? – спросил Тэрри, рассматривая медика.

– Когда давка началась, мне намордник сбили. Наверное, схватил дозу, – отозвался Бальдр.

– Прогноз?

– Не летальная, иначе бы уже в конвульсиях бился. Похоже на легкое отравление.

– Тор.. Тордэш.. шма, – старательно прошепелявил из своего угла далета.

По платформе пронесся длинный гудок. Двери с лязгом закрылись, поезд дернулся и стал плавно набирать скорость. Через пять часов они будут в Башне.

Севар терпеливо вынес осмотр, а Рина технично отвергла все попытки медика наказать седого силовика. Бальдр успокоился, и команда расселась по местам. Рину оставили присматривать за медиком у дверей, остальные пошли в компанию к далету. Мельо отвели почетное место рядом с добычей, а Севар сел у прохода. У седого силовика была патологическая нелюбовь к углам, он подсознательно занимал позиции, с которых просматривалась местность, будь это дорожная развилка или центральное эргокресло в рабочем зале. Вбитая в голову при обучении у Бирна и абсолютизированная с возрастом предосторожность, выполняемая автоматически, не раз оказывалась полезной, поэтому в бытовых мелочах излишнюю привередливость и неуступчивость Севару прощали. Терри сам прошел Бирна и хорошо помнил его методы, но у него таких привычек не появилось. По крайней мере, он думал, что не появилось.

Терри занял место у дверей вагона, напротив далета. Устроившись на узком скрипящем сидении, он нахлобучил шлем и занялся отчетом, который планировал сдать по приезду в Башню. Связь работала отвратительно, а в шлеме был хоть какой-то шанс подключиться к стабильному каналу. С удовольствием Терри выставил статус на «выполнено». По разным причинам половина его дел висела мертвым грузом в приостановленном статусе. Он постоянно прорабатывал новую информацию, перепроверял факты, но обычно такие дополнения не давали ответов на старые вопросы и, к тому же, открывали новые. Поэтому закрытие заявки от учёных вызывало искреннее удовольствие. Положительно выполненное дело повысит его шкалу полезности, накинёт несколько баллов, которые пригодятся на переаттестации. С выполнением задания можно будет прекратить общение с Четвёртым приоратом, удовольствием это было малоприятным.

Эска, наконец прогрузив данные об итогах, запросила ворох информации и предложила шаблоны действий. Терри подготовил уведомления, чтобы передать далета в руки учёных Четвёртого сразу на платформе буфера. С синхронизацией вышла заминка, а потом пришел отказ, эска по-прежнему работала на минимальной мощности. До стольни района далеко, да и там наверняка всего пара дохлых операторов. Неудивительно, что всю операцию они просидели в информационном вакууме.

Без поддержки системы отчет не собирался. Это раздражало, так же как налипший на спину нижний костюм, или смердящий далета, или монотонный бубнеж под ухом. Мельо рассказывал что-то Севару, который, судя по взгляду, если не спал, то точно не слушал.

Поезд с воем въехал в тоннель. Освещение вагона со своей задачей справлялось плохо, а эска отключилась вовсе. Терри перевел взгляд на очертания Мельо и постарался вслушаться в то, что тот рассказывал. Севар развернулся к проходу, то и дело отвлекаясь на движения на периферии – в полутьме незакрепленный лом дрожал и гремел на полках. Мельо воспринял действия сослуживца за молчаливый интерес, поэтому готов был разбиться в лепешку, чтобы получить похвалу от Севара. Рыжий развивал теорию о том, что ширина посадки глаз напрямую связана с характером. По его мнению, чем глубже глаза утоплены в череп и чем ближе сведены, тем больший человек садист. Если при рождении ему не досталось пропорции «глаз между глаз», то выбора у него не оставалось – глаза теснили мозг и давали больше зрительных искажений. Размышления Мельо тянули на строгое замечание в личное дело от главного идеолога Первого приората, которого он, кстати, приводил в пример.

– Тордэшма, – улыбочиво заявил далет из своего угла.

– Весело тебе? – спросил Терри.

– Тордэшмадорэта! – старательно проговаривал далет какую-то бессмыслицу. – Тодэра! Дорэта! Тор-дэ-ш-с-с-ма!

Севар и Мельо синхронно повернули головы и уставились на далета. Получив порцию внимания, тот пискляво захихикал и резко приложился головой по наколеннику Терри. Тело среагировало автоматически, в следующее мгновение силовик уже стоял на ногах, направив нейтрализатор на далета.

– Хозяин... рит, тебе передать, – заявил далет, подставляя лоб к дулу ружья. – Ты не успеешь.

Терри убрал нейтрализатор в кобуру и, под истеричный смех далета, стал стягивать с рук перчатки, чтобы использовать их как кляп. И тут до него дошло, что Севар не среагировал на резкое движение рядом, а Мельо никак это не прокомментировал. Оба с отсутствующим видом смотрели на низшего, покачиваясь в такт вагона. Далета визгливо хихикал:

– Не успеешь, ха!

У Терри по заливку поползли мурашки.

– Эй! – окликнул Терри рыжего, но тот лишь немного повел головой. – Мельо, встать!

Рыжий подскочил на ноги и вытянулся в струну. Вслед за ним дернулся Севар. Поезд выехал из тоннеля, внутри сразу стало значительно светлее. Далет фырчал, с чавканием слизывая кровь из-под сбитого набок носа.

– Командир, а что у него с лицом? – спросил Мельо, непонимающе оглядываясь.

– Будто вы не видели, – раздраженно заявил Терри.

– Так точно, – отозвался Мельо. – Но, чего именно мы не видели?

– Перебьете друг друга, – заорал далет. Терпение Терри дало трещину. Он сложил перчатки пластинами внутрь и затолкал их в рот низшему. Жалко вещь, конечно, но слушать и взвизги этого шакала Терри не имел никакого желания.

– Командир, – сказал Севар. – Разрешите обратиться?

– Что?

– У него сломан нос. Он может задохнуться с кляпом.

Терри скривился. Далет издавал странные звуки, но он охотнее списал бы их на попытку хихикать с кляпом во рту.

– Бальдр! – позвал Терри.

– Да, командир, – вяло отозвался медик.

– Ты как, живой?

– Громкие звуки немного раздражают, в остальном нормально.

– Посмотри далета, он тут головой приложился... – спросил Терри и, как назло, далет проделал свой трюк ещё раз, и снова прилетел лбом ровно ему по наколеннику. Мельо подорвался и зафиксировал низшего.

– Привяжи его за плечи, – приказал Терри, с трудом сдерживая раздражение. Вероятность не довести образец до учёных неуклонно росла.

– Хорошо, – вяло отреагировал Бальдр.

– Два раза приложился, – прокомментировал Терри.

– Я слышал, – Бальдр встал и подошел к рядам сидений. Махнул рукой, чтобы Терри и Севар освободили проход. – Я в этом состоянии слышу даже больше, чем нужно.

– Командир же сказал, что мы ничего не видели и не слышали, – встрял Мельо, удерживая далета.

– Особенно твой голос раздражает, такой писклявый, – Бальдр смерил рыжего тяжелым взглядом.

– А док шутит, это внушает надежды, что мне не придется привыкать к новому медику в группе, – парировал Мельо.

– Свали, – отпихнул рыжего Бальдр. Вся группа столпилась у кресел и наблюдала за осмотром. Первым делом медик нащупал чип, следом вытащил у далета кляп изо рта. Потом что-то долго щупал, а затем резким движением вправил низшему нос. Действия Бальдра были чуть-чуть заторможенными. Далет зашипел, но спустя мгновение снова оскалился, но пока молча.

– Ты носом дышать можешь? – спросил медик далета, но тот не среагировал. – Следи за рукой.

Бальдр поочередно опустил руку вниз, поднял, отвел в правую сторону и в левую. Низший всё время неотрывно смотрел на него самого, а не на руку, а когда медик отвернулся, чтобы достать что-то из чемоданчика, плюнул в того кровью. Бальдр невозмутимо вытер щеку и достал какие-то палочки.

– Мельо, держи его, – приказал Терри.

– Можно и подержать, – пробубнил Бальдр, запрокидывая далету голову и начиная прочищать тому палочкой нос. Мельо зафиксировал голову далета, чтобы тот ничего не вытворил.

– Ты весь свет закрыл, – сказал медик и наклонился вплотную к далету. Псих тут же воспользовался представленной возможностью и цапнул Бальдра за нос. Медик вырвался и, инстинктивно закрывая лицо руками, повалился на сидение. Терри усадил его с краю и приказал убрать руки. Бальдр шипел и ругался, глаза у него слезились. Нос был цел, но слева немного кровил. Из небольшой ранки торчал зуб.

– Сев, засунь ему в рот перчатки, – рыкнул Терри. – А ты, Бальдр, рассказывай, чем его уколоть, чтобы он вырубился на четыре часа. И что делать с твоим носом?

– А что там? – прогнусавил медик, скашивая глаза в попытке рассмотреть рану. – Не хватало мне отравления, будет ещё заражение. Меня только через дезинфекцию, поняли?

С Бальдром разобрались, зуб вытащили и положили ему в карман, рану залили гелем-антисептиком. Лицо у медика было бледное, а нос распухал на глазах. Неохотно, но Бальдр согласился с необходимостью усыпить далета. Тот снова вопил. По инструкции медика отмерили треть дозы, с которой далета сразу сморило. Проблемой меньше.

К отчёту Терри смог вернуться, когда поезд уже въехал на территорию пятого района. Здесь эска работала на обычных скоростях, которые после недели «воздержания» казались заоблачными. Терри ощущал, как медленно ворочаются в голове мысли, сосредоточиться никак не удавалось – отвлекали сотни просроченных уведомлений. Он составил несколько секций отчёта по шаблонам и бросил это дело. Закончит, когда счистит с себя пыль Воротума. В удобном эргокресле с прямым доступом к башенной эске отчёт он закончит за минуту. Если нет, можно будет принять стимулятор.

В буферной зоне группа разделилась. Терри пошел передавать далета учёным, остальных отправил на ближайшем монорельсе до Башни – сдавать медика. Бальдр совсем сник, апатично смотрел в одну точку и не реагировал даже на прямые вопросы. Показатели у него медленно снижались. Терри отправил данные Бальдра в медблок и запросил консультацию, но там ничего толком не посоветовали, кроме как быстрее доставить его в стационар.

Терри отнес далета к месту встречи – двери в техническое подполье, недалеко от платформы. Щуплый вадар, который принимал «образец», почесал макушку и вызвал подмогу. Втроем люди в синих комбинезонах молча утащили далета за мощную дверь. Ни один не выразил недовольства по поводу запаха. А Терри, казалось бы, уже привык к нему. Оставалось надеяться, что не сросся. Хотя пару дней мерещиться будет.

Избавление от далета не заняло много времени, поэтому Терри поехал в Башню на следующем поезде. Через специальный ход он вышел на узкий локализованный кусок платформы и сел в специальный вагон. На контрасте с монорельсом Воротума поезда Артрата выглядели нереально: красивые, новые и функциональные. Плавные линии белой обшивки салона успокаивали, чистые серые сидения с мягкими подголовниками давали отдых спине, кондициони-

рование и подача обеззараженного воздуха позволяли дышать свободнее, а полная автоматизация освобождала голову от ненужных забот. Двери откроются только на станции назначения в цоколе Башни – этот вагон зарезервирован под нужды Первого приората и везет потенциально заразного служащего. В соседний вагон входили и выходили кастовики в башенной форме, а Терри ехал один. Ему было неловко от того, что Городу приходится гонять целый вагон ради одного человека, но любое решение удел Города. Не пустили на пассажирский монорельс в Воратуме, здесь вроде как сказали «спасибо» и не заставили ждать пока наберется вагон.

При прохождении тоннелей Терри приятно вжало в сидение, и он немного отключился от реальности, поэтому шипение дверей показалось ему резким звуком. Поезд привез его на служебную платформу Башни и снова высадил на узкий кусок, выход с которого вел прямо к блокам дезинфекции. Терри кивнул двум служащим в мутно-белых костюмах, которые пошли обрабатывать вагон, и сам пошел делать то же самое с собой.

Сектор, где они неделю просиживали штаны, работал с падучим грибом. Пребывание там больше часа делало тебя переносчиком спор, нахождение больше суток увеличивало риск заражения падучей болезнью: когда гриб начинал расти в слизистых и на внутренних органах. К тому же Воратум пользовался дурной славой из-за периодически вспыхивающих инфекций, особенно частых в секторах, граничащих с торнежскими поселениями. Служащие Башни в большинстве своем работали в локализованном Артрате безвылазно и на пятый-седьмой год напрочь лишались иммунитета к «воратумской заразе». Поэтому для возобновления допуска в Башню Терри предстояла отменная мойка и медосмотр. Вероятность подхватить болезнь была всегда, но Терри не в первый раз делал длительные вылазки в Воратум, и всегда организм справлялся. В тамбуре у блоков дезинфекции он нашел свою группу, лишённую медика.

– Почему вы ещё тут? – спросил Терри.

– Очередь, – сказал Мельо. Он сидел на белом стуле, вытянув ноги. – Поисковики вернулись минут за десять до нас, моются

– Кого опять завалило? – без интереса спросил Терри. Он отщелкнул застежку манжета и, задрав рукав, прислонил чип к панели регистрации. Запрос на цикл дезинфекции улетел по системам Башни.

– Вроде никого, они помогали завалы разбирать. В первом районе просел грунт, а с ним пара зданий. Не успели буквально на пару часов – вадары уже согнали туда технику чтобы эксперименты ставить – закачивать в пустоты какой-то специальный раствор. А оно у них на глазах и обвалилось.

– Ага, а они сказали «хм, как интересно» и запрягли Первый вручную расчищать завалы, потому что всё равно будут туда что-то заливать, – добавила Рина. – Четвёртый в последнее время всё чаще снабжает нас работой.

Терри хмыкнул и, отдавая дань бесполезным действиям, потер измазанный в засохшей крови рукав. Он ослабил застежку воротника, уселся на стул рядом с Севаром, и тоже вытянул ноги. Работать с Четвёртым сомнительное удовольствие, теперь и поисковики это подтвердят. Мышцы ломило, хотелось размяться, а лучше устроить нормальную тренировку. Но, прежде чем расслабляться нужно подать отчёт.

Терри пересмотрел наработки и скорректировал их по мелочам. К итогу «выполнено» он прицепил подтверждение от Четвёртого, что далета они приняли. Сбоящих ловить непросто, форменные психи. Ты не ждешь от человека, что он станет прыгать с двадцати метров на арматуру или сигать головой в темный колодец. Ждешь страха, отчаяния, но не безумия. Но теперь у Четвёртого есть живой образец и запрос можно с чистой совестью закрыть. Главное не прослыть специалистом по ловле «тушканов».

Терри стряхнул с мыслеобразов тягучесть, максимально сократил и выверил формулировки, запаковал всё в надлежащую форму и отправил на формальное утверждение вышестоя-

ящему. Делать отчёты не так тягостно, когда есть что в них писать. Рина и Мельо о чем-то тихо переговаривались, но в суть Терри не вникал. Он хотел избавиться от грязи Воротума, переодеться в удобную форму и очутится дома. Память тут же подкинула ассоциацию с диковинным словом «дом» – приглушенный пряный аромат и мягкие волосы жены.

С тихим шорохом открылись двери, система присвоила им номера боксов дезинфекции. Терри пошел первым. Обработка была максимально автоматизирована, медик появлялся в самом конце. Нужно было раздеться, сложить одежду в прозрачный контейнер. Убедится, что нет открытых ран. Взять пакет с одноразовой маской, берушами и напульсником. Затем зайти в кабинку, нажать на утопленный в корпус рычаг, расставить руки и ноги – и ждать. Длительность обработки зависела от программы. Терри полагал, что ему назначат самую длинную – проторчит тут двадцать одну минуту, три полных цикла. Раствор – порошок – воздух – лампы. Не самая приятная процедура.

На этот раз Терри даже не заметил, как прошло время. Задумался. Кабина настойчиво пикнула, предлагая покинуть её. Терри стряхнул с волос остатки воды и вышел в следующее помещение. В небольшом боксе сидел медик. Окинув Терри оценивающим взглядом, она принялась обрабатывать ему лицо, запястье и уши, попутно осматривая кожу и задавая общие вопросы. По итогу она взяла четыре вида анализов и заменила заглушку к катетеру на руку. Терри пошел в общую раздевалку. Там уже находился наполовину одетый Севар и голый Мельо, активно вытряхивающий что-то из ушей.

– Да честно говоря, она смеялась над моими шутками, – жизнерадостно говорил Мельо, меж прыжками на одной ноге. – Я ей понравился! Кстати, у нас же смена свободная сейчас, командир?

– Да. Организовывай досуг, – ухмыльнулся Терри. Он провел чипом по панели доступа и через пару секунд в ячейку выпал упакованный в вакуумный пакет чистый комплект формы. – Сев, чем займешься ты?

– С молодняком позанимаюсь.

– Чему в этот раз будешь учить? – поинтересовался Мельо.

– Если разрешат, то стрельбе. Если нет, то ближний бой закрепим.

– Нравится тебе с ними возиться? – спросил Терри.

– Они толком ничего не умеют, – отозвался Севар, усмехнувшись. – Нужно же из них силовиков делать.

– Не все через Бирна проходят, – буркнул Мельо, поглядывая на сослуживцев. – Может, я им тоже что-нибудь покажу? У нас стиль разный.

– Ты же хотел медика смешить? – спросил Терри с улыбкой. Не хватало Рины, которая бы точно ввернула бы что-нибудь про «посмешище».

– Я всё успею.

Терри ухмыльнулся. Он тоже не прочь был присоединиться к Севару на полигоне, но в отличие от остальных у него был «дом» и была «жена», по которой он ужасно соскучился, поэтому решил первым же поездом отправиться к ней. Он уже застегнул форменную куртку и приглаживал влажные волосы. На канал пришло уведомление по отчёту. Терри его открыл, не ожидая никаких проблем, и застыл. В сообщении было сказано, что против него назначена служебная проверка. Статус задания откатили к «нерезультативно». Отчёт с корректировками пошел на рассмотрение высшему руководству.

Терри быстро пошел на выход. Автоматическая корректировка статуса ещё не значила проверку по соответствию! В этот год Терри планировал получить повышение, а служебная проверка накануне аттестации резко понижала его шансы. Он четвертый год сидел на одной должности, в то время как другие, даже гиммелы, получили повышение дважды. И, главное, непонятно, с чего служба собственной безопасности с такой прытью решила рыть под него.

Терри сверился с системой и посмотрел, кого закрепили за его делом. Лицо, против воли, сложилось в гримасу отвращения. Старый знакомый.

Службистов не любили, а последний год так и вовсе возненавидели. Виной тому были кадровые перестановки – место второго Советника при военном Приоре занял идеолог. Кроме закономерных чисток, что всегда следуют за сменой Высшего, поменялся и подход к работе – идеолог притащил с собой канцелярщину. Внутренняя нормативка пухла, с ней усложнились процедуры и отчётность, полнились предупреждениями личные дела и, что самое неприятное, тормозилась полевая работа. Это продолжалось с месяц, пока спецы не взвыли и этот вопль не докатился до самого Приора. После стало немного легче, но прошлых свобод было не вернуть.

К перебежчикам, которые променяли почетную полевую работу на выискивание нарушений и организацию подстав своим же, относились прохладно. Несмотря на внутренний бойкот «предателей», штат службистов к середине года распух в три раза. К идеологу уходили и хорошие спецы. Впрочем, только пара из них сохранила уважение коллег, большинство же превратилось в бюрократических блох.

Дело Терри отдали одному из таких – Токту. Один раз из-за не оспоренного решения службиста в крематорий отправился квалифицированный силовик, который мог ещё пять лет приносить пользу Городу. Списали его из-за глупой отметки в личном деле о травме, которая требует медицинского сопровождения. Если бы Токту изучил прошение, то понял бы, что это травма требует сопровождения только при интенсивной полевой работе, но никак не проявляет себя при нормальных нагрузках. Терри был очень зол, но сделать он ничего не успел, гиммела списали в тот же день. Он узнал обо всем постфактум. Обычно Токту согласовывал и пропускал его межприорские отчёты без проблем, словно понимая свою фиктивную функцию. Терри уже больше двух лет напрямую работал с учёным приоратом и прекрасно изучил их требования. Он, алфар, лучше знал, как подать информацию высшей касте, нежели чем заурядный гиммела. Не всегда наверху действовали по правилам и вадары лучше других каст знали, что иногда правила следует нарушать – в угоду результату, конечно. Слово высшего закон, а значит, пару раз в этих спаррингах Токту выглядел бледно.

И вот Токту снова вмешивается. Интересно, что он не так понял в этот раз?

«Токту, почему ты мой отчёт завернул?».

«Легкой смены, Лефтерис. По существу ничего не знаю. Из Четвёртого пришел запрос. Твой отчёт сейчас на рассмотрении у Высшего. Статус автоматически откатали».

«Что за запрос? Почему мне тогда проверку назначили?»

«Далета, которого ты сдал в Четвёртый, умер. Они даже тесты не успели прогнать. Валют на свежие травмы головы».

«А я тут причём? Я привез им живого, они подтвердили».

«Да, но в твоём отчёте упоминается о двух ударах головой. Но подтвержден показаниями команды только один, который он сам себе нанес. Ты не „успокаивал“ его?»

«Нет. Ты считаешь, что я его головой бил? После недели, потраченной на его поимку? Зачем мне это делать?»

«Для объяснения несоответствий и назначена проверка. Пока от тебя ничего не требуется. Можешь идти на пересменку».

«А покажи мой отчёт, который пошел наверх?»

«Я же сказал, от тебя ничего не требуется».

«Но потребуется. Хочу знать, к чему готовиться».

Токту согласился и отключился. Секундой спустя на канал Терри пришла «утвержденная» версия отчёта. Она была настолько исковерканной, что алфар не удивился – по таким отчётам и назначают проверки. Внутри гулом поднималась волна негодования. Терри возмущало то, насколько выборка фактов Токту была необъективна. Он не мог понять, целенаправ-

ленно это делает службист или по скудоумию, но с этим нужно было что-то делать прямо сейчас. Ждать опасно.

Терри запустил сравнение двух версий отчётов, добавил комментарии и отправил руководителю своего подразделения – Сурите. Этот недоотчёт, по словам Токту, должен быть как раз у неё на рассмотрении. Сурита среагировала сразу же:

«Стой на месте».

Терри остановился и отошел к стене, чтобы не мешать потокам людей. Меньше, чем через полминуты Сурита показалась в поле видимости. Она, как и Приор, предпочитала говорить глаза в глаза.

Обычно собранная и строгая, с кривой ухмылкой, сейчас Сурита выглядела возбужденной и взъерошенной. На левой щеке у неё набухла свежая царапина. У воротника формы торчали нитки от вырванных потайных крючков. С тренировочного полигона, не иначе. Интересно, кому в этот раз досталось?

– У меня нет никакого отчёта, – сказала она, резко останавливаясь. Терри обдало знакомым пряным ароматом, который совершенно неуместно было ощущать рядом с Суритой, которая обычно пахла кислым железом.

– Я привёз и сдал далета в Четвёртый, затем подал отчёт. Когда вышел с дезинфекции, увидел, что против меня стоит проверка. Службист сказал, что передал отчёт выше – я думал, он у тебя.

– Странно... – Сурита отвела взгляд в сторону, сверяясь с системой. – Ушло по линии второго Советника. Межприорские дразги. Пока ничего не понятно – когда будут результаты, тебе сообщат.

– Мне на пустом месте вкатили проверку по несоответствию, – упрямо заявил Терри. Он закрыл висяк длиной в полгода, сделал практически невозможное, но это ему «засчитали» в минус.

– Ну, выдадут предупреждение, чтобы ублажить Четвёртый, и тьма с ним, – саркастично заметила Сурита. – С этим живут.

Терри на секунду закрыл глаза и вдохнул. Разговор шел неправильно: либо он что-то делал не так, либо Суриту кто-то вывел из себя. Вероятнее второе, поэтому Терри решил попытаться ещё раз.

– Я уже четыре года на этой должности. Мне нравится то, что я делаю, но я думал, что на пятый год меня повысят. А эта проверка всё портит. И ладно я был бы виноват, но нет – я не виноват. Они выяснят это и закроют дело. Но сам факт проверки, понимаешь?

– Да, – кивнула Сурита. – Терри, ты снова пройдешь переаттестацию на сотню, тебя автоматически рекомендуют, но куда? Дивизионы укомплектованы.

– Я не понимаю. Сколько висяков я должен закрыть и какую эффективность выдать, чтобы получить повышение?

Сурита прищурилась, словно что-то прикидывая и сказала:

– Четыре.

– Закрыть четыре дела? – Терри понял, что с заявкой Четвёртого у него как раз выходил бы нужный результат.

– Вылизать четыре задницы, – Сурита криво ухмыльнулась. – Чтобы дослужиться до офицера нужно хорошо работать и выполнять приказы. Чтобы забраться выше придётся менять тактику. Чем ты отличаешься от других таких же исполнительных работяг, чтобы повышение ушло именно тебе?

– Я алфар, я лучше, – передернул плечами Терри и убрал руки в карманы.

– Лучше кого? Лучше меня? Или лучше Советника Шеду? Или Приора лучше? Мы все гиммелы.

– Я не это имел в виду.

– В нашем Приорате только один алфар и тот горбатый. Да, у него как раз кадровые подвиги намечаются – износился главный службист. Вот должность достойная алфара. Хочешь, я тебя отрекомендую?

– Сурита, я не это...

– Когда раздадут назначения выше дивизионных на личные дела смотрят в последнюю очередь. Докажи, что ты лучше и займешь любое место. А пока всё это пустой треп.

– Есть, – опустил голову Терри, посчитав разговор оконченным. Но Сурита вдруг спросила:

– Как зовут твою дочь?

– Иоланта, – ответил Терри на автомате и поднял голову.

– А что тогда значит это «Номи»?

– Так её называет стаби. «Дочка» или «маленькая девочка» по-торнежски. Там какое-то собирательное значение.

Сурита хмыкнула, смахнула выступившую на левой щеке кровь, и быстро зашагала прочь. Не успел Терри сделать и пары шагов, как его личный канал в эске взорвался десятком посланий. Жену бросало в крайности. Что-то случилось, но что именно, она упорно не говорила. Из хаотического нагромождения эмоций, что сейчас представляли её мыслеобразы, Терри не выяснил ровным счетом ничего.

«Эва, что произошло?»

«Он не отдал мне Номи!»

«Кто? Что-то с Номи?»

«И выгнал!» – мыслеобраз жены взорвался шквалом гнева.

«Скоро буду» – коротко ответил Терри и прибавил шагу. Бесплезно через систему чего-то добиваться от Эвы в таком состоянии. Попасть домой и обнять жену, вот что поможет. Тем более, что сделать это Терри хотел уже больше недели.

Приорские дома находились в двух станциях от Башни, в самом начале жилого квартала Артрата. Терри дольше поезд ждал, чем ехал. По правую сторону платформы простиралась широкая крытая аллея, вдоль которой стоял десяток одноэтажных блоков из бетона и стекла, каждый под отдельным куполом. Часть из них не использовалась, потому как их владельцам было сподручнее жить в Башне, другая часть выглядела обжитой – в неурочные часы там мелькали комбинезоны обслуживающего персонала. Терри не знал, были ли остальные дома такими же огромными, но их куб состоял из двух блоков и семи отдельных помещений, плюс придомовая территория с собственными многолетними растениями.

Быстрым шагом Терри преодолел расстояние от платформы до входа под купол. Замок отреагировал на чип алфара с заметной задержкой. Получить отказ в доступе было давним страхом Терри, сердце каждый раз пропускало удар. Но, как и сотню раз до этого, послышался знакомый писк и дверь с тихим шипением отъехала в сторону. Терри ступил внутрь. В нос тут же ударил густой дурманящий запах свежескошенной травы и цветов, а на лицо осели мельчайшие капельки воды. У входа работала система автоматического полива, которая волнистым узором разбрызгивала воду. Терри до сих пор не мог привыкнуть к таким тратам, он автоматически считал в бутылках: на одну сессию полива, которая работала около трех минут, тратится примерно семь штук. Полив включается четыре раза в день. Получается, только на траву уходит дневная норма воды для тридцати человек. Но дальше подсчетов у него дело не уходило. Находиться под куполом было во много раз приятнее, чем даже в вагоне монорельса, именно из-за влажности. По гравийной дорожке Терри подошел ко входу в дом и снова приложил чип к панели доступа.

– Эва? – позвал он, как только оказался внутри. – Я дома.

Он закрыл входную дверь и прислушался – его встретила странная тишина, словно в кубе никого не было. Терри прошел в общую комнату и обнаружил там небольшой погром: на полу

валялась бежевая форменная куртка, одно из мягких кресел опрокинуто, вереница мятых салфеток вела в их с женой комнату. Вдруг, с искаженным и зацикленным воплем «дрянь» из спальни выкатилась одна из шумих сына. Шарик на механических ножках подбежал прямо к Терри и стал биться об его ботинок.

– Эва? – алфар пошел к спальне. Попрыгунчик выдал писклявое «аяяаяя», подскочил прямо под подошву ботинка и с хрустом покончил с собой. Терри выругался. Эти бегающие по кубу мячики с паучьими лапками знатно раздражали – двигающийся предмет на периферии, Терри постоянно на них отвлекался. Но ломать изобретения сына, хоть и бесполезные, он не хотел. Шумиха сейчас агонизировала, вполне уместно сопровождая это дело заевшим «ааааа». Терри поднял расплюснутую игрушку, которая разваливалась в руках, и бессильно осмотрел – починить такое ему не под силу.

Из спальни горделиво выплыла невысокая черноволосая женщина в белой термокофте и бежевых брюках с высокой талией. Терри не видел её так долго, поэтому будто заново оторопел от её красоты. Как бы активно не насаживался идеологами пустынный стандарт прекрасного, почти всё считали его безликим. Ну что такое типичная пустынница? Высокая худая блондинка с голубыми или серыми глазами. С агиток, конечно, смотрели красивые и правильные женские лица, но в жизни канон выглядел серо и невыразительно: бледно-синие лица с невидимыми бровями, маленькими подбородками, глазами навывкат и жиденькими светлыми волосами. Другое дело метисы, такие как Эва. Она была смягченной, улучшенной копией отцаторнега и словно вобрала в себя лучшие черты обоих народов. Иона был низкорослый, а Эва миниатюрной. У Ионы были черные жесткие волосы в тугой завиток, а мягкие волосы Эвы имели золотистый отлив и вились крупной волной. У Ионы было широкое лицо с квадратной челюстью и маленькие черные глаза. Лицо Эвы, смягченное молодостью, за счет выраженных скул и высокого излома бровей смотрелось скорее точеным и надменно-насмешливым. И глаза у неё были большие, светло-карие, почти золотистые.

Только в одном она оказалась большей торнегой, чем отец – в буйном нраве. Иона легко заводился, был громок и грозен, но даже в самые бурные приступы себя контролировал. Эва заводилась ещё легче и отдавалась гневу иступленно, самозабвенно, не страшась и не предвидя последствий своих действий, а ещё она долго помнила обиды. С таким характером было сложно ужиться в обществе, да ей это особо не было нужно, поэтому она вела вынужденное затворничество и редко одевала бежевый «внешний» костюм. А если одевала, заканчивалось это какой-нибудь ссорой, о чем Терри и подумал в первый момент. Но затем он увидел разбитую нижнюю губу и прижатый к правому плечу охлаждающий пакет.

– Что случилось? – опешил Терри. Обычно дальше словесных перепалок никогда не заходило, а тут явные следы физической расправы.

– Меня избили, – буднично заключила жена.

– Кто?! – внутри Терри планомерно вскипала ярость. Это даже звучало дико, никто бы не посмел поднять руку на таби Первого приора. – Имя, номер, как выглядел?

Эва подошла вплотную запрокинула голову, она была Терри по плечо. Он наклонился, чтобы осмотреть её лицо, на что жена чмокнула его в щеку и, вывернувшись, пошла собирать с пола грязные салфетки.

– Кто это сделал?

– Новая наложница отца, – фыркнула Эва.

– Что? – растерялся Терри.

– Ты знаешь сколько раз за эту неделю он был дома? Два! Всего лишь два раза! Он нашел себе новую подстилку и всё время торчит в Башне. Я не думала, что у него может быть что-то серьезное. Ему же просто неприличное количество лет! Он старик! – со злостью запричитала жена.

– Эва, посмотри на меня, – он подошел к жене и аккуратно взял её за плечи. – Кто тебя обидел?

Эва передернула плечами, её глаза, словно по команде, мгновенно увлажнились. Она медленно моргнула, и слеза крупной гроздью потекла по щеке.

– Ты её знаешь, – дрожащим голосом сказала она. Затем уже ровно добавила: – Как же её имя... какое-то глупое. Сорита?

– Сурита?!

– Говорю же, глупое имя.

– Эва, что случилось? Сурита не могла напасть на тебя.

– Я повыдирила ей волосы! – Эва сверкнула безумным взглядом. – Я размозжила ей голову! Я втоптала её в землю!

Учитывая, что Терри видел живую и здоровую Суриту не более пятнадцати минут назад, Эва явно нафантазировала эту расправу. Что она нафантазировала еще? У жены случались приступы, когда она всё до невозможности драматизировала – Терри списывал это на торнежскую импульсивность. Но побои были вполне реальные – рваная ранка на губе, из которой так обильно капала кровь, что запачкала грудь белой термокофты. Что у жены с рукой он пока понять не мог.

– Успокойся, – Терри прижал жену к себе, осторожно обняв. Глазами он рыскал по полкам, на которых хранились всякие коробки с мелочевкой: витаминными блоками, лекарствами, жевательными кубиками, иголками, ножницами и пинцетами. Повыше, чтобы малышня не достала. Так высоко, что сама Эва без стула не доставала, поэтому она не любила ставить их на место. – Где коробка с таблетками?

– А потом я взяла нож и вырезала все её гнилое нутро, особенно матку! – продолжала мстительно выплевывать слова Эва, но попыток вырваться не предпринимала. – И раздавила всё!

– Тшш, тихо. Тебе нужно успокоиться.

– Ты не понимаешь, что происходит? – отстранилась Эва. – Он спятил. Решил завести детей. Ему шестьдесят четыре! А что, если у них будет мальчик? Он же выкинет меня. Выкинет, выкинет, выкинет! Он не раз говорил, что ненавидит меня и не понимает почему терпит. А что мы без него делать будем, Терри? У нас же всё от него.

– Эва, сядь и успокойся, пожалуйста, – Терри принудительно усадил жену в кресло и встал рядом на колени. – Иона тебя любит и никуда не выкинет.

В ссорах Ионы и Эвы не было ничего удивительного. Торнежский характер. Иона, закаленный управлением миллионным военным приоратом, не умел или не хотел меняться в рамках семьи. Его прямолинейность и приказной тон ранили Эву. И, будучи его дочерью, она отвечала ему тем же. Они находились либо в стадии затяжной ругани, либо наигранного хрупкого перемирия. Их отношения не поддавались никаким объяснениям и систематике – они мирились в самый разгар ссоры или внезапно начинали ругаться посреди идиллии. Поводом могло стать что угодно, но, признаться, инициатором в большинстве случаев была мнительность Эвы. У них были странные отношения. Эва полностью зависела от Ионы, а вела себя так, словно всё было наоборот.

– Любит он меня, да? – взъелась жена, мигом подлетев на ноги. – Думаешь кто мне лицо разбил? Так это он и разбил, когда оттаскивал от той образины! А ещё плечо! Он плечо мне сломал, так оно треснуло, когда он меня за руку дернул.

Эва крутанулась, демонстрируя вполне рабочее «сломанное» плечо. Вероятно, когда Эва напала на Суриту, та автоматически провела захват и случайно выбила Эве кость из сустава. А Иона вправил. Стандартная травма гиммел.

– Я не думаю, что он сделал это намерено. Он не хотел делать тебе больно. Но лучше наложить фиксирующую повязку.

– Хотел! ещё и придушить хотел... и угрожал. Считает меня какой-то бешеной психичкой, дочку мне не отдал. Это он меня так любит?

– Тебе нужно успокоиться. Что бы вы друг другу не наговорили в ссоре, он всегда отходит и прощает. Тебе тоже нужно остыть. Иона тебя любит.

– Почему он тогда её защищал?

– Он тебя защищал. Сурита боевой офицер. Эва, давай договоримся – я сейчас принесу тебе таблетку, и ты её примешь. Тебе станет полегче, ты успокоишься. У тебя был очень сложный день, ты переволновалась, но сейчас я рядом и всё будет хорошо. Договорились?

– И ты больше никуда не уедешь? Тебя так долго не было, даже в эсске!

– Нет, больше никуда не поеду. У меня целая смена свободная, я только твоя.

– Ну, раз так... ладно.

– Куда ты убрала коробку с мелочевкой?

– Не знаю, – жена неуклюже потянулась обниматься, заулыбавшись. Но Терри было не провести, он знал, что за видимой улыбкой и спокойствием в следующую секунду могла последовать ещё большая вспышка. Все-таки он хотел дать жене успокоительное. – Может в нашей комнате.

– Я сейчас принесу тебе воды. Дай отдых плечу. И тебя нужно показать медикам. Если это тот захват, о котором я думаю, плечо снова может выйти из сустава. У тебя оно болит?

– Немного.

Терри поцеловал жену и направился в сторону их с Эвой спальни. В небольшой квадратной комнате стояли рядом два эргокресла с пенным матрасом. С двух сторон по тумбочке, а в углу за дверью рабочий столик жены, за которым она шила одежду и мастерила перчатки с украшениями.

Приор настоял на том, чтобы у дочери была профессия и Эва обучилась швейному и кройному делу. Долгое время она ходила в цех и отшивала там форму, но с появлением детей делать это перестала. Вырастив Номи, Эва сразу же потребовала второго ребенка и погрузилась в заботы о появившемся Юкки. Этот период «безделья» затянулся почти на семь лет. В последнее время её стал активно привлекать к делу третий Советник Ионы господин Оттбн. Эва помогала проектировать новые виды формы силовиков Первого и шила костюмы для Советников. Но, конечно же, больше всего ей нравилось делать маленькие копии формы для детей и украшать стекляшками и вышивками приорские перчатки. Эти её таланты оказались востребованы среди стаби, форму под детей Город не производил, поэтому Иона организовал ей рабочее место на дому – лишь бы она перестала вручную отшивать ему тысячную пару перчаток.

Терри размышлял, куда жена могла спрятать коробку – в одну из тумбочек или в стол. Он не хотел надолго оставлять её одну. При беглом осмотре содержимого тумбочек искомого найдено не было. Оставался только стол Эвы. С того угла, Терри услышал тихое нашептывание. За дверью кто-то стоял, скорей всего Юкки. Испугался громких голосов и спрятался.

Терри заглянул в закуток за дверью. Его догадки были правильными лишь отчасти. Там действительно был его сын. Он крутил в руках одну из своих шутих, а из непонятной кучи темного тряпья ко лбу Юкки протянулась длиннопалая рука с острыми когтями. Ладонь была настолько большой, что легко обхватывала голову мальчика. Пальцы гипнотизирующе постукивали длинными желтыми когтями по воротнику-стойке на спине сына. Терри не успел испугаться. Он действовал быстро – резко сбил тощую руку с головы Юкки и схватил сына. Мальчик моментально оказался у сердца Терри. От неожиданности сын выронил шутиху и та начала, пощелкивая, крутиться на месте.

Тварь забилась под стол и шипела оттуда. Терри осмотрел голову Юкки, ничего подозрительного на ней не нашел, но всё равно несколько раз провел по ней рукой, пытаясь стряхнуть что-то невидимое. В следующий момент он вылетел из комнаты, прижимая сына к себе.

– Что морниец делает в нашей комнате? – с трудом сдерживая себя, спросил Терри у жены. – Он должен быть заперт в приорском блоке.

– Спроси у Юкки, – отмахнулась Эва, поднимаясь с кресла. – Это он замок в отцовский блок выломал.

Жена пошла в спальню выгонять морнийца, а Терри непонимающе заморгал. Это казалось абсурдом, чтобы трехлетка смог вскрыть замок с приорским доступом – у мальчика просто не было сил на это, а про эску речи быть не могло, систему Юкки просто не знал. Застывший в горле вопрос «всё ли нормально», моментально превратился в удивленное:

– Как ты это сделал?

Юкки насуплено посмотрел на Терри и уткнулся лицом тому в плечо, свернувшись на руках. Из комнаты кубарем вылетел морниец, что-то бурчащий про себя. Он сверкнул затравленным взглядом и быстро облизал губы. Следом за ним шла Эва и брезгливо пинала его. Морниец запутался в своих тряпках и упал, снова зашипев.

– Ты ему руку сломал, – сказала Эва.

– Он держал Юкки за голову.

– Не смей трогать моего сына, тварь! – крикнула жена и с силой пнула кучу тряпья.

– Сына... лоно... трогать лоно да, – запричитал морниец, стараясь поскорее уползти.

– Что ты сказал? – спросила Эва.

– Ша, маленьк человек, малчел! Мальч, – сказал морниец странный набор слов, не сводя взгляда с Юкки. Говорить на пустынном языке он умел плохо, поэтому выдавал какой-то бессвязный набор обрубленных слов. Но Эве этого хватило, чтобы зайти на новый круг истерики – она услышала то, что хотела.

– У них будет мальчик! – с детской обидой в голосе вскричала она и начала с остервенением пинать морнийца. Он шипел и царапал одной рукой дверь в тамбур, пытаясь открыть путь для бегства. Юкки завозился на руках Терри, стараясь вжаться в него ещё сильнее.

– Эва! Ты пугаешь Юкки – окликнул жену Терри. Женщина резко замерла, перевела на Терри взгляд и жутковато улыбнулась.

– Ты же её знаешь? – елеинно спросила она.

– Кого?

– Суриту.

– Да, она мой начальник, – осторожно ответил Терри. Разговор с Эвой сейчас напоминал ему ходьбу по проржавевшему подвесному мостику в заброшенном районе Воротума. Все перекладки одинаково ненадежны, но какая именно провалится под ботинком, можно узнать только попробовав её на прочность.

– Она тебе доверяет? Ты же сможешь отравить её? Или в живот пнуть?

– Эва! – зашипел Терри, закрывая ладонью уши Юкки. – Ты себя слышишь?!

– Я шучу, – Эва растянула губы в мертвой улыбке. – Пойду и попрошу у неё прощения. Что это я, в самом деле. Если отцу удобно спать на этой подстилке, не буду мешать. Он ещё на меня разозлится за это. А мне не надо, чтобы он на меня злился. Мне надо, чтобы он меня любил.

Терри нахмурился, у него мурашки побежали по загривку. У жены остекленел взгляд.

– Нам обязательно нужно показать папе Юкки. Он всю жизнь хотел мальчика. Понимаешь? Он обязательно ему понравится. Смотри какой хороший у нас подросток! – залепетала жена нежным голоском и подошла к Терри, принявшись механически поглаживать сына по волосам. – Какие у него могут быть дети, в самом деле. Он же старик! А тут уже готовый мальчик. И умненький какой! Да, мой хороший? Хочешь к маме?

Юкки повозил головой, видимо это означало кивок, и стал отталкиваться от Терри. Алфар вспомнил, что он ещё не нашел успокаивающих таблеток. Терри опустил Юкки на пол.

– Эва, у тебя болит плечо. Не нужно его поднимать. Юкки уже взрослый и тяжелый, – хмуро сказал Терри, пристально разглядывая Эву. Эти скачки настроения категорически ему не нравились. Юкки обхватил маму за ногу и уткнулся лицом той в бедро, кашлянув.

Терри снова пошел в спальную комнату и практически сразу на рабочем столе жены нашел нужную коробку. Правда подходящих таблеток там не оказалось, но они нашлись рядом. Видимо, Эва сама хотела их принять, но пришел Терри и отвлек её. Алфар взял полупустой блистер, бутылку воды из тумбочки и вернулся в комнату. Жена, встав на колени, ворковала с сыном: вытирала лицо, поправляла волосы, отдергивала рубашку. Идиллия, если бы движения Эвы не были такими рваными и резкими.

– Дорогая, прими таблетку – как мы договаривались. Тебе станет легче, – Терри протянул жене блистер и бутылку с водой. Как ни странно, Эва подчинилась без вопросов и послушно стала выщелкивать таблетки, жевать их и запивать водой. Юкки сначала наблюдал, потом потянул руки, желая тоже съесть парочку. Эва улыбнулась и объяснила, что ему нельзя. Юкки захныкал.

Терри присел рядом с сыном на корточки и взял того за плечи, повернув к себе. Мальчик тер кулаком глаз и готов был заплакать.

– Юкки, скажи, что ты хочешь? – попросил Терри. Была у сына особенность, он становился молчаливым, когда испугается. Он умел и очень хорошо говорил.

– Таблетки он хочет, глупый, – прокомментировала Эва, прожевывая уже третью таблетку.

– Дорогая, тебе хватит. Я надеюсь, ты до этого не успела их принять? – мягко сказал Терри, забирая у Эвы блистер.

– Нет.

Юкки снова захныкал и потянул руки к блистеру, который Терри убирал в карман.

– Проговори, что ты хочешь. И я обязательно тебе это дам. Я мычание не понимаю.

Юкки насупился и потянулся к шее Терри, требуя, чтобы его взяли на руки, но ни слова так и не сказал. Терри подхватил сына и поднял на руки.

– Эва, сядь и отдохни. Может, ты всю бутылку выпьешь?

Как струна, натянутое всё это время нутро Терри, стало потихоньку расслабляться. Эва успокоилась, сын перестал прятаться и любопытно глазел кругом. Нужно вызвать медика жене, пусть плечо посмотрит, она как-то резво рукой махала. Терри давно понял, что порог боли у Эвы пониженный – она могла устроить истерику из-за уколотога пальца, но только ради внимания. В остальном эта женщина поразительно спокойно переносила боль.

– Я хочу круглые... белые, в твоём кармане, – прошептал Юкки.

– Сладкие? – Терри улыбнулся и обнял сына.

– Да, – кивнул мальчик, тоже начав улыбаться. Терри вытащил из кармана глюкозные конфеты, которые ему выдали после дезинфекции и вручил сыну. На канал пришло уведомление с меткой повышенной важности и Терри тут же его открыл. Сообщали, что в завалах Воратума нашли куски ткани и, судя по биркам, это форма пропавшего около трех недель назад Приора по идеологии. Дело о пропаже Приора было в ведении Терри, но его приостановили из-за отсутствия данных. Видимо скоро возобновят. Может найдут останки и дело автоматически закроют, если причина смерти будет «естественной». Хотя может ли быть «естественной» гибель из-за схода поезда с рельс?

Эва из кресла продолжала механически лепетать, о том какой Юкки хороший. Сам мальчик активно грыз глюкозные конфеты и покашливал. Уже три раза. Терри напрягся.

– Ты подавился?

Юкки замотал головой и с трудом проглотил конфету, с новой силой начиная кашлять. Теперь с хрипом. В Терри поднялась паника – он знал, что начинается, но верить в это не хотел. Он взял у Эвы воду и дал мальчику запить, ведь он всего лишь подавился. Юкки честно поста-

рался проглотить воду, но не смог. Вода потекла у него изо рта, брызгами попала на форму Терри. У сына из уголков рта начала проступать серая пена. Терри сжал зубы. Приступ. Ещё один.

Эва подорвалась на ноги с перекошенным от страха лицом и закричала:

– Я так больше не могу! Не могу!

– Эва, успокойся. Принеси воду. Я займусь им, – сквозь зубы проговорил Терри, переключившись на мальчика так, чтобы он не захлебнулся. Проводив коротким взглядом быстро удаляющуюся в спальню Эву, Терри понес Юкки в его комнату. Там была специальным образом настроена вентиляция, а особого запаха воздух давил воспоминаниями о десятках приступов. Сейчас Терри снова сядет рядом и будет бессильно смотреть, как его сын мучается.

– Тс-с, Юкки, вот так... – проговорил Терри негромко, сел на кровать и устроил худенького мальчика у себя на коленях. – Всё будет хорошо.

Юкки, затихший было, снова зашёлся в громком булькающем кашле, и из перепачканного рта полилась чёрная пузырящаяся жижа, заливая подбородок ребёнка, оставляя тёмные пятна на бежевой форменной куртке пустытника. Терри лишь крепче прижал его к себе, осторожно поддерживая маленькую светловолосую головку, рассеянно бубня под нос: «Всё будет хорошо». Мальчик стонущее заныл, а затем заплакал, перемежая плач страшными сильными вздохами. Терри лишь вытирал лицо сына и тихонечко покачивал.

Каждый раз в этой комнате он по-новому кругу вспоминал данное восемь лет назад обещание. Во время одной из ссор с дочерью Иона сбежал. Эва выставила Терри следом, приказав «добить» его, ведь прямо перед побегом тот начал трястись и задыхаться, сердечный приступ отца Эва восприняла за слабость.

Иону он нашел по кашлю. Приор сидел за углом дома, ругался и дрожащими руками пытался выудить из блистера таблетки. Терри замер, не решаясь приблизиться. Приор отправил в рот одну таблетку, прожевал её и снова закашлял.

– На что ты пялишься? – просипел он, закидывая в рот следующую. Терри понял, насколько идиотски он выглядит, ведь Приору прекрасно его видно – подглядывающего из-за угла. Терри метнулся за стену, сжал кулаки и замер. Он боготворил Иону, возносил на недостижимую высоту, и панически его боялся, потому что он обладал властью, он был словом Города, он был Город.

Терри резко выдохнул и с огромным усилием сделал шаг, затем осторожно второй и так несколько раз, пока не оказался рядом с Приором. Он готов был в любой момент развернуться и «проваливать прочь», но Иона молча сносил эту неловкую и долгую попытку приближения. Произойди то же самое сейчас, Терри шел бы ещё медленнее, если бы вообще нашёл в себе силы подойти. Иона пыхтел и кашлял. Терри упорно отводил глаза в сторону, взглядом цепляясь за порванный приорский браслет и перстень, которые валялись в траве.

– Что она со мной делает? – зарычал Иона и вытянул вперед дрожащие ладони. Терри дернулся. – Меня так не трясло, когда я людей на рейдах убивал. Я чуть не списал её, знаешь? Я ещё тысячу раз пожалею об этом. Не списал тогда, не списал сейчас, не спишу и потом. Она повиснет на моей шее камнем и задушит.

Иона спазматически вдохнул и закрыл лицо руками. Терри было до оторопи неловко от этих откровений. Он томился в безвыходном положении слушателя информации, которую предпочитал бы не знать. Не слышать. И не видеть Приора в таком состоянии.

– Что я должен сделать, а? – спросил Иона, убрав руки от лица, на котором остались белые полосы от пальцев – так сильно он вдавливал их. Терри застыл, кажется, без возможности дышать. – Что я, по-твоему, должен сделать?

– Разрешить, – севшим голосом сказал Терри и тут же добавил: – Господин Приор, Высший.

– Ты знаешь, – сказал Иона после длинной паузы, – моя жена была из твоих... чистопородный пустынный. Вся из себя: высокая, тонкая, надменная и больная. Я ненавидел как она на меня смотрела. Теофлидора. Двадцать лет её имя не произносил. Она сошла с ума, пока носила Эву. Ей невыносимо было знать, что в её чреве вызревает ублюдок. Во время родов она умерла. Я остался с младенцем на руках. Я хотел сдать её в Питомник, девочка, что с неё толку? Но перед этим я решил посмотреть... И вот я подошел к ней, ума не прикладывая, где там моя кровь. Она орала, словно перед тем, как отойти к предкам хотела сделать меня глухим. Мне нужно было дать ей имя. Обременительная честь, и я не знал, что можно отказаться, это бы всё упростило. Я посмотрел на нее, такую сморщенную и синюшную, в каких-то белых засохших разводах, и понял, что назову её как то дерево, что растет в саду под куполом Башни – она показалась мне похожей на его оголенные корни. Я городил ошибку за ошибкой – я посмотрел, я назвал, а потом я дотронулся. Она сжала мой палец в маленькой ладошке и замолчала. Я не смог убить её сам и не могу позволить, чтобы это сделал Город. Понимаешь?

Терри толком не понял, зачем Иона рассказал это и что он хотел услышать в ответ, поэтому неуверенно начал:

– Господин Приор, но у Эвы же хорошее здоровье и её репродуктивная система...

– Я слышал, – перебил его Приор, – что среди пустынников родительский инстинкт редко встречается. Это правда?

– Да, господин Приор.

– Зачем ты ей потворствуешь? Тебе должно быть всё равно. Или ты та погрешность?

– Нет, у меня нет этого сбоя, – отрицательно замотал головой Терри. – Детей хочет Эва.

В любом случае, наш ребенок будет воспитываться в Питомнике, как и все...

– Наивный юнец, – Иона засмеялся. – Она оставит ребенка при себе. Проблема не в том, что она не родит, Терри. Проблема в том, кого она родит. У неё третий сертификат здоровья, потому что её мамаша была больная на голову и это наследуется. Она родит ребенка, но он не пройдет сертификацию. И что потом?

– Господин Приор, вероятности низкие...

– Прекрати называть меня так. Здесь я не Приор, а подкаблучник. Я предпочитаю отделять эту сторону характера от работы.

– Извините, – сказал Терри, с трудом зажевав «господин Приор». – Эва... все эти вопросы изучала и настроена оптимистично.

– Ты не ответил на вопрос – зачем это тебе?

– Я люблю её, – ответил Терри и наконец смог поднять на Приора глаза. Иона смотрел на него с малообъяснимой тоской.

– Помыкать её желаниям не значит любить, Терри. Почему ты стоишь на своём, даже узнав, что ребенок будет расти при тебе?

– Не знаю. Но я знаю другое – в таком темпе ни вы, ни она долго не протянете. Разрешите попробовать, все анализы дают хорошую вероятность. Она очень хочет детей, она бредит мальчиком. Наследником для вас, чтобы это ни значило.

– Ты сможешь сделать правильный выбор, когда его придется делать?

– Какой выбор?

– Город не должен узнать, что моя дочь явила свету дефектного. Иначе её переведут на четвертый сертификат и стерилизуют. Она сойдет с ума, как её мать. Если ты берешь на себя ответственность, ты обещаешь мне, что не допустишь больного ребенка до сертификации – и она об этом не должна узнать. Я снова введу в рацион Эвы эти... добавки. И ты больше не будешь заикаться о детях.

– Так точно.

– И до сертификации я этих детей даже видеть не хочу.

– Так точно.

– Ты вообще видел младенцев?

– Да, одного Эва мне показывала в саду.

– А теперь представь, что это твой ребенок и ты сворачиваешь ему шею. И ещё раз ответь на мой вопрос.

– Так точно.

– Может дело и правда в этом инстинкте... Я не смогу. За меня это сделает кто-то другой.

Тогда Терри не понял, что Иона имел в виду под «выбором». Точнее умом он обработал гипотетическую ситуацию, о которой говорил ему Приор, и разрешил её в соответствии с идеологией: дефектные дети должны быть уничтожены. Логичный постулат, который вдалбливался всем с Питомника, рядом с тем, что твоя ценность напрямую зависит от пользы, которую ты можешь принести Городу. Пользу может принести только здоровый человек.

Страшно стало потом. Он нарушил обещание дважды. В первый раз, когда ему показали Иоланту, Терри осознал, что родительский инстинкт в нем всё же есть – это делало его напрочь дефектным. Он понял, о чем говорил Иона, когда рассказывал про имя Эвы. А второй раз он нарушил обещание, когда перепуганная Эва протягивала ему хрипящего и задыхающегося мальчика, настоящего, реального и вовсе не гипотетического. Его ребенка. И вмиг все идеологические установки летят во тьму, а в голове пульсирует одна мысль – помочь, спасти любой ценой.

Поначалу скрывать приступы Юкки было страшно, но за год они довели свои действия до автоматизма. Терри понимал, что это было легко – Приор не желал иметь никаких дел с детьми до сертификации. Приходя в куб, он запирался в своем блоке, нянчил Номи, но чаще его просто не бывало дома. Однажды утаив от него правду, скрываться после было легко.

Терри решил выяснить, что за болезнь у Юкки. Он просил Бальдра. Медик-гиммел не нашел никаких отклонений. Когда же случился приступ, он растерялся так же, как и Терри в первый раз. В его инструкциях не было заболевания с такими симптомами. Эва шипела – что медик-гиммел может знать о болезнях высших? Нужно достать медика-вадара! Через коллег Бальдра им удалось отыскать медика из Четвёртого приората – Сааведро. Он не сказал ничего нового – переждать спазмы, настроить вентиляцию, давать много пить. Он тоже не знал из-за чего происходят приступы и что за черная пена лезет из ребенка. Легко было сказать «переждите приступ», ведь с каждым разом это длилось всё дольше. Юкки задыхался, а они ничем не могли помочь.

Но Сааведро взял анализы, проявил дотошную заинтересованность. И, видимо забыв о сотню раз повторенной просьбе, записал эти исследования на Эву. Об этом сразу же узнал Иона, от статуса которого отщипнули непонятный медицинский ресурс. С огромным трудом, краснея и заикаясь, они на ходу что-то выдумали, в глаза ввали Приору. Точка невозврата была пройдена. Одно дело скрывать что-то, совсем другое дезинформировать.

Теперь, по прошествии года с момента первого приступа, Терри понимал, что всё безнадежно. Над ними грозно нависала сертификация – событие, обязательное для каждого гражданина Города. Его проводят, как только ребенку исполняется четыре года. Это прохождение тестов на физическую и интеллектуальную пригодность. Город определял на кого из детей стоит тратить ресурс в дальнейшем, а кого лучше умертвить, для блага остальных. Условно, перед обладателями первого сертификата были открыты все двери, те же, кому доставался четвёртый были обречены на крематорий.

Юкки был умным мальчиком, с тягой к изобретениям. Он быстро решал головоломки и составлял свои, хорошо считал в уме. Он постоянно что-то изобретал и ломал, но лишь для того, чтобы понять, как все устроено. Юкки был рожден в семье Приора и, ему хватило бы слабого третьего сертификата здоровья, чтобы продолжать жить. Но его забракует при малейшем намёке на приступ. Это однозначно четвёртый, на интеллектуальные показатели и статус смотреть не станут. Сразу из тестовой комнаты мальчика повезут в крематорий.

Дальше гарантирована проверка членов семьи. Тогда всплывёт третий сертификат Эвы, у неё в крови «наследуемые» дефекты. Ей, а не Лефтерису, владельцу «счастливого» первого, придется расплачиваться за дефектного ребёнка. Её саму загонят на стерилизацию. В один день она лишится ребенка, будущих детей и, вероятно, мужа. А может и разума. Иона предупредил...

Чтобы всего этого избежать, Терри нужно всего-то не допустить Юкки до сертификации. Свернуть шею собственному сыну. Сможет ли Терри принять правильное решение? Только сейчас это решение, несмотря на все аргументы, казалось неправильным!

Терри вздрогнул. Юкки затих, а он так глубоко погрузился в свои мысли, что не заметил, как морниец подполз чуть ли не вплотную к его ногам. Своими жуткими глазами тварь прямо смотрела на Терри. Совершенно черный белок, ярко голубого цвета радужка, сейчас сжавшаяся до узкого обруча вокруг черного зрачка. Немигающий взгляд. Возникло единственное желание – затряхнуть его на месте. Но это был морниец Ионы.

– Я... помощь. Дай, – в голосе твари слышалось требование.

– Уйди или я сломаю тебе вторую руку. Если это не поможет – шею, – потребовалось бесконечное усилие, чтобы не заорать – Терри боялся напугать затихшего Юкки. Морниец, вопреки угрозам, подполз ближе, протягивая к Юкки ладонь. Руки у него были сплошные кости и сухожилия, обтянутые тонкой кожей, вытянутые, с длинными пальцами и отвратительными желтыми ногтями. И Терри четко видел закрытый перелом и неестественно торчащую под кожей предплечья кость.

– Дай, – поманил морниец к себе, снова завозившись в груди тряпья на полу, откопал непонятную полосатую пластинку и постучал по ней длинным ногтем мизинца. – Я помочь.

– Уйди, – повторил Терри. – Ему нельзя помочь!

Сказал и осёкся, осознавая, что... проговорился. Пустынник прижал сына к себе сильнее, отгородившись от морнийца. Безумно страшила мысль о том, чтобы дать этой твари хотя бы тень власти над Юкки, или над собой. Слишком сильны были заложенные с самого детства паттерны – морнийцы зло, их нужно убивать не раздумывая. Бессилие вкупе с раздражением давали острую смесь злобы. Об их способностях и возможностях ходили легенды, говорили, что они могли подавлять волю, контролировать тело, читать мысли, владели непостижимым оружием, способным уничтожить целые города в мгновение ока. И именно морнийцы были повинны в том, что стало с миром. Много что про них говорили, и не всему Терри верил, но эта тварь его пугала. Одни глаза чего стоили.

– Ша-а-а, туптамаш кромба тар! Ша-а-а! – прошелестел со странной горячностью и убежденностью морниец, впрочем, тут же отдернул узловатую конечность.

Мальчик снова захныкал, выворачиваясь из рук отца, ему было тесно и душно – капли пота выступили на лбу, темные, грязно-серые. Как и слёзы. Юкки выгнулся и, толчками, вторя конвульсиям, у него изо рта снова потекла серо-бордовая жижа. Морниец поймал её в ладонь, размешивал когтем и пристально разглядывал. Терри била крупная дрожь, ему было физически противно наблюдать, как тварь копошится в рвоте Юкки.

От безысходности ныло нутро и внутренний голос требовал сделать хоть что-то. Например, убить морнийца. Ведь от него все беды. Терри оттолкнул тварь ногой, удерживая хрипящего Юкки. На мгновение глаза застлала горячая пелена и Терри ослеп. Всего лишь слезы. Юкки резко обмяк у него на руках. Терри зажмурился и прижал к себе маленькое тельце. Дышит. Приступ миновал. Его обдало жгучей радостью, следом за которой навалилась отупляющая слабость. Терри переложил мальчика в постель. Машинально поправляя сбитые тонкие волосы на лбу, он отметил на щеке сына проступившую маленькую царапину, на которой набухла капелька крови. Ранка от чего-то острого. Терри проверил всю выступающую фурнитуру на своей форме и так и не понял, как он мог поцарапать Юкки. Слишком сильно прижимал?

– Эва? – севшим голосом позвал он жену. Она слишком долго несла воду. Не услышала. Придется встать. Говорить громче он не может, да и нельзя – Юкки заснул. Он всегда после приступов спал. Терри какое-то время смотрел на безмятежное лицо мальчика, который ровно и глубоко дышал. Ему только хотелось поскорее стереть со светлой кожи разводы болезни.

Терри встал и натолкнулся на одичалый, почти лишённый разума, затравленный взгляд морнильца. По некрасивому шрамированному лицу то и дело пробегала болезненная судорога.

– Что с тобой? – неожиданно даже для себя спросил пустынный. Морнилец, когда Терри приблизился, попытался вжаться глубже в угол, хотя, казалось бы, дальше просто некуда, и теперь старался укрыться в своём тряпье.

– Хозяину говорить слова... о... он, – неожиданно залепетал морнилец, кивая на спящего мальчика. Кажется, его звали Даккой, это проблема. Он может сказать Приору. Иона не должен узнать! Терри ощутил удушающую панику.

– Не говорить слова о мальчел, – продолжил морнилец.

– Не было ничего – грубо сказал Терри, отходя к двери. – Выметайся.

– Ядрума браха, яд грёйя. Грөйя убрать. Не надо грөйя к браха. Яд грөйя... – зашептал морнилец, вытянув снова вперёд руку и указывая тощим длинным пальцем на мальчика. Терри проследил куда указывает морнилец и холодно повторил:

– Выметайся!

Дакка ломанулся к двери, ведущей в коридор и быстро за ней скрылся. Терри вышел следом и осмотрелся в поисках жены. Эва сидела в кресле в обнимку с бутылкой воды. Женщина грызла ногти, уставившись в стену невидящим взглядом.

– Он уснул. Его надо умыть, а мне – сменить куртку... – мягко проговорил Терри, подходя к жене и поглаживая её по волосам. Но Эва вывернулась из-под руки, неожиданно напряжённым и злым взглядом смерив мужа.

– Мы должны рассказать отцу. Сейчас же. Сегодня, – заявила она, поднимаясь с кресла и с силой бросая бутылку на пол. Судя по дрожащей интонации, от этой перспективы она сама приходила в ужас. – Юкки умный мальчик, талантливый, хорошо говорит и считает. Он должен понравиться папе. Он прекратит возиться с Номи, забудет про свою подстилку, ведь тут такой хороший мальчик...

– Он задыхается, Эва, – Терри старался говорить спокойно. Он чувствовал себя опустошённым, на самой грани того, чтобы сорваться. Апатия легко превратится в гнев. Они говорили об этом сотню раз. Приор не должен знать.

– Да, но что нам делать?! Ему скоро четыре! Его же забракуют! – вот уж чего Эва не любила – это понижать голос. Говорить на повышенных тонах было её своеобразным талантом. – А так отец его полюбит и что-нибудь сделает... Он любит меня, любит Номи, полюбит и Юкки. Я просто буду убирать за ним грязь, мыть его, на время приступов уносить подальше. Я умею делать вид, что все хорошо. Вот смотри!

Жена замерла и натянула на лицо безжизненную улыбку.

– Эва, – Терри взял её за плечи. – Мне нужно ещё немного времени. Я решу эту проблему. Ты не должна ничего говорить Ионе. Обещаешь мне?

На лице Эвы отразилась гамма эмоций, весьма далёкая от интереса или надежды – брезгливость, раздражение, злость. Но лишь на секунду, следом она снова остекленела и напустила на себя отталкивающую маску.

– Как ты решишь? – сказала она со снисходительной улыбкой. – Ведь ты уже четыре года не можешь получить повышение.

Она злится и бьет по самому больному. Сколько раз он наблюдал эти приемы на Ионе. Оказаться целью таких нападков неприятно, но апатия делает его невосприимчивым. Тем более она права. Терри четвертый год не может получить повышение. И в этот раз не получит.

Но даже если получит, это ничего не изменит – до статуса стаби ещё два уровня должностей. Он решит по-другому. Пока не знает как, но обязательно решит. У него нет другого выхода.
– Пожалуйста, дай мне ещё время. Сертификация через месяц. Я успею.

ГЛАВА 02— К Эргокресло

Скрипя ходовой частью поезд медленно входил в крутой поворот. Грузовой вагон шестого класса ехал вхолостую, а оттого гремел ещё сильнее. Привинченные к полу полки дребезжали и щелкали, а потолочные ремни с лебёдками глухо стучали друг об друга. Убранные под решетки потолочные лампы заливали вагон синеватым светом. Внутри царила духота, перемешанная с едким запахом от недавно обновлённого пола.

Посередине вагона стояло старое массивное эргокресло с красной потрескавшейся обивкой. Под его разбитыми заслонками мертвели подлокотные датчики, держатель для инъекционных бутылей уныло свешивался с погнутой ножки, а сзади торчали вырванные провода подключения. Это кресло имело бы сомнительную ценность, даже если бы было исправно. Но его новый владелец, мужчина тридцати пяти лет в засаленной форме идеолога второго уровня, лежал на нём с чрезвычайно довольным и даже мечтательным видом. Он задумчиво ковырял бородавку на заросшей щетиной щеке и чопорно касался пальцем бруска грёйи, которую пристроил в выжженую дырку на обивке подлокотника. Сразу после он причмокивал, касаясь языком гнойной лунки на месте выдранного на днях клыка, и снова принимался тереть бородавку. Парма Элой готовил отчёт.

Рядом, на прикрученных к полу сидениях, насуплено сидел его молодой ученик – Киран. Юноша был из высших, о чем кричал весь его холёный вид: начиная от формы последних образцов из дорогой технологичной ткани, заканчивая здоровым румянцем достатка на щеках. Белокурый парень будто сошел со старых идеологических агиток, являя собой образец «чистокровного пустынного»: высокий, голубоглазый, моложаво поджарый и классически красивый. Но этот образ безвозвратно устарел и превратился в карикатуру, ходячей иллюстрацией которой, к своему разочарованию, Киран являлся уже семнадцать лет. По логике многих, если уж ему досталась такая внешность, то к ней в комплекте обязательно должна идти врожденная гениальность высшего вадара, уровня Инженера, не ниже. Поэтому если Киран в пятилетнем возрасте не изобрел новую Базовую машину, то его смело можно списать в паразиты.

Причина обиды, затаившейся между двумя пассажирами старого вагона, заключалась как раз в этом.

– Вы не могли бы... – не выдержал Киран и испепеляющим взглядом пробуравил парму. Чавкающий звук, который тот издавал каждые пять секунд, раздражал невероятно.

– Ну, наконец, – улыбнулся Элой и снова причмокнул. – Я думал, ты лопнешь.

– Вы специально это делаете?

– Что?

– Звук вот этот издаёте!

– Я бы посмотрел, какие ты звуки будешь издавать, когда тебе передний зуб накануне отчитки выдерут, – проворчал Элой.

– Вот и дали бы отчитку мне вести, раз у вас зуб болит, – буркнул Киран. Парма захихикал. Киран посмотрел на него и с трудом удержался от гримасы отвращения. Гнилых зубов во рту у наставника было предостаточно.

– Ну, давай, выкладывай.

– О чём вы? – спросил Киран, пытаясь вдыхать ртом, чтобы не чувствовать запах, источаемый старшим идеологом. Поезд ощутимо трянуло, и он стал с воем набирать скорость. Киран расставил ноги, чтобы случайно не свалиться.

– Ты явно хочешь мне что-то сказать. Разрешаю, – Элой снова причмокнул.

Киран смерил парму брезгливым взглядом и отвернулся.

– Люблю смирных, – ухмыльнулся парма.

– Вы даже не пытались, это не отчитка была, а объявление! – выпалил юноша, не в силах более терпеть пренебрежительный тон Элоя. – При том производстве было много старых далет, для них самые сложные техники внушения. Я ведь их изучал. Почему вы не позволяете мне их освоить? На ваших далетах отрабатывать нельзя, ладно, их могу испортить... но там было пять тысяч человек на списание, мне хватило бы пары штук.

– Семь шестьсот, – поправил Элой.

– Почему не сделать настоящую отчитку? – отмахнулся Киран. – Посмотреть их мысли, настрой, оценить верность Городу, увидеть нарушения директив, кастовых законов. Через эсску или локально. Идеолог может досмотреть мысли любого.

– А зачем? – бросил Элой, вновь с видимым неудовольствием касаясь ранки языком.

– Так инструкции! – задохнулся в возмущении Киран. – И вы... вы должны меня учить!

– Таби не учат, за ними присматривают. Твое дело – архив.

Кирана снова назвали бесполезным просто из-за факта рождения в таби.

Каждый кастовик, которого выбирали на должность Приора или Советника Приора, получал статус «стаби». Это значило, что человек переходит в надкасту, на него перестают действовать ограничения кастового закона, и ему полагается обеспечение в неограниченном объеме. Город признавал их наиболее полезными гражданами и заботился о том, чтобы стаби ни в чём не нуждались. А ещё им разрешалось иметь «семьи»: заключать устаревшую форму сцепки – «брак». Эта умирающая традиция поддерживалась только парой чистокровных семей: среди пустынников редко возникало желание воспитывать детей. Но стаби могли не сдавать детей в централизованную систему воспитания. Таких детей называли «таби»: они во всём зависели от своего родителя-высшего, жили по его желанию и для его развлечения. Как правило, им не давали знаний и профессии, ведь приносить пользу не их задача. Они были игрушкой, обеспечивали стаби отдых и умиряли вместе с ним или раньше, если стали обузой.

Но не все таби были бесполезны. Киран знал примеры, когда таби переходили в касту и начинали приносить пользу Городу. Но после введения селекционных программ размножения и строгих систем отбора детей в Питомник, рожденные в браках таби уступали кастовикам и по уму, и по здоровью. Таби, добившиеся перехода в высокую касту, стали исключением. Но это не значило, что таких таби не существует. Киран причислял себя к последним – он получил знания идеолога и теперь осваивал профессию, чтобы приносить пользу. Он хотел стать алфаром и добиться таких же высот, как отец. Он истово верил, что у него получится. А Элой как раз должен был ему в этом помогать.

Но парма по инерции считал его бездельником, который присосался к статусу высшего, и совсем не хотел его обучать. В этом парень находил противоречие. Уж если Элоя так раздражает, что у «бесполезного» Кирана доступ ко всем благам высших, не правильнее ли дать ему отработать? Не логичнее ли помочь стать полезным? Обучить, показать, загрузить работой. Тем более парень сам хочет быть полезным. Элой, каким бы мерзким не был, обладал огромным практическим опытом. Хотя за пять лет безделья в приграничном секторе мог растерять всё, в том числе рассудок – уже дряхлые кресла ворует.

– Парма Хайна меня учил, – веско сказал Киран.

– Ты тоже сидел у него в архивах, – парировал Элой.

– Да... – запнулся парень, пытаясь быстро придумать контраргументы, потому что подход пармы Хайны к его обучению был схожим. Пришлось врать. – Но он показывал мне техники внушения, мы с ним разбирали декодировки касты далет. Он учил меня...

– Если тебе так с ним нравилось, почему тебя сюда скинули? А? – Элой подался вперед и впился в Кирана злым взглядом. Парня обдало волной прогорклой вони. – Что ты здесь ищешь?

– Что? – отшатнулся Киран. Он растерялся от такого резкого перехода.

– Зачем ты лазишь по моим учётам, стервец?

– Я идеолог и это моя работа, – попытался возмутиться Киран.

– Нет, твоя работа – архив. А ты копаешься в моих учётах и всё время ищешь одно и то же: высокий мужчина, двадцать восемь лет, декодирован четыре месяца назад, голубые глаза, рыжие волосы. Кто это?

– Я не понимаю, о чём вы, – севшим голосом сказал Киран. Тот факт, что Элой заметил запросы, стал для юноши неприятным открытием.

– Это Хайна тебя надоумил?

– Не понимаю, о чём вы, – упрямо повторил Киран, отводя глаза.

– Не понимаешь во что лезешь. Сиди и разбирай архив. Ещё раз замечу, что шарисься в учётах – доложу кому следует. Понял меня?

– Понятия не имею, о чём вы, – процедил Киран.

– Понимать не обязательно, а вот делать как я сказал – да. Чтобы больше не занимался глупостями, понял? – Элой откинулся на спинку кресла и пятерней зачесал назад редкие сальные волосы. – Повышу тебе норму выработки в архиве. Это шанс приносить в два раза больше пользы. Всё во славу Города. И возьми респиратор.

Киран, придавленный подозрениями Элоя, в полемику вступать не стал. Это было так же бесполезно, как и разбор архива. Делать в этом секторе решительно нечего. Держало его только одно, а точнее один: высокий мужчина, двадцать восемь лет, декодирован четыре месяца назад, с голубыми глазами и рыжими волосами. Киран почти его нашел.

Сектор ноль-восемь-эс, к которому четыре недели назад Киран был прикреплен младшим идеологом, располагался на юго-восточной границе Города. Справа он граничил с обветшалым ноль-восемь-а, снизу с полузаброшенным ноль-восемь-я, а слева с законсервированным несколько часов назад ноль-восемь-э. Последний формально присоединили к эс и он стал головной болью Элоя, который теперь должен был следить, чтобы дикие торнеги не растащили остатки заводского имущества. Но даже с учётом этих территорий сектор пармы был катастрофически мал и ущербен. Городских заводов здесь не было, только производства для собственных нужд вроде таропомывочных и швейных цехов. Где-то на границе располагалась сеть выработанных пещер с падучим грибом, который периодически ошипывали. Это давало примерно полвагона сырья в неделю, что не закрывало даже дневной потребности сектора в еде. А в одном из новых ангаров, что виднелись из столони, развернули полевой крематорий, в котором уничтожали тела торнегов из приграничных поселений. Такое соседство давало более-менее стабильное расписание монорельса в буферную зону – крематорские постоянно что-то возили к своему основному заводу.

При секторе по учётам числилось три тысячи пятьсот шесть низших кастовиков – далет, бóльшая часть которых не была задействована в постоянных работах. Казалось, что непременно должен воцариться хаос: воображение рисовало полторы тысячи голодных далет, штурмующих столоню с требованием дать работу. Но когда дошло до раздачи нарядов, на маленькой площадке у барачков Киран с трудом насчитал полсотни желающих. Куда делись остальные? Трудно поверить, но они ушли за границу, к торнегам. Это стало одним из шокирующих открытий, которые Киран сделал в Воротуме – не торнеги ломались в Город, а городские уходили на спорные территории. Он-то представлял, что огромные полчища примитивных дикарей штурмуют городские границы с требованиями еды и работы. А оказалось, что низшие кастовики идут к торнегам за едой.

Вторым ошеломляющим открытием было то, что Элой с этим ничего не делал. Он сидел в кабинете, пил из бутылок с мутным осадком, бессвязно бормотал и стабильно посылал в Башню фиктивные отчёты, по которым дела в секторе обстояли образцово-показательно. Эти отчёты были предельно doskonaльными и даже красивыми в своей выверенной структурированности. Но Киран не понимал, почему парма тратит столько сил на видимость, когда в треть этих усилий мог навести реальный порядок. Если ему самому это делать не хотелось, то у него

было два помощника: Киран и Дорий. Но им тоже не давали работы, кроме разбора архива. Поэтому создалась патовая ситуация, когда Киран нужного человека по учётам видел, а вот где его искать вживую, понятия не имел.

Поезд, подёргиваясь, прибыл под обветшалый навес стандартного перрона. Три мало-мощных прожектора желтым светом разгоняли сумерки по узкой бетонной платформе. Под одним из таких, у выхода к крытому переходу в главное здание столицы, стояли четверо: идеолог в бежевой форме с бордовыми обшлагами и трое худосочных далет в серых рабочих комбинезонах. Поезд последний раз дёрнулся и лениво распахнул двери. Киран подскочил и вышел первым.

От платформы волнами исходил жар, она ещё не успела остыть после заката. Дыхание на секунду перехватило, и Киран прикрыл рот рукавом. К нему, сильно прихрамывая, подошел Дорий, тоже при Элое числился младшим идеологом – перешел из учётников полтора года назад. Ему двадцать, он невысокий и щуплый брюнет, с крупными, выступающими вперед зубами. Кирану Дорий казался глуповатым, но с ним единственным здесь можно было поговорить. Он интересно рассказывал, особенно истории про воспитание в питомнике. Но иногда становился чрезмерно навязчив и требовал странных откровений. Киран не мог понять, то ли это особенность питомничьих, то ли его Элой подсылает.

– Легкой смены, – улыбнулся Дорий. Киран кивнул, но рот предпочел не открывать, пыльный воздух мог вызвать приступ удушливого кашля.

Элой, остановившись в дверях вагона, проворчал:

– Я же просил взять гиммел.

– У нас в бараках накрылась вентиляция, – жизнерадостно заявил Дорий. – Они следят там за порядком. Пришлось взять этих.

Далеты отвесили вялые поклоны и прошли в вагон. Спустя пару секунд послышался грохот, а следом проклятья:

– Осторожнее, олухи! Это тонкий механизм, вам его вообще лапать не полагалось! Да возьмите вы его с разных углов и поднимите, – орал Элой, быстро скатываясь в нецензурщину.

У Кирана кончилось терпение, он развернулся и пошел прочь. Дорий, хромая, увязался за ним:

– Подожди, ты куда?

Киран остановился и пнул носком ботинка край выступающей плитки. Она выскочила и, отлетев сантиметров на тридцать, начала крутиться. От Дория легко можно было оторваться, но парень решил его подождать.

– В архив, куда же еще, – буркнул Киран, поворачиваясь.

– Как прошло? – спросил Дорий, оглянувшись на новый шквал криков из вагона.

– Элой собрал всех в цеху, сказал три раза «Город лучше знает», потом пустил порошок. Всё. Остальные три часа кресло выламывал, – пожал плечами Киран. Он понял, что не хочет делиться с Дорием своими эмоциями по поводу несостоявшейся отчитки. – Зачем ему это древнее кресло, я не понимаю. Там даже купола нет.

– Ну хоть съездил, посмотрел... – ответил Дорий с легкой завистью в голосе. – Меня он никуда не берет.

– Ты не много потерял, – решил закончить разговор Киран. Он сунул руки в карманы и пошел к выходу с платформы. Формально до конца смены было ещё два часа, поэтому он должен идти в архив, но юноша подумывал забронировать ячейку и лечь в развлекательный сеанс. После нескольких часов безделья и дороги он чувствовал усталость. Элой слишком занят эргокреслом, вряд ли он вспомнит про Кирана до следующей смены. Дорий упрямо ковылял следом. Киран пошел чуть медленнее:

– Что с ногой?

– Такая история! Провалился, – с внезапным оживлением ответил Дорий и задрал правый рукав формы. Под ним виднелось перемотанное запястье. – ещё руку потянул.

– Где умудрился?

– Так на третьей балке. Пошел я, значит, к главной дороге за порошками для Эло... – бодро начал Дорий, но судя по оборванному звуку, бывший учётник сообразил, что история не для ушей Кирана. Он почему-то боялся рассказывать про свои походы к торнегам. Наверное думал, что Киран обязательно его накажет или сдаст кому следует. Это было глупо, потому что знание о том, что Дорий ходит к торнегам за порошками для Элоя, было таким же общедоступным, как и привычка последнего ковырять бородавку. У пармы были плохие зубы, от него несло прогоркло-пряной ржавью и частенько он ходил с мутными глазами и плутоватой улыбкой. Все это прямым текстом говорило о том, что Элой подсел на выпарки из падучего.

Во многих пещерах в пределах Города падучий выродился в то, что называли ржавью: большой белый пластинчатый гриб с водянистой шапкой превращался в мелкие рыже-серые пучки выющихся нитевидных трубочек, которые на любое движение выстреливали дурно пахнущими токсичными облаками спор. До конца было непонятно, почему так происходит, учёные говорили, что из-за недостатка воды и мутаций. И если падучий перерабатывали в едовые концентраты, то ржавь была токсичной, вызывала привыкание, а вдыхание спор и вовсе приводило к смертельной болезни, когда гриб прорастал на внутренних органах.

Город использовал переработанную ржавь в малых концентрациях в стимуляторах и напитках вроде дарзи, которые для поднятия настроения цедили высшие. Однако стимулятор выдавали по показаниям, а достать дарзи за пределами Башни было практически невозможно. И вот здесь появлялись чернозубые сидиты, с их выпарками, смесями и самокрутками, которые назывались шира. Они обещали эффект ржави без привыкания, но с парой неудобств вроде испорченных зубов, галлюцинаций и тремора. Городские соглашались, ведь эффект от торнежских смесей был схож с мощным разгрузочным сеансом, только без промывки мозгов, да и стоил в десятки раз дешевле. А зубы у всех к двадцати и так были плохие.

Только одна проблема – ходить за границу запрещено, а обменивать у торнегов городское имущество на ржавь и вовсе противозаконно. Но никого в приграничном секторе эти запреты не останавливали. Кроме Элоя. Что было странно, учитывая глубину канавы, которую он под себя вырыл фиктивными отчётами в Башню. Дважды в неделю Элой посылал за границу Дория и последний очень гордился тем, что парма доверяет ему это задание. Учитывая зависть, которую младший идеолог испытывал к Кирану, только этой благосклонностью Элоя он и мог похвастать. Но обычно он раньше вспоминал о том, что про эти «просьбы» нельзя говорить.

– Для Элоя? Продолжай, – улыбнулся Киран. Замешательство, с которым пытался бороться Дорий, его позабавило.

– Нет, для э... эксперимента. Да, я затеял эксперимент, – попытался выкрутиться младший идеолог. – С порошками. За которыми я и пошел.

– А почему он сам не ходит?

– Кто?

– Э... эксперимент, – передразнил Киран. – Почему он сам за порошками не ходит? Там же половина его сектора, должен чувствовать себя хозяином. И торнеги его любят, ведь столько обеспечения уходит за границу из-за его попустительства.

Киран пнул плитку и быстро пошел прочь. Он переоценил своё спокойствие. Хлипкий пол наспех построенного перехода между платформой и зданием стальной грохотал под ботинками. Было темно и душно. Кирану хотелось разбить что-нибудь от бессилия. Находиться рядом с Элоем и его прислужниками было невозможно. Можно попросить у дяди нового наставника и приказать, чтобы его учили, а не запирали в дурацком архиве. Мысль о такой возможности приятно остудила пыл. Дядя не откажет, он ни разу ещё не отказывал. Но этой

просьбой Киран в очередной раз докажет, что ни на что не способен сам. Его отец в этом возрасте уже получил повышение до идеолога, а Киран только научился копировать архив.

«Еще два часа смены, – слышался гнусавый голос Элоя в системе. – Бери респиратор и иди разбирай архив!».

Киран со злостью стукнул кулаком по стене перехода. Вся конструкция загудела, а лист стеклопластика, вместо того чтобы разбиться, вылетел наружу больно щелкнув Кирана по костяшкам. Юноша ругнулся и поплелся вниз по винтовой лестнице.

Под архив в секторе был приспособлен бывший производственный цех в восемьсот квадратных метров. Большое помещение, забитое высокими, под потолок, стеллажами, на которых в древних целлюлозных коробках складировались разномастные бруски гройи. На пластинках значились сухие данные о местных кастовиках: имя, номер, каста, социальная группа, год рождения, сертификат здоровья, место рождения, образ, краткий психологический портрет, место распределения, выполняемый функционал, места работы, выдержки из личного дела по нарушениям и поощрениям, место и дата смерти, отметка крематора. Некоторым записям лет по сто, там мыслеобраз ещё совсем неумелый и неразборчивый.

Киран третью неделю перезаписывал данные с древних пластинок в новые формы эски и сбрасывал гройю в ящики. Эти ящики потом отправляли в Башню и засыпали в ствол, который служил ядром симуляторной среды. Для увеличения мощности эски Башне нужна была вся гройя Города. После смены в архиве наступала апатия, хотелось просто смотреть в стену или запустить первый попавшийся, самый примитивный развлекательный сеанс в системе. Киран чувствовал, как деградирует.

Зачем Городу эти архивы? Зачем хранить данные о далете, которого списали тридцать лет назад и единственным его достижением была переработка нормы в полтора раза? Киран полагал, что эта информация из буферной зоны эски сразу идет на уничтожение. Если учёт тридцать лет назад велось такими же халтурщиками как Элой, то ценности в них нет даже для статистики.

Юноша сидел на табурете и насуплено переводил взгляд с длинного ряда стеллажей на громоздящиеся ящики в углу у железных ворот. Далеты выгружали архив с сектора ноль-восемь-э. Простые подсчеты говорили, что каждые пятнадцать минут на скрипящей тележке подвозят полтора месяца работы. Задерживаться здесь так долго Киран не планировал, поэтому просто бездельничал, дожидаясь конца смены. Он крутил в руках исцарапанный респиратор и пытался думать. Рядом сильно шумел швейный цех, в уме вяло ворочались мысли о том, как и где найти рыжего.

Не идти же самому за границу? А что, Дорий вон ходит, значит ничего сложного. Хотя он там умудрился руку и ногу повредить, а может и головой стукнулся. Всё же Киран зря сорвался на Дория, его можно было раскрутить на разговор. Может он видел рыжего или знает, куда местные далеты переселились. У Кирана спазмом свело живот, а секундой спустя, как насмешка, пришло напоминание о времени приема пищи. Юноша стянул с руки грязную перчатку и достал из внутреннего кармана помпу с концентратом. Она оказалась последней, а значит придется снова идти в медблок. У Кирана было новейшее поколение едовых концентратов, которые присылали из Башни специально под него, и которые почему-то хранились у медиков. Те с благоговением разглядывали белые ампулы автоматического ввода и каждый раз как-то нехотя отдавали их парню. Сорвав защитную упаковку, Киран аккуратно приспособил носик ампулы под плоскую клипсу катетера на левом запястье и немного надавил. Содержимое баночки впрыснулось в вену. По руке побежали мурашки.

Парень вздохнул и поднялся на ноги. Концентрат – это хорошо, но, чтобы в желудке прекратились спазмы, нужно идти к автомату за жевательными кубиками, которые он получал уже по общим правилам. Скучнее занятия, чем бесполезно работать челюстями, разжевывая

волокнистый клейстер, и представить нельзя. Но Кирана запугали, что если он будет забывать про кубики, то у него вывалятся зубы. Наверняка пустые угрозы, но парень решил не рисковать.

Ближайшие автоматы с жевательными кубиками были в общем коридоре второго яруса главного здания столони. Киран прошел вглубь архива, вышел к лестничной площадке, поднялся на четыре пролета и, миновав большой складской прилавок выдачи, вышел в замызганный коридор. Он был раздражён – ходить по такой духоте занятие малоинтересное, а вентиляция накрылась, видимо, не только в бараках, но и во всей столоне. Под ботинками скрипел песок, пахло чем-то горелым. У поворота вяло подметал пол какой-то далет, у прилавка склада ошивалась громкая тройка гиммел, но в коридорах было подозрительно пусто для ночной смены. Киран подошел к одному из ржавых аппаратов и прислонил браслет к исцарапанной панели. Агрегат задумался.

Боковым зрением Киран отметил, что в коридоре кто-то появился, а по прихрамывающей походке, он узнал в этом человеке Дория. Тот выглядел раздосадовано, на щеках красными пятнами проступало раздражение. Киран убрал браслет от панели аппарата и, выждав секунду, снова прислонил. Вопреки ожиданиям ничего не произошло. Дорий подходил всё ближе и Киран услышал, как он ругается себе под нос. Наверняка идет от Элоя. Говорить с ним сейчас не лучшая затея.

Киран вернулся к созерцанию ржавой коробки автомата и повторил свою попытку. Снова ничего не произошло, аппарат задумывался и ничем этот мыслительный процесс не заканчивался. Киран уже хотел попытаться в другом ржавом ведре, но тут к нему подошел Дорий:

– Стукни сбоку.

– Что? – не понял Киран.

Дорий кивнул вернуть браслет к панели доступа и сильно ударил по боку аппарата. Как ни странно, варварский метод сработал, и автомат предложил Кирану выбрать количество единиц. Парень указал один. Открылась заслонка и оттуда высыпался десяток кубиков.

– Зачем тебе столько? – удивился Дорий.

– Я один хотел, – ответил Киран и взял кубик.

– Новые какие-то, – сказал Дорий, разглядывая горсть синих упаковок. – Забирай и остальные, они явно на тебя записались.

– Мне только один нужен, – отозвался Киран на что удостоился непонимающего взгляда. Секунд десять они смотрели друг на друга, пока до парня не дошло предложить: – Хочешь? Забирай.

– Можно, да? – обрадовался Дорий, сгребая жевательные кубики. Киран избавился от упаковки, скинув её в ящик пустой тары, закинул кубик в рот и вздохнул. Дорий рассовал кубики в карманы.

– Есть не будешь? – уточнил Киран.

– Не-а, поменяю на что поинтереснее.

– Например?

– Да всё интереснее, чем жевать.

Киран пожал плечами и пошел обратно. Дорий захромал рядом. Видимо тоже в архив сослани обрабатывать последние минуты смены.

– Так что с ногой? – спросил Киран, но интерес вышел чересчур фальшивым.

– Я ж сказал, – буркнул Дорий.

– Торнеги побили? – попытался пошутить Киран.

– Торнеги идеологов не трогают, – серьезно отозвался Дорий. – Они, наоборот, помогли мне выползти.

Киран промычал что-то бессвязное. До лестницы они дошли молча.

– Знаешь какой вопрос мне покоя не даёт? – вдруг спросил пыхтящий Дорий, уже почти спустившись.

– Ну? – буркнул юноша без интереса.

– Чего тебе в Башне не сиделось?

Киран хмуро посмотрел на Дория. Этот вопрос в разных вариациях задавали ему много раз и отвечать на него порядком надоело.

– Какая разница, где мне будут говорить, что я бесполезный?

– В Башне ты можешь это слушать с удобного эргокресла, потягивая витаминизированную воду, – отозвался Дорий.

– Не всё решают эргокресло и витаминизированная вода.

– Для остального есть Башенная медицина.

Такое упрощение внутренних противоречий не понравилось Кирану, но рассказывать Дорию длинную историю о причинах своей нелюбви к Башне с экскурсом в историю, он не хотел. Поэтому быстро придумал пример:

– Вот если тебе специально отдавят ногу, ты что делать будешь?

– Отдавлю в ответ.

– А в Башне бы ослабились, попросили прощения, а потом исподтишка б начали изживать.

– А, это смотря кто мне ногу отдавит. Там же все Высшие. До них дотрагиваться нельзя. Если и мстить, то только исподтишка, аккуратно. Хотя тоже мне, было бы за что мстить.

– Лучше б били, – буркнул Киран. Пример не сработал. Дорий в своих рассуждениях ушел совсем не туда.

– Сразу видно, что тебя не били, – отозвался Дорий. Они пришли в архив и увидели огромное нагромождение ящиков, которые далеты всё ещё продолжали свозить в угол архива. Внутри у Кирана всколыхнулась решительность.

– А знаешь какой вопрос мне покоя не даёт? – спросил парень.

– Ну? – кивнул Дорий.

– Тебе же можно доверять? – Киран жестом предложил парню сесть на табурет.

– Пфф, конечно, нет, – хмыкнул Дорий. – Я ж идеолог.

– Зато честно, – улыбнулся Киран. – Что там за границей сектора?

Дорий настороженно глянул с табурета на нависающего над ним Кирана.

– Мне кажется, что туда все ходят. Далеты – так в открытую, – добавил Киран как можно более ненавязчиво, будто без интереса.

– Совсем распоясались, – дежурно отозвался Дорий.

– Давай так. Вопрос на вопрос. Ответ на ответ...

– Тебе туда точно нельзя, – перебил его Дорий.

– Я и не собирался. Мне просто интересно. А если ты не расскажешь, придется самому идти.

– Я дальше главной дороги не заходил. Чтобы идти дальше, нужно с седитами договариваться, а это на дисциплинарку не скинут. Тебе туда точно нельзя.

– Что за седиты?

– Элой меня убьет, – закрыл руками лицо Дорий.

– Я ему ничего не скажу. Так что за седиты?

– Главные там, – пробубнил Дорий в ладони. – И я тебе ничего не говорил.

– Так ты мне ничего и не сказал, – возмутился Киран. Разговор складывался совсем не так, как он планировал. Но вскоре это ушло на задний план по причине одного вопроса, заданного в эске: «Кира, а куда мне идти?».

Это будничным тоном спрашивала Дами́рра, которая стояла на платформе его сектора. Киран на секунду замер, а затем рванул к выходу. У него не укладывалось в голове как девушка оказалась в ноль-восемь-эс, она никогда дальше первого радиуса от Башни не отходила.

Дамирра из Одоакров, самого чистокровного рода Города. Её дед Донатальд – бессменный глава Второго приората – главный учёный-инженер Базовой машины Триумvirата Городов, известный не столько статусом, сколько помешанностью на чистоте крови пустынного общества. У каждого из его многочисленного выводка таби были проблемы из-за близкородственных браков: кто лицом не вышел, кому со здоровьем не повезло, кто откровенным психом был. Киран знал их всех лично, он с ними рос.

До пяти лет у Кирана была своя семья, его отец служил Советником при Пятом приоре. Он тоже был рожден таби, но в шестнадцать лет по собственной воле перешел в касту алфара. В двадцать один вернулся в Башню, в тридцать пять стал Советником при приорате идеологии и перешел в надкасту стаби. Юноша множество раз перечитывал длинный список заслуг отца, инициатором всего, что сейчас активно использовалась в приорате идеологии, был именно он. Киран любил представлять каким отец был в жизни. Личные дела не хранили голос, мимику или любимые жесты, только образ внешности в трех ракурсах. Из системы на него строго смотрел незнакомый сухощавый мужчина с узким подбородком и насупленными бровями.

Сколько Киран не пытался найти между ними сходства, у него не получалось. Он много раз пытался представить отца рядом, поговорить с ним, чтобы избавиться от ощущения чужеродности, которое вызывала его системная внешность. Юноша пытался вспомнить хоть что-то об отце. Но, как назло, то, что случилось после его смерти, он запомнил в подробностях, а всё то, что было до, словно стёрлось. Спустя множество попыток ему удалось поймать одно: перед Кираном на колено встает мужчина, кладет ему на плечо тяжелую руку и улыбочивым голосом произносит: «не бойся, всё будет по-твоему, стоит только захотеть». Постепенно он вспоминал детали – полосы стаби на обшлагах формы, знакомый запах и голос, но только не лицо. Лица он не помнил, и чем упорнее Киран пытался всмотреться, тем блеклее становилось воспоминание. Но слова всегда звучали отчётливо и стали той соломинкой, за которую юноша цеплялся – «стоит только захотеть и всё будет». Киран надеялся, что, хотя бы внутренне, они идентичны и в нём живет целеустремленность и ум отца. В самые тяжелые моменты жизни его грела мысль, что этот великий человек напрямую связан с ним, а значит сам Киран сможет чего-то добиться.

Сразу за этим туманным воспоминанием следовала череда отчётливых, как он оказался в новой семье. Когда отец скончался, юношу взял к себе Донатальд. Другого выхода не было – статус, позволяющий содержать и воспитывать ребенка, был только у отца и исчез с его смертью. Для определения в Питомник Киран не был подготовлен, а единственный взрослый в их семье – младший брат отца, Мбрра, сам был таби и вынужден был в тридцать два года переходить в касту. Донатальд приходился родственником деду Кирана, у них был общий предок в третьем колене. Если бы Кирана не забрал Донатальд, его бы списали в крематорий. Рождённые таби бесправны, и существуют пока у старших стаби есть в них потребность. Городу Киран оказался не нужен.

Киран должен был быть благодарен Донатальду, но тот оказался человеком, к которому невозможно было испытывать хоть какие-то положительные чувства. В нём крылась основная причина того, что Киран при первой возможности сбежал из Башни. Он внутренне бунтовал против устоев этой семейки. Донатальд был убежден, что единственная польза от таби – рождение другого таби. Своих детей, внуков и правнуков за людей он не считал, только за вещи, игрушки или средство мены. Таби ценился только за происхождение и послушание. Донатальд стремился сбыть внуков выгоднее, например, в брак с каким-нибудь чистокровным пустынным с положением, под разведение новых таби. Но чаще ему удавалось продать только «ночи» – на таби не распространялся кастовый закон, поэтому с ним могли делать всё, что угодно. Киран находился в этой семье на правах паразита, о чём ему каждый день напоминали. Его растили в долг, чтобы потом заставлять долг отрабатывать.

Но с Дамиррой они сдружились. Она оказалась единственной нормальной, хотя в её худеньком теле и серо-стальных глазах, жило, пожалуй, даже больше от Донатальда, чем в остальных. Она была умна, язвительна, самоуверенна и ненавидела полную форму своего имени. Мира соревновалась, ей нравилось доказывать, что она лучше, сильнее, умнее, а потом снисходить до помощи и объяснений. Она была любимой внучкой Донатальда, всегда защищала Кирана и помогала ему. Он был благодарен ей, но рядом с ней всегда чувствовал себя «глупеньким Кирой».

Поэтому, когда Мбрра, дядя Кирана, внезапно получил чин Советника и статус стаби, юноша стал умолять забрать его от Донатальда. И дядя послушал. Он оказался на удивление мягким и податливым и ни разу не отказал Кирану ни в единой просьбе – будь то обучение или перевод в Воратум.

Так Киран избавился от власти Донатальда и начал учиться на идеолога. Следом за ним Мира тоже выбрала профессию – решила стать оператором эсски. В этом была пика Кирану. Ему казалось, что Дамирра так и не смогла его простить за то, что он сбежал, и решила доказать, что даже в мечте Кирана она преуспеет лучше. Как иначе объяснить её действия, если раньше она и не помышляла о профессии? Она всегда была довольна пьедесталом любимой внучки.

Киран не понимал, что Мира делает на платформе в его секторе, на другом конце Города. Она никогда за пределы столичного Артрата не выезжала, к тому же операторы всегда работали в Башне. Её визит был странным и от этого неприятно пугающим.

«Что ты здесь делаешь?» – спросил юноша, спешно покидая архив. Краем глаза он отметил, что за ним увязался Дорий, но оторваться от хромого идеолога оказалось просто.

«Счёт глупых вопросов открыт. Ты ведёшь,» – заявила девушка. Киран поспешил на платформу, перепрыгивая через несколько ступенек разом, и искренне надеясь, что кресло вместе с Элоем успели унести.

Миновав гремящий переход, он быстрым шагом вышел на платформу. Мира стояла метрах в десяти от входа, в длинном, тёмно-синем плаще с тремя белыми полосами на воротнике-стойке. Далеты-грузчики, что до сих пор таскали ящики с архивной гроей, проходили мимо нее, благоговейно пригнувшись. Она настолько ярко воплощала в себе надменный образ Башни, от которого бежал Киран, что у него мурашки побежали по загривку.

Юноша натянул приветственный оскал и более сдержанно зашагал навстречу. Мира заметила парня, скинула капюшон и радостно улыбнулась. Наваждение исчезло. Она выглядела замучено, под запавшими серыми глазами залегли темные круги. Бледная синеватая кожа, непривычная к солнцу, покраснела и покрылась россыпью мелких веснушек, а губы потрескались. Светлые волосы девушка заколола в непритязательный высокий пучок, из которого выбивались многочисленные непослушные завитки, хотя обычно носила сложное нагромождение из нескольких кос.

– Отвратно выглядишь, Кир. Форму тут не принято чистить? – весело проговорила Мира, в приветственном жесте поднимая руки в белоснежных перчатках ладонями вверх.

– Я тоже рад тебя видеть, – отозвался Киран, располагая свои ладони над Мириными и символично заканчивая приветствие, не дотрагиваясь её. На фоне перчаток девушки его собственные выглядели убого. Впрочем, как и он сам, даже несмотря на пониженный стандарт. Мира была ему чуть выше плеча и далеко не сразу смирилась с этим фактом. Хоть где-то перегнал, но в этом его заслуги было мало. Она с кокетливым неудовольствием подняла голову и с прищуром посмотрела на Кирана:

– Где пропал? – спросила она.

– Был на отчетке в соседнем секторе.

– Неделю?

– Нет, – буркнул юноша. Он мог притвориться занятым, сказать, что собственными руками расчищал сектор, тестировал каждого далета и добился самых высоких результатов в деле идеолога, но она легко могла это проверить. Врать Мире было практически невозможно. Но не признаваться же, что он месяц бесполезно перебирал архивные пластинки и не хотел с ней говорить именно поэтому. – Не думал увидеть тебя здесь.

– От тебя было так мало вестей, что пришлось самой приехать. Проверить, жив ли.

– Ты серьезно?

– Нет, конечно, – снисходительно улыбнулась Мира. – Я была в соседнем секторе на обучении. Меня повысили до оператора второго уровня, вникала в работу эски Воротума. На обратном пути решила к тебе заскочить.

– Поздравляю, – выдавил Киран и спешно улыбнулся. Мира работала оператором меньше года, а уже взяла второй уровень. Только ему такой жизни не надо. Операторы, как известно, быстро угасают от запредельных нагрузок. Каждую встречу он замечал в ней изменения: скулы заострились, щёки впадали, кожа серела и глаза казались злее. Она переставала быть Мирой, которую он знал, а становилась всё больше похожа на своего тощего и немощного деда, так же зло язвила, даже появились сходные интонации в голосе. Но её учили, она развивалась и брала высокие планки, пока Киран тух в приграничном секторе.

Обдав их потоком раскалённого воздуха, на платформу прибыл состав из шести вагонов. Киран быстро сверился с расписанием – на нём можно было доехать до третьего района, а там Башня близко. Следующий такой удобный состав придет нескоро, если только крематоры не соберутся. Двери вагонов с лязгом открылись, на платформу шагнули несколько гиммел.

– У меня, в общем-то, всё нормально, – порывисто заявил Киран, нервно сцепляя руки за спиной. – Не стоило тебе такой крюк делать.

Мира прищурилась, затем быстро взглянула на открытую дверь вагона и снова посмотрела на юношу. Ему стало неловко, но он вправду считал, что Мире лучше уехать.

– Что, даже владения не покажешь? – спросила Мира.

– Тут ничего интересного, только столыня, но её не видно, – отозвался Киран, почесав макушку. – Тебе правда не стоит...

Двери вагонов захлопнулись. Поезд глухо загудел и медленно стал отъезжать. Киран про себя выругался.

– Придется смотреть на неинтересное. Следующий поезд только через три часа, – едко заявила Мира. – У тебя как раз свободная смена минуту назад началась.

Киран потупился, он боролся между чувством стыда и раздражением. Вдруг за спиной послышался запыхавшийся голос Дория:

– Киран, чтоб тебе провалиться, Элой же сказал разбирать архив. Он пришел, а тебя нет. Он же плюётся, когда орет...

Киран поднял голову и увидел глумливо вздёрнутую бровь Миры. Раздражение победило. Он обернулся, чтобы рывкнуть на Дория, но нашел того ошарашенно опускающимся на колени в глубокий поклон. Он среагировал на форму Миры, синий был цветом вадар, самой высокой касты Города, касты учёных. По правилам девушка не могла её носить, она была таби, но её Приор Исая был помешан на внешних атрибутах, поэтому бонусом к работе ей достался самый уважаемый внешний вид в Пустоши. Интересно, как к этому отнесся Донатальд? Он-то явно не был рад, что его внучка позорит синий цвет.

– Дорий, встань! – рыкнул Киран.

– О, это твой коллега? Приятно познакомиться, Дорий. Киран так много про тебя рассказывал, – фальшиво начала Мира, но Дорий купился с первой же секунды. Он поднял полные восхищения глаза на девушку и неловко поднялся. Было ощущение, что вадара он видит в первый раз в жизни:

– Да, Высшая! Какая честь, Высшая.

– Называй меня Мира. За минуту до твоего прихода мы с Кираном договорились на небольшую пешую прогулку, но он считает, что в вашем секторе нет ничего интересного. Я подумала, что ты, проведя здесь чуть больше времени, сможешь нас выручить. Я уверена, что, если присмотреться, в каждом секторе есть примечательные места, истории и люди.

– Конечно, Высшая. У нас много всего такого есть. Я... я могу позвать парму Элоя, он тут главный, он обеспечит вам такой прием, что...

Киран отчаянно замотал головой:

– Нет, никакого Элоя!

– Не думаю, что смею отвлекать господина Элоя, – улыбалась Мира. Она делала это специально. – Мне кажется, ты с той же степенью заботы окажешь мне хороший прием. Чем же известен ваш сектор, Дорий?

«Мира, зачем ты это делаешь?» – наконец выдавил из себя Киран в системе.

«А что мне делать три часа, по-твоему? Я вообще приехала к тебе. Но ты не смог мне сказать: „Мира, я не хочу тебя видеть, выметайся из моего сектора“. Ты решил намекать, чтоб я догадалась. А я такая недогадливая оказалась, поезд упустила. Вот я нашла тебе замену, Дорий меня развлечёт».

Дорий даже перестал хромать. Он с энтузиазмом взялся за проведение экскурсии и первым делом вытащил их на техническую крышу и показал здание Стольни. В темноте её практически не было видно, хотя и при свете дня она представляла из себя непримечательное высокое серое здание. Младший идеолог безостановочно говорил. Кирана вся эта возня раздражала, а Мира назло делала вид, что ей очень интересно. Выхода было два – прогнать Дория или уйти самому. Ни первое, ни второе Киран сделать не решался.

– А там что за огоньки? – просила Мира, указывая рукой на север. За длинной россыпью фонарей, которыми светился сектор, следовала полоса полной тьмы, а затем, вдалеке виднелись еле различимые желтые всполохи, похожие на костры.

– Таропомывка, – ответил Дорий.

– Нет, дальше, в пустыне.

– Плохо видно. Но там уже пустыня и дикие торнеги. Наверное, что-то жгут.

– Кого-то, – уточнила Мира. Дорий непонимающе моргнул, потом ответил:

– Торнегов у нас при крематории сжигают. Он новый. Его я вторым хотел показать.

– Как мило, – заявила девушка. Киран не выдержал:

– Так, всё, дальше я сам.

– Ты уверен, что помнишь дорогу до крематория? Там седьмой проход перекрыли, – отозвался Дорий.

– Я не поведу её ни в какой крематорий! Ты в своем уме?

– Жаль... – заявила Мира.

«Я прошу прощения, ладно? Я всегда рад тебя видеть, но сегодня было не самое подходящее время. Просто я приехал с бесполезной отчитки и злился, не хотел, чтобы ты это видела. Давай сейчас пойдем в мой куб и поговорим нормально?» – раздражённо сказал Киран на канал Мире.

«Ладно», – удивительно покорно ответила девушка.

Отвязаться от Дория оказалось сложной задачей. Он всё находил поводы идти за ними. Даже когда Мира поблагодарила и прямым текстом попросила отстать, он какое-то время продолжал предлагать свои услуги. В конце концов, только у коридора жилых блоков он отвязался.

– Коллега твой, очаровательный господин, однажды вы подружитесь, – тихо заключила Мира, наблюдая как Дорий спускается. Киран с силой толкнул распахнувшуюся дверь левого крыла. Издав омерзительный скрип, она подалась вперед.

– Его сбила с толку форма вадара, да и вообще он глуповат, – ответил Киран насуплено.

– Зато интересно рассказывает, – парировала Мира, осторожно переступая через порог и рассматривая тёмный коридор. Жилые блоки в этом секторе представляли из себя старые здания с длинными коридорами, с обеих сторон которых находились двери в крохотные кубы.

После перевода Кирану выделили один из таких, в относительно сохранившемся здании, близко к столбне, на четвертом этаже. Местным кубом здесь числилось десять квадратов нищеты. В нём не было даже эргоячейки, только лежак и сухая дезинфекционная кабинка. Матрац был жесткий и раскохшийся, стены осыпались от постоянных вибраций монорельса, в пик пересменки воздух до невозможности раскалялся, а вентиляцию от песка даже не чистили. Соседство с гиммелами тоже оказалось не самым приятным открытием.

Он понимал, что в Воротуме иметь свой куб – роскошь, но привыкший совсем к другому, он не мог сдерживать отвращения. Думал отказаться, но из головы вылетело. А Элой наверняка сообщил в Башню, что выделил ему личный куб, выслужился. Из плюсов – Киран этим кубом не пользовался. Не показывался бы здесь и дальше, но это было единственное место, пришедшее ему в голову, в котором можно было скрыться от Дория.

– Это здесь считается за элитное жильё, – сказал Киран, когда открыл дверь в куб и включил свет. Он пропустил Миру вперед.

– После местных коридоров, я ждала чего-то ужасного, а тут вполне терпимо, – заключила девушка, усаживаясь на матрац. Киран зашел в куб и закрыл за собой дверь. Воняло пылью. Отсутствие замка, учитывая соседство, его тоже волновало. Двери-то одинаковые, вот ворвется какой-нибудь гиммел под широй, и что делать? Методы внушения плохо работают на неадекватные туши.

– Итак, что это за отчетка, о которой я постоянно слышу и о которой ты не хочешь говорить? – спросила Мира, пытаясь за оживлением скрыть одышку из-за подъема по лестнице. Киран заметил и истончившиеся запястья, выглядывающие из-под рукавов. – Не дали первый голос, поэтому злишься?

– Зачем ты зубоскалишь, я же попросил прощения, – скривился юноша. – Там даже не отчетка была, а так, фикция. Территорию консервируют, а Элой собирал людей в одном месте, чтобы травить было удобнее. Неужели вся работа идеолога сводится вот к этому: иди ко мне, встань сюда, три раза повтори «Город лучше знает», умри?

Киран снова начинал горячиться. Он думал, что обида прошла, но как оказалось, она ещё была сильна.

– Ничего, всё впереди. Вот поумнеешь немного, командный голос выработаешь – и на баррикады сразу закинут, будешь далетам мозги промывать, а они тебе в рот смотреть, – Мира рассеянно почесала кончик носа, отворачиваясь.

– Это бесполезная трата времени. Я ничему тут не научусь и полезного ничего не сделаю. Я нашел рыжего по учётам, ну а толку? Физически его здесь нет. Бардак полный... Нужно возвращаться к Хайне.

– Ты разве не в курсе? – девушка вытащила из кармана упаковку с глюкозой и протянула её на раскрытой ладони. Киран отрицательно покачал головой. – Хайну списали сразу после твоего перевода.

– Что?! – обмер Киран. – За что?

– Ты лучше меня должен знать, за что списывают идеологов, – пожалла плечами Мира, закидывая в рот таблетку. – Подсказка – не по дожитию. За какое-то преступление.

– Какое?

– Не знаю. Дальше в базу я лезть не могу, – передёрнула плечами Мира. – И, кстати, поздравляю.

– С чем?

– С пропажи Леббы прошло больше двух недель. Заседание Подестата сегодня в конце дня. Единственный кандидат на место Пятого приора – твой дядя. Бросай все свои полузакон-

ные поиски странных рыжих типов и возвращайся в Башню. Первый его поздравишь, включишь милашку, он тебя пристроит на какое-нибудь непыльное местечко – там хотя бы эрго-кресло будет.

Киран состроил гримасу. Стандартная гримаса на все случаи жизни, особенно когда Мира над ним подтрунивала – а она любила это делать. Ещё одну болевую точку задела – статус дяди. С дядей он общался нечасто. Обычно их встречи были наполнены фальшивыми улыбками, неловкими паузами и по обоюдному желанию быстро заканчивались. Дядя казался Кирану странным, неуверенным, скованным, даже запуганным. Он не понимал, как с таким характером ему удалось стать идеологом и достичь карьерных высот. Морра соглашался почти со всем, что говорил Киран и что просил. Это не было плохо, но Киран ожидал какого-то диалога, он готовил аргументы, готов был доказывать своё мнение. Но дядя начинал кивать уже на первой фразе, а если и спорил, то до первого возражения. Отказывал он Кирану только в одном – в разговорах про отца. Морра ни слова не проронил про брата, не отвечал на прямые вопросы и всячески уходил от разговора. Он всё время нервно мял полные, несколько женственные руки и отводил глаза, когда Киран на него смотрел. Юноша совершенно не представлял этого человека Советником, а уж во главе приората идеологии и подавно.

– Это ничего не меняет. Я всего достигну сам, – выпалил Киран, словно назначение дяди Приором было для него личным оскорблением. – Я, может, скоро в касту перейду. Мой отец перешел в шестнадцать, чем я хуже?

– И приорат сменишь заодно? – с сарказмом заметила Мира. – Он всё равно будет твоим Высшим.

– И вообще... – на секунду задохнулся от возмущения Киран. – Не прекращу! Всё равно буду искать рыжего. Лебба об этом говорила – приказ не должен исчезнуть вместе с человеком его отдавшим. Этот рыжий нужен другим людям...

– Ага, мёртвому учёному. Что бы он воскрес и решил все наши проблемы.

– Не передёргивай! – рыкнул Киран, которому такой взгляд на его задание не понравился. В усталом оцепении после смен в архиве он сам часто крутился возле этой мысли – рыжий нужен для эксперимента учёного, который мёртв. Но ведь связной при декодировочной машине жив и подтверждает – они договорились обмениваться цифрами, ноль – значит нет, единичка – да. Он шлёт единицы. С другой стороны, все люди, отдавшие приказ мертвы. Стоит ли продолжать изнуряющие поиски, особенно после того, как на него наорал Элой? Не пришла ли пора признать, что он не в состоянии найти одного низшего? Значит ли это, что он ни на что не способен? Киран снова был в тупике, а значит очень болезненно реагировал на проговаривание мыслей, которые он старательно гнал прочь.

– Как ты планируешь искать его? – спросила Мира и на возмущённый взгляд Кирана, с поднятыми в примирительном жесте руками, добавила. – Я стала забывать, какой ты упрямый. Прости, я не хотела тебя задеть, Кир.

– ещё не знаю, но искать продолжу, – упрямо буркнул Киран и отвернулся. Её извинения прозвучали словно издевательство. Хотя бы здесь он не должен дать слабину. Он должен показать, что у него всё под контролем. Поэтому в ход пошел отчаянный блеф: – Тут половины дадут в секторе нет, все за границей. Если понадобится, через седитов пойду.

– Через кого ты на них выйдешь?

Киран нахмурился и подозрительно посмотрел на Миру. Он ожидал всего: удивления, испуга, отговоров, но никак не спокойного вопроса. Она снова над ним подтрунивала?

– Что? – враждебно спросил юноша.

– К седитам только через знакомство можно зайти. Есть тот, кто тебя представит?

– Идеологов они не трогают, – невпопад заявил Киран.

– Да, но ты же просить что-то хочешь. Это другое, – Мира кусала губу, а так она делала всегда, когда нервничала. Значит она серьёзно?

– Вообще идея поискать рыжего через них интересная, может сработать, – неловко улыбнулась девушка. – И опасная. Но Кира же упрямый и не боится сложностей... Ты уверен?

– Да, – ответил парень неуверенно.

– У них совсем другие законы. Просто так с ними не заговорить. Сначала тебя кто-то должен ввести, представить и поручиться за тебя. Потом задаривание, – Мира скривилась, прокусив губу, промакнула капельку выступившей крови указательным пальцем, затем облизнулась и продолжила: – У них вообще не принято платить за услугу. Они делают что-то, потому что хорошо к тебе относятся. Надо сначала задабривать, зарабатывая благосклонность Отца. Он что-то вроде божества, идол, а то, что подарки передаются Отцу, это как бы общине. Зато, когда они взяли подарки, сможешь их просить почти о любом, и они не смогут отказать. У них обещание, слово само по себе, очень ценится. Они не обманывают.

– Откуда ты это всё знаешь? – буркнул Киран.

– Торнежские стекляшки не так просто достать, особенно когда ты в них разбираешься. Пришлось искать альтернативные «каналы». Сначала покупала истории, песни, легенды, всё нематериальное. Это очень интересно, несмотря на примитивность их культуры. Ты бы знал сколько смысла они иногда вкладывают в вытесанные каменные фигурки. О, об этом я могу говорить часами, – Мира мечтательно улыбнулась. – Только слушать некому.

Киран, не в силах поверить в услышанное, уставился на подругу со смесью недоверия и опаски. Последнее, что он ожидал услышать от Миры то, что она знает седитов! Откуда? Память услужливо напомнила, что девушка давно интересовалась всем торнежским. Вспомнил, как она показывала очередные добытые ею торнежские бусы и пищала от радости. Он не понимал, что в них такого, бесполезные стекляшки. Киран не задумывался, не соотносил известные факты, пока его носом не ткнули. Разноцветные низки имели какой-то особый смысл в культуре торнегов и достать их было наверняка сложно. Для этого нужны были связи. Но седиты совсем другое – это организованная корпорация за стеной, преступники.

– Ты знаешь кого-то из седитов?

Мира фыркнула.

– Нет, но я знаю того, кто может тебя представить. О, я завидую! Ты своими глазами увидишь, что там, за границей, – сказала Мира мечтательно. – Сегодня мы видели костры. Я бы многое отдала, чтобы побывать там и посмотреть на их ритуал погребения. Это должно быть дико красиво. У них столько смысла в смерти, сколько у нас в жизни нет. Мы мыслим иначе... я думаю, это из-за эски, – девушка неожиданно осеклась, будто сказала что-то лишнее, и сложила узкие ладони на коленях.

– И что им дарить?

– За границей платят либо развлекательными сеансами, либо водой. Один сеанс идет за пять литров. Твоя просьба потянет... примерно на десять сеансов, плюс подарок Отцу.

– Так много?

– О, это немного. Знал бы ты, во сколько мне обошлись последние ритуальные бусы...

– А что Отцу?

– Это нужно узнать, – Мира вздохнула. – Я спрошу. Это должно быть что-то символическое, мощное, но не слишком дорогое – чтобы они взяли и сразу стали тебя уважать.

Вдруг девушка прыснула и рассмеялась. Киран хмуро посмотрел на нее:

– Что смешного?

– Да напомнило, как мы с тобой воровали конфеты у Дорта. Я узнавала, где они лежат, а ты шел в комнату и рылся в ящиках. Вот один-в-один.

Киран кисло ухмыльнулся. Да, ситуации может и похожи. Только в тот раз Дорт его поймал и отгаскал за ухо, которое потом болело неделю. Если его поймают тут – распухшим ухом не отделается.

– Сейчас всё серьезно, мы уже не дети, – отозвался Киран. Пару минут назад он даже не рассматривал этот вариант всерьёз, а сейчас они уже обсуждают план его похода за границу.

– Да, не дети, – согласилась Мира, и в её интонациях скользнуло сожаление. – А оставшиеся два часа ты будешь слушать про торнежские традиции. Наконец-то я нашла свободные уши...

ГЛАВА 03 – М Подестат

Вагон монорельса для высших каст оказался заполнен лишь на треть. Мира села возле окна и вытянула ноги. Через несколько минут поезд повезёт её к главному тоннелю прямо в сердце Артрата – Башню. Домой. Воротумские переживания остались позади. Миру пугали всем – начиная запутанными маршрутами, заканчивая дремлющей в пыли старой заразой, к которой у неё нет иммунитета. Но с поездами она быстро разобралась, а буферная дезинфекция не показала никаких отклонений по здоровью. Правда выданная после обработки термокофта неприятно налипала на тело, но это сущие мелочи. Как и всё остальное.

В системе зазвучало уведомление об отправлении, двери вагона мягко закрылись, с тихим гулом началась подача очищенного воздуха. Мира сделала глубокий вдох. Осталось миновать тоннель, которым её тоже пугали, и она со смелостью сможет сказать, что побывала в Воротуме и вернулась невредимой, а страшные рассказы просто выдумки. Поезд набирал скорость, Миру несильно вжало в кресло.

Хорошо, что она ничего не рассказала Кирану. Это всего лишь планы. Когда у неё всё получится, вот тогда и скажет. Если получится. Мира в сотый раз открыла в системе запрос к Шестому приору на её перевод и снова начала перекраивать. В прошлый раз было слишком настойчиво, сейчас подобострастно. Нужно правильно спросить, потому как одобрение Исайи – половина дела.

С чего же начать? С того, что она полностью подходит. Поездка в Воротум это доказала – просто прикрепит результаты, ведь последние двадцать часов она в одиночку вела три сектора. То, что это оказалось сложно, Мира решила опустить. Любая новая сфера работы поначалу сложна – привыкнет. Дальше, что она очень заинтересована именно в работе над развитием и оптимизацией воротумской системы, включить пару предложений по совершенствованию протоколов работы... Или это слишком самонадеянно? А, ещё упомянуть, что её не страшат бытовые условия. Но, может в том секторе, куда её определят, с этим будет получше – всё же нынешний шел под снос. Но даже если будет так же, она перетерпит. Закончить просьбой о переводе или все-таки сказать, что она хочет попробовать?

Она хочет там работать. Несмотря на то, что перед глазами стоят ужасные отхожие места, голые стены, блестящие пушком падучего гриба в углах, отвратительно пахнущие беззубые охранники и служки с пустыми глазами. Придется постоянно носить маску или носовые фильтры, пить дополнительные таблетки, но она хочет в Воротум! Почему? Потому что там Киран, и она должна быть рядом. Но это в запрос не включишь.

Если у неё получится перебраться ближе к Кирану, они смогут чаще видеться. Над ней не будет нависать дед, а отвратительный братец окажется недосягаемо далеко. Останется только работа оператором, которую она полюбила, и Киран. Он попросил её о помощи, а это значит, она по-прежнему ему нужна. Они оба будут приносить пользу Городу, вместе пойдут искать этого рыжего декодированного, да много чего можно делать. Главное вместе. Вот бы вернуть то чувство плеча, которое у них было в двенадцать, до того, как всё поменялось.

Два таби, в полезность которых никто не верил. И вот сейчас один из них настоящий идеолог в Воротуме, а другая оператор Башни. Исайя хорошо отзывается о её работе. Чем не доказательство? Они приносят пользу Городу.

Мира решила добавить в запрос ещё и свое намерение перейти в касту. Только вот подходит ли она по требованиям? Вадара первая каста в Городе, в ней самые умные люди – учёные и операторы эски. Последние, правда, не всегда отличаются умом, но пользы приносят очень много. Миру давно терзал вопрос – правда ли она достаточно талантлива, чтобы быть оператором, или её терпят из-за того, что за неё просила двоюродная бабушка-Приор? Можно ли

перейти в касту на определенную профессию, или будут смотреть по всем критериям? Тогда она совсем не вадар... Но как оператор она справляется, Исайя её хвалит.

Размышления Миры прервало уведомление системы:

«Внимание, вы въезжаете на территорию Артрата. Просьба занять сидячие места, возможны кратковременное головокружение и тошнота. Если недомогание сохранится до прибытия на станцию назначения, обратитесь в медблок».

Мира подобрала ноги и выпрямила спину. За окном с огромной скоростью стали мелькать световые кольца. Поезд чуть накренило вперед и через пять секунд он нырнул в темный тоннель. Освещение стало чуть ярче. В отличие от Воротума и буферной зоны, центральный район Города был накрыт многоуровневой купольной системой, которая защищала здания и жителей от бурь, песка и пыли, и поглощала большую часть излучений. Для быстрого перехода из буфера в защитную среду был построен трехсекционный тоннель, в который они только что въехали.

«Белый, нагрузка-один». Миру пугали, что для башенного жителя нагрузки, которые даются за полминуты в этом тоннеле могут стать фатальными. Выехать из Артрата ты можешь почти без проблем, а вот вернуться уже нет. Сердце бешено колотилось, но пока ничего, кроме увеличения скорости и крена Мира не ощущала.

«Готово. Серый, нагрузка-два». Вагон еле заметно завибрировал. Двери механически щелкнули, вентиляторы под потолком загудели чуть громче. Мира украдкой посмотрела на попутчиков. В основном в вагоне сидели кастовики в синей форме, как у нее, вадары из пятого района. На лицах инженеров царил покойствие и сосредоточенность, никто даже не отвлекся от работы.

«Готово. Черный, нагрузка-три. Персональная рекомендация: зафиксировано повышение сердцебиения, сделайте глубокий вдох через нос, выдохните через рот, повторите пять раз». Мира послушно стала выполнять рекомендации, чем привлекла внимание одного из вадаров, он бросил на неё любопытный взгляд и улыбнулся. Последовал мягкий толчок, хлопнуло по ушам и практически сразу поезд выехал из темного тоннеля.

«Триумвират приветствует вас на территории Артрата». Мира уставилась в окно, за которым над матовыми ячеистыми куполами возвышалась громадина Башни. Серо-голубая, закрученная вокруг своей оси, она переливалась ало-желтыми бликами в лучах восходящего солнца, где-то высоко впиваясь в небо. Темные линии уровней делили её на десять ярусов, ещё два остались внизу, под куполом, который накрывал главную площадь. Мира впервые увидела Башню со стороны. И её поразило то, какая она огромная. Только ради этого вида стоило съездить в Воротум.

Поезд плавно погрузился под купольную систему и за окном стали мелькать коробки заводов, платформы которых поезд проезжал без остановок. Серый малоосвещенный пока пейзаж ни шел ни в какое сравнение с Башней, поэтому не вызвал у Миры любопытства. Поезд стал замедляться только к жилым платформам, на которых высадились пара учёных. Досмотровую станцию они снова проехали без остановки, так же, как и дома стаби, затем последовал долгий перегон, снова хлопнуло по ушам, и они медленно въехали под главный купол Артата – башенный. Дом.

Мира встрепенулась и ещё раз пересмотрела запрос, выкинула пару лишних оборотов и не отправила. Слишком страшно. Но не спрашивать же Исайю лично? Он, конечно, очень добрый и понимающий, но лучше подать запрос в системе, так правильнее.

Мира выскочила из вагона, как только двери открылись. Утренняя смена была в самом разгаре, поэтому на площади оказалось немногочисленно. Глянцевая плитка под ногами знакомо поблескивала ребристым узором. Сквозь толстую подошву форменных ботинок рельеф совсем не ощущался, а ещё они топали. Мире не хватало подвижности, которую давали мягкие операторские тапочки. Она с нетерпением ждала момента, когда сможет сбросить с себя

тяжелую форму и переодеться в легкий комбинезон. Странную слабость, которая подступила к горлу на подходе к лестнице, Мира списала как раз на тяжесть формы. Сердце бешено колотилось, система сыпала уведомлениями про дополнительные присадки в концентраты, которые ей следовало принимать весь следующий месяц, и про визит в медблок. Всем этим она займется, сразу после того, как подаст отчёт. Мира остановилась, глубоко вдохнула, зажмурилась и отдала команду на отправку отчёта и привязанного к нему запроса. В тот же миг всё унеслось по быстрым каналам башенной эсски прямо к Шестому приору Исайе. Ничего она больше не сможет поправить.

Мира медленно стала подниматься по ступенькам, у неё почему-то закружилась голова. После тесного Воротума площадь перед Башней показалась до неприличия большой, а входная группа из трех высоких арок непомерно громадной. И как она раньше не замечала? Спав тахикардию на ощущение трепета перед монументальным, Мира доковыляла до входа и привычно прошла прямо, в центральную арку для Высших. Стоящие с двух сторон гиммелы в парадной форме отвесили ей усеченный поклон, на который Мира почти не обратила внимания. В тот момент, когда она коснулась браслетом панели регистрации доступа, ей пришел ответ от Шестого. Мира замерла, не находя в себе смелости открыть и прочитать вердикт. Она бы предпочла немного потомиться в ожидании, но Исайя все делал быстро. Гиммел что-то сказал и сделал жест рукой, Мира поняла, что её просят пройти вперед.

Она сделала пару шагов и вышла в фойе нулевого уровня. В огромном светлом помещении, поделенном рядами толстых колонн на несколько кругов, плавно передвигались башенные служащие. Образовывая группы и в одиночку, совещаясь на ходу или молча, всё куда-то спешили. Большинство местных носило стандартную форму универсального песочного цвета с нашивками касты на воротнике и обшлагах рукавов. На общем фоне выделялись вадары в комбинезонах глубокого синего цвета и Приоры в белой форме.

Вот за двух таких людей в белом и зацепился взгляд Миры. Сердце замерло, пропустив пару ударов. Один из них сидел в специальном кресле. Это был единственный член Подестата, не способный передвигаться самостоятельно – Второй приор, главный учёный по Базовым машинам, старик шестидесяти шести лет со светлыми до прозрачности глазами. Донатальд Третий, её дед и стаби. С ним говорил Шестой, создатель эсски и главный оператор Башни, её Приор – Исайя.

Мира замерла на мгновение, а затем шмыгнула за ближайшую колонну, скрываясь с глаз родственника. Встретиться с дедом она совершенно не хотела. Он почти год о ней не вспоминал, развлекаясь с другими внуками и правнуками, лучше бы так и продолжалось. Мира надеялась, что её не успели заметить. Вжавшись спиной в колонну, она прикусила губу и спешно размышляла, как бы незаметно отступить. Приоры стояли довольно далеко, поэтому можно тихонечко вернуться на платформу и переждать там, пока они разойдутся. Или каким-то образом их обойти и добраться до лифтов. Красным уведомлением мигало сообщение от Исайи, это нервировало ещё больше. Мира не хотела его открывать, там точно отказ! С чего бы эти двое решили поговорить? В голову лезли мысли одна хуже другой.

«Я бы предпочел, чтобы вы не отнимали работу у колонны, и подошли к нам» – протянул к ней канал связи Исайя. Мира зажмурилась и прошептала под нос ругательство. Заметили. Она рывком оттолкнулась от колонны, натягивая на лицо подобие учтивой улыбки. На ватных ногах оператор медленно двинулась к Приорам. Вот бы провалиться сквозь землю прямо сейчас, или в обморок упасть... Но нет, даже головокружение прошло. Мира была уже достаточно близко, чтобы слышать обрывки фраз.

– Значит вы признаете её потенциал? – Дон выплевывал слова резко, а за грубыми интонациями слышалась одышка.

– Конечно, – кивнул Исайя с улыбкой и перевел взгляд на Миру. – Но я бы хотел обсудить иной вопрос.

Девушка отвесила учтивый поклон обоим Приорам. Шестой ответил медленным кивком, дед смерил её недовольным взглядом и скривился. То, чего она так боялась, происходило прямо сейчас. Неужели Исайя хочет спросить у Дона про Воротум? Дед не в настроении, он всегда так впивается в ручки кресла, когда у него боли...

– Вы пустынный с незначительными примесями по крови. Что это за примеси? – продолжил Дон приказным тоном, проигнорировав слова Шестого.

– Никогда не интересовался этим, я из питомника, – невозмутимо ответил Исайя, хотя такие вопросы были грубостью. Дед был повернут на чистокровности и потенциал других оценивал исключительно с этой позиции. Хотя причём тут Исайя? Он признанный гений Триумвирата.

– У вас зеленые глаза, значит была торнежская примесь. Незначительные ставят, когда чужая кровь была дальше пятого поколения. В принципе, у вас экстерьер пустынного, хотя волосы и темноваты.

Исайя выслушивал бесперомонные рассуждения деда о своем внешнем виде со стоическим спокойствием, а вот Мире было невыносимо стыдно.

– Ладно. Я закрою глаза на примеси, в нынешнее время найти чистокровного пустынного практически невозможно, – продолжил дед, раздраженно завозившись в кресле. – Я предлагаю Дамирру вам в жены. Вам сорок восемь лет, пора обзавестись семьей.

Исайя на секунду застыл, а затем скользнул оценивающим взглядом по Мире. «Улыбнись, зубы покажи! Инженер тебя побери, хватит стоять с лицом слабоумной» – рявкнул дед в системе. Мира испуганно посмотрела на Исайю и сильнее выпрямилась.

– Благодарю вас, – улыбнулся Шестой. В его глазах девушка не увидела никакой эмоции, даже улыбка вышла механической. – Это большая честь. Но содержание таби не входит в мои планы. Уверен, что ваша внучка обязательно осчастливит кого-то другого, – вежливо поклонился Шестой.

Мира ощутила, как её охватывает непередаваемо жгучий стыд, заставляя мучительно краснеть.

– Дам вам время на раздумье, – кашлянул Дон, словно ответ Исайи не был однозначным отказом. – О чём вы там хотели поговорить?

– Про здоровье вашей таби. Мира в последние полгода сильно потеряла в весе, испытывает проблемы с концентрацией, её преследует слабость, случаются и обмороки. Целесообразно провести обследование, чтобы выяснить причину.

– Я отдавал её нормальной. Это операторство подрывает её здоровье. Может не стоит её нагружать? – раздраженно выплюнул Дон.

– Нет, эска изнашивает организм иначе, – серьезно ответил Исайя.

– А поездки в воротумскую заразу именно так. Проблемы со здоровьем у неё начались из-за вашей работы. Вот и списывайте эти затраты на себя. У меня полно других иждивенцев, кому медицинская помощь нужна больше, чем Дамирре с её слабостью.

– Я понял вас, – учтиво поклонился Исайя.

– Если же вы хотите таким образом проверить её перед браком – смягчился Дон, видя, что Исайя не стал настаивать. – Я дам разрешение. Но и сейчас совершенно очевидно, что она здорова и девственна. К этому прикладывается податливый характер и сносный ум. Вы можете списать затраты на меня при условии выкупа ночей. Я могу закрепить её за вами... допустим, на полгода. Вы нигде не найдете такой родословной – я веду свое происхождение от самого Инженера!

– Все мы дети Инженера, – с легкостью разбил главный аргумент деда Шестой. Дон раздраженно взмахнул рукой и от дальней колонны к нему подошел патронажный слуга.

– Я даю вам время, Исайя. Такого варианта вы больше не найдете, – слуга подхватил кресло и укатил Дона к выходу из Башни. Следом за ними двинулась небольшая группа людей в синих комбинезонах. Исайя ухмыльнулся и пошел к лифтам.

Мире было до оторопи противно от произошедшего. Дед никогда не делал тайной свое намерение сбыть её подороже в жены какого-нибудь чистокровного пустынного с положением, но ей это казалось пустыми угрозами. Она думала, что, если дед позволил ей работать и забыл о ней, значит ничего не произойдет. А он просто ждал, пока Мире исполнится шестнадцать. И унижительным было даже не то, что Дон предлагал Миру как вещь, а то, кому он её предлагал. Исайте! Шестой всегда был к ней добр и внимателен, даже несмотря на всю свою занятость и наивысшее положение, его она расценивала как идеального наставника, учителя и начальника. Но никак не мужа. Ещё как бесцеремонно дед с ним говорил, позор...

И после всего этого Исайя защищал её и настаивал на обследовании. Это было вторым неприятным открытием за эти десять минут – оказывается её состояние вызывает вопросы у самого Приора. Да, в последнее время она чувствовала постоянную слабость, сонливость, сильно похудела и стала падать в обмороки, но... это не мешало ей работать!

Хоть бы этот разговор никак не повлиял на её работу. Она очень надеялась, что Исайя не поймет всё превратно. Нужно убедиться, наскрести в себе остатки сил, чтобы не разрыдаться и попросить у Приора прощения. Да, так она и сделает. Мира вышла из ступора, осмотрелась в поисках белой формы Приора – он успел уйти довольно далеко. Мира поравнялась с ним почти у самых лифтов. Исайя остановился и выжидательно посмотрел на нее.

– Господин Приор, простите деда... он... – выдавила из себя девушка. В горле стоял ком, голос не слушался. Мира, с трудом справляясь с обуревающим её стыдом и одышкой, подняла на Приора взгляд. Продолжить фразу она не смогла. Дед сказал именно то, что хотел и именно так, как хотел.

– Совершенно замечательный в своей прямоте учёный, – продолжил фразу Исайя, протягивая Мире таблетку глюкозы. У Приора перчатки были настолько белые, что обертка конфетки казалась на их фоне серой. – Вы устало выглядите, мой камушек, сходите в медблок.

Мира протянула руку в засаленной грязной перчатке и неуверенно взяла конфету. Сейчас не заплакать оказалось сложнее всего.

– Спасибо, господин Приор.

Сделав жест рукой, Исайя пропустил её в прибывший лифт и отправил в одиночестве на Шестой уровень. Сквозь прозрачные створки и шахту она увидела, как Приор дожидается следующий.

Отсидевшись необходимое время в безлюдном закутке Шестого уровня, Мира поплелась в медблок. Там, как только узнали, что она приехала из Воротума, провели исключительно дотошный осмотр – проверили легкие, взяли кровь, отправили в дезинфекционную кабинку на два цикла. Переодевшись в привычный рабочий комбинезон, Мира почувствовала себя легче. В голове царил усталое отупение, она мелкими глоточками пила воду и ждала вердикта медиков. Думать о том, что произошло, она себе запретила, потому к горлу тут же подкатывал ком слез. Разрешиться при свидетелях она не могла себе позволить. Воспитание Дона – без разницы что ты чувствуешь, вести себя ты должна достойно. Не счесть сколько раз ей попадало за недостаточно бесстрастное лицо. Но сейчас всё иначе. Она научилась равнодушием отвечать на ругань и несправедливые придирки родственников, но как реагировать на доброту? Мира вертела в руках приорскую конфетку.

Никакого Воротума. В ответе Шестого был мягкий отказ – он ссылаясь на её здоровье и статус таби. Как раз два аргумента, которые ей никак не удастся опровергнуть. Как бы сейчас было здорово, если бы всё хотя бы не поменялось, а осталось как раньше. Пусть дед забудет про её существование, и она просто будет оператором в Башне.

Но у неё что-то со здоровьем, Исайю это заботит. Он может запретить ей вести сеансы. А Дон даже обследование не разрешил проводить – только обрадуется, если её отстранят от работы. У Миры отберут любовно обжитый куб и ей придется снова вернуться в дом семьи. До чего же ругательное слово.

Вышел медик и выдал Мире пару жевательных кубиков и помпу с раствором. Ей было велено идти в комнату отдыха и поставить базовую программу на эргокресле. На заверение Миры, что она хорошо себя чувствует и готова работать, медик раздраженно повторил свои рекомендации, а на дополнительные вопросы отвечать не стал. Мире ничего не оставалось, кроме как подчиниться.

На Шестом уровне были широкие коридоры. Пол был выстлан мягким упругим материалом, который скрадывал шаги даже форменных ботинок гиммела, не говоря уже о тряпичных тапочках операторов. Падать на него было безопасно, синяков не оставалось. Хотя какая-то девочка умудрилась разбить об этот пол нос.

Комнаты отдыха операторов находились недалеко от медблока и занимали почти весь первый этаж шестого уровня. Как только Миру повысили в ранге, её переселили в комнату ближе к главному залу. Она была меньше предыдущей, всего на пятерых человек, но там стояли точно такие же эргокресла, которые закреплялись за конкретным оператором. Часто получалось оказываться в этой комнате одной, Мира ценила такие моменты, она предпочитала уединение.

Но сейчас в комнате обнаружилась Нита – ровесница Миры, тоже недавно повышенная до оператора второго уровня. В отличие от Миры, Нита была невысокая, с детским круглым лицом. Волосы у неё были светло-русые, очень тонкие и негустые, которые она постоянно убирала за уши. Мире мерещилась какая-то навязчивая заинтересованность Ниты в общении с ней.

– Легкой смены! – тут же поприветствовала Нита, приподнимаясь в кресле. Мира вежливо улыбнулась и закрыла за собой дверь. – Как прошла твоя поездка в Воратум?

– Познавательно, – Мира поняла, что не настроена болтать. Она хотела побыть в тишине и одиночестве, как-то разложить по полочкам все пережитое и решить, что делать дальше. Любопытство Ниты её раздражало.

– Расскажешь?

– Позже – отрезала девушка. – Мне нужно запустить режим отдыха, иначе медблок меня пришьет.

Мира настроила эргокресло: установила помпу в специальный паз подлокотника, подключила датчик и пристегнула к катетеру клипсу подачи концентрата, выбрала и стартовала подходящую программу разгрузки. Затем вымученно долго выбирала удобное положение кресла. Всё это время Нита с нескрываемым любопытством наблюдала за ней.

Мира закрыла глаза и попыталась расслабиться.

– Пока тебя не было, наш Приор запустил набор в проект «пустых». Все оказалось интереснее, чем мы думали. Требования запредельные, тесты тоже. Говорят, что в первом круге наберут около сотни человек. А всего программа рассчитана на десятерых.

Мира нахмурилась и скосила взгляд на Ниту. Пустые это то, о чем гудели все операторы второго уровня уже два месяца. Боевая ячейка, в которой оператор заменял командира. Гиммел специальным образом декодируют, чтобы к ним с полным доступом можно было подключиться. А дальше оператор управляет ими, образуя подобие общего разума на группу. Не тратится время на выработку тактики, подачу приказа или подавление инициативы. Полный контроль и синхронность действий.

Концепция была понятна, а вот над реализацией все ломали головы. Сейчас полевые операторы только обеспечивали связь командирам Первого и производили расчеты, которые те запрашивали. Исайя же хотел убрать промежуточное звено в виде командира, заменить его

оператором. Это был вызов – перестроить свой мозг так, чтобы не просто отдавать его ресурс на обработку чужих задач, а самому быть сборщиком информации и заказчиком её обработки.

Универсальный оператор новой категории. Каждый хотел попасть в эту программу, Мира не была исключением – обучением будет заниматься сам Исайя и его первый заместитель Виттор.

– Я уже прошла отбор, – добавила Нита самодовольно. – А ты будешь участвовать?

– Конечно, – ответила Мира. Она была сильнее Ниты и точно смогла бы пройти. Но теперь непонятно, позволят ли ей. С другой стороны, ей никто не запретил подать заявку, а что уж будет дальше, вопрос другой. Тем более тестовое задание Мира давно сделала. Самое время отправить его на канал сбора заявок. – Нит, у меня глубокая разгрузка на полчаса. Всё потом.

Мира снова закрыла глаза. Мысли сбились в один комок липкого страха. Как же всё глупо вышло. Прощайте мечты работать с Кираном плечом к плечу. Когда она теперь его увидит? Только когда парень придет в Башню, а он это делал мучительно редко. Хорошо, что она ничего ему не сказала. Хоть перед Кираном смогла сохранить лицо. Но любила-то она его именно за то, что с ним можно было открыто поговорить, поделиться гложущими нутро мыслями, посмеяться. Ей всегда становилось легче после разговоров с ним, даже если они болтали о всякой ерунде. Но теперь даже этого не будет.

Хорошо, что помочь Кирану она вполне могла из Башни. Мира создала стабильный сеанс и зашифровала его от любопытных глаз. Канал связи потянулся в один из дальних секторов Воротума к далету порогового уровня. «Нума, помнишь бусы, которые ты мне предлагал? Я их беру. Сверху дам ещё десять сеансов, если ты устроишь одну встречу...»

Мира не была уверена на этот счет. Конечно, для тех секторов общение с дикими торнегами и походы в ширяльню были нормой – развлечение на самом краю преступления. Но Киран хотел найти там вовсе не дурманящие смеси или быструю любовь, он шел туда к седитам. Мира пообещала ему помощь и это единственное, что она могла для парня сделать, в нынешней ситуации. Её не будет рядом, но Киран всегда может рассчитывать на «своего» оператора в Башне.

Мира смахнула уведомление системы об окончании сеанса отдыха – состав из помпы полностью загрузился в её организм. Может поэтому стало немного легче? Она открыла глаза и с неудовольствием отметила, что Нита за ней по-прежнему наблюдает. Конечно, она попыталась сделать вид, что смотрит совсем не туда, но сделала это уж очень нелепо.

– Что ты хочешь знать про Воротум? – спросила Мира. Что ещё делать, на смену в зал её всё равно не назначили.

– Всё, – оживилась Нита. – Это правда, что там дикие торнеги свободно расхаживают по сектору? Как они выглядят?

– Не знаю, я не видела, – вздохнула девушка, потирая виски. – К нам приводили торнегов из «диких», они пели и танцевали. Ничем они от городских не отличаются, одеваются только странно и глаза себе черным мажут.

– Что значит «пели и танцевали»? – не унималась Нита.

– Эм... Они стучат в барабан... Барабан – это такая штука наподобие стучалки идеолога, только большая. Стучат они в этот барабан ритм, похожий на ритм отчитки. И двигаются плавно так, умело. И тут же голосом ритму помогают. Идеологи слова просто проговаривают, а торнеги нараспев, тягуче так, – попыталась объяснить Мира. Судя по пустым глазам Ниты, та не понимала. Тогда Мира стала выщелкивать пальцами самый примитивный ритм и пропела две строчки торнежской песни. Исходя из смысла слов, которые она знала, песня была про красоту девушки, которую сравнивали со светилом. Подруга уставилась на неё со смесью удивления и страха.

– Какая чепуха, – хихикнула Нита. – А это правда, что дикие торнеги едят плоть? Мне рассказали, что даже городским торнегам в еду добавляют мясо, иначе они болеют...

– Мне кажется, это ты чепуху несешь, – ответила Мира, подавляя глухое раздражение. Нита натаскала отовсюду разных страшилок про торнегов и вела себя глупо. Вдруг в эске пришло оглушающее уведомление, перекрывшее собой по срочности все другие. Мира даже вздрогнула от неожиданности.

«Оператор Таби 002—356 Дамирра, предписано прибыть на подестатный уровень».

– Э-эм-м... – Мира моргнула, выпрямляясь и садясь в эргокресло. Сообщение продолжало мигать и звенеть в голове, пока она не додумалась убрать его. Мира ошарашено уставилась на Ниту.

– Что случилось?

– Подестат...

– Ну да, Подестат через пятнадцать минут. Наши уже там...

– Меня вызывают на Подестат, – помотала головой Мира.

– Как оператора? Это же первый уровень, – с нажимом проговорила Нита, испепеляя взглядом Миру. Они-то обе были лишь на втором и то сравнительно недавно.

– Я побежала, – Мира спрыгнула с кресла, поправила комбинезон, и бросилась к выходу.

Мира забежала в лифт, и, когда кабина мягко дёрнулась вверх, она за малым не села на пол – от избытка нервов. Подестат! Сердце бешено колотилось, перед глазами темнело. Так, это уже нервное. Надо успокоиться. Иначе не подпустят к операторскому креслу, и будут правы. А ведь это – возможность! Да ещё и какая. Исайя выбрал её! Против воли губы девушки растянулись в широкой улыбке, благо, что вот в кабине она поднималась сейчас одна – яркие эмоции не приветствовались ни на одном из уровней Башни. Но сейчас-то можно... Мира хихикнула и крутанулась на месте. Подестат! Она должна, просто обязана справиться!

Пейзаж, проплывающий за толстым стеклом кабины, сейчас совершенно её не занимал. Этажи сменялись друг за другом, за ними шли уровни, ей нужно было на самый верх. Мелодичный звон оповестил о том, что она на месте, и двери лифта бесшумно скользнули в стороны. Мигом нацепив на лицо бесстрастное выражение, Мира вышла в коридор, и остановилась в замешательстве. Прямо напротив лифта, у врезанных в стены черных высоких дверей стояли двое охранников. Мира, привыкшая к приорской охране, испытала неожиданную робость, но, следом, заставила себя встряхнуться. Время!

– Извините... – ей стало самой неприятно от того, насколько жалко прозвучал голос. Один из охранников, тот, что был ближе, окинул взглядом её операторскую форму, а затем слегка кивнул в сторону.

– Направо по коридору, – голос оказался неожиданно мягким, совершенно не вяжущимся с холодной отстранённостью общего вида. Его лицо, впрочем, не изменило выражения ни на йоту, даже когда девушка быстро кивнула, нервно улыбнувшись.

– Благодарю.

Развернувшись, она быстрым шагом пошла в указанном направлении и быстро оказалась у другой, более скромной двери, и там снова наткнулась на охрану. Здесь её никуда отсылать не стали, лишь попросили чип – для проверки. Это всегда пожалуйста. Оператор подняла руку, задрав широкий рукав и позволив охраннику провести сканером над личным гройевым браслетом. Судя по не изменившемуся выражению лица мужчины – она в списках доступа была.

– Проходите, – второй охранник посторонился, позволяя ей самой открыть дверь, и Мира просочилась внутрь. Здесь, однако, её ждал ещё один сюрприз, в виде второго пропускного пункта, где, правда, помимо охраны находилась ещё и досмотровая рамка. Один из охранников, бросив внимательный взгляд на девушку, посторонился.

– Освободите карманы, – здесь уже ни о какой мягкости речь не шла. Голос служащего был сухим и лишённым эмоций. На верхнюю панель тумбы легло несколько контейнеров. – Всю гройю, кроме браслета, положите сюда.

– У меня ничего нет, кроме этого, – Мира выложила на стол перед алфаром два жевательных кубика и маленькую конфетку в белой обертке. Все её вещи и пластинки гройи благополучно остались в форме, которую она сбросила в медблоке.

– Почему одеты не по форме? – спросил алфар, убирая контейнер под стол.

– Меня назначили десять минут назад, я только и успела прийти, – ответила Мира. Алфар смерил её странным взглядом.

– Прямо, потом налево вторая дверь. У вас около трех минут на то, чтобы найти подходящий размер парадной формы и убрать волосы.

Мира кивнула и поспешила на поиски указанной двери, гадая откуда там может быть форма её размера. Ничего стандартного ей никогда не подходило – слишком высокая и худая. Да и озвученные три минуты нервировали. Как-то всё в спешке и скомкано, но порадоваться она успела, теперь нужно сделать всё хорошо.

За дверью оказался просторный гардероб. С одной стороны были навешаны штанги для одежды, на которых плотными рядами висела одинаковая парадная операторская форма в кофрах, с другой стороны стояли стеллажи с начищенной обувью. И никого внутри. Мира осторожно прикрыла дверь и ещё раз осмотрелась. Алфар сказал ей искать подходящий размер формы? Этим она и занялась, только вот обозначения на кофрах были совершенно непонятными, и их было как-то много. Мира никогда не занималась своей одеждой, поэтому понятия не имела, что означает этот набор символов на бирках. Время поджимало, поэтому она решила быстро заглянуть в справочники системы, чтобы хоть как-то определить свой размер, но с неудовольствием обнаружила, что эска недоступна.

В этот момент в комнату влетела раздраженная девушка и первым делом пнула ближайшую к ней штангу с одеждой, натурально зарывчав. Мира замерла и уставилась на неё с испугом. Перед ней была оператор первого уровня, лопоухая с тяжелым злым взглядом и брезгливо изогнутыми маленькими губами. Вроде бы это Тиа, она занимается безопасностью и внутренними тестами башенной системы. Одна из гениев – оказалась в Башне в двенадцать, через два года уже оператор первого уровня. Очень вспыльчивая и конфликтная особа.

Тиа начала срывать с себя форму, одновременно с тем перебирая кофры на соседней с Мирой вешалке. Она была очень высокая и предметом её недовольства скорее всего послужили короткие рукава формы. Видимо не прошла алфара на входе, и он отправил её, так же как и Миру, в гардероб. И она четко знала, что ищет.

– Прости пожалуйста, ты можешь мне помочь выбрать форму по размеру? Я ничего не понимаю в обозначениях, – осторожно спросила Мира. Тиа развернулась к ней и смерила раздраженным взглядом, затем резко подошла вплотную, почти уткнувшись носом в Мириный лоб. Не успела та среагировать на такое бесцеремонное нарушение личного пространства, как Тиа уже оттеснила её в сторону и перебирала вешалки с формой. Вытащив одну, она бросила её Мире и дорвала пуговицы своего кителя.

– Спасибо, – сказала Мира, с трудом поймав форму. Странная она, пышет гневом, спешит, но помогла. Впрочем, времени на рассуждения почти не осталось. Операторы быстро переоделись и, застегивая пуговицы на ходу, побежали в подестатный зал. Просочившись внутрь вслед за Тиа, Мира застыла на мгновение, опешив от увиденного. К роскоши приорских покоев она была привычна – благо, дед себе никогда не отказывал ни в единой привилегии, – но вот подестатный зал её поразил.

Не слишком большой, по меркам уровня, он казался даже меньше – за счёт того, что был выполнен в тёмных тонах. Сновали туда-сюда алфары, проверяя и регулируя освещение. Откуда-то сбоку потянуло прохладным воздухом, и по лёгкому травянистому запаху Мира поняла, что его подают напрямиком из сада. По тёмным стенным панелям танцевали водные блики, и, вскинув голову, таби поняла их природу – потолок был стеклянным, а прямо над ним располагался садовый водоём. С имеющимся освещением создавался непередаваемый эффект.

Миру кто-то задел, и она поспешно отодвинулась. Вадары и алфары громко переговаривались – проводилось полное тестирование. Система вентиляции, освещения, температурного режима – бр-рр, как непривычно холодно! Градусов двадцать, не больше! – проверялись кресла, размещенные вокруг большого овального стола в центре зала.

– Дамирра, – позвал её мужской голос, заставив вздрогнуть и резко оглянуться. – Приор назначил тебя на замену выбывшему Ардару.

Виттор – оператор первого уровня, неформальный заместитель Шестого Приора. Исая Советников не держал, но по функционалу Виттор был близок к Советнику. Высокий, седой, с рассечённой бровью и навсегда расширенным зрачком левого глаза. Последствия неудачного отключения налицо – как любили о нём шутить. Виттор – ригорист и педант, занимался распределением задач, назначением операторов на смены и отслеживал много других внутренних процессов, в том числе и обучал «новичков» первого уровня. Он был объективно очень силен и впечатляюще стар для оператора – двадцать семь лет.

Мира приветственно кивнула, стараясь подавить дурацкую улыбку – замена! Она!

– Здравствуй, Виттор.

– Ты пятый страхующий оператор. Твое рабочее место наверху. Поднимаешься, затем налево, куратор – Алдо. По медицинским показаниям ты слишком слаба, поэтому будешь работать с подключенными системами поддержки. В любом случае, добро пожаловать на Подестат. Поздравляю с первым предупреждением по регламенту.

Виттор не тратил время на пояснительные паузы, не разжёвывал ничего – да и не было в том нужды. Мира знала, что он глупости не потерпит – и не посмотрит, что её сам Приор сюда прислал. Так что она смотрела на него преданно – и кивала. Да, слабая – а то она не знает! Работать с системами поддержки? Как скажете, господин оператор. Предупреждение?

– Эм, за что?

– Застегни пуговицы без перекоса и убери волосы в тугий низкий хвост на затылке, – Виттор протянул ей светлую резинку.

– Хорошо, – откликнулась Мира, спешно разглядывая свои криво застегнутые пуговицы и принимая резинку.

– Вопросы?

– Нет. Я могу идти? – коротко поинтересовалась она у мужчины, на что тот лишь рвано кивнул.

– Перчатки в карманах формы, – добавил он и тут же громко проговорил в сторону: – Второй будет с двумя Советниками. Подготовьте место. Тест внутренней связи, нагрузка три.

В зале повисла тишина, нарушаемая лишь шорохами и шагами. Все переговоры велись теперь в системе. Мира обошла Виттора, и двинулась на второй уровень – ещё ближе к потолку и лениво перемещающейся воде. Там все кресла были заняты, и она пошла к единственному свободному, посчитав его своим. Пробираясь к нему, она едва не споткнулась о вытянутые вперёд длинные ноги парня – лишь в последний момент ухватилась за поручень, негромко воскликнув, и тут же закусив нижнюю губу. Слишком громко в тишине прозвучал этот возглас. Раздражение, вспыхнувшее в ней, пошло на спад, когда Мира вскинула взгляд на лицо обладателя ног, и автоматически отметила совершенно характерную челюсть и знакомый прищур светлых глаз.

Точно такими же чертами обладал Шестой приор. Перед ней Алдо, признанный отпрыск Исаяи. Правда, нашивки на форме – вадара, а не таби. Алдо из Питомника. Алдо красив, как отец, и некоторые поговаривают, что столь же гениален. В перспективе. Мира же считала, что не рождён ещё тот, кто, даже потенциально, способен хотя бы приблизиться к Исаяе по уровню интеллекта.

«Извини», – ругаться с ним не хотелось, тем более сейчас, так что Мира предпочла сгладить этот момент короткой улыбкой. «Я здесь впервые. Подскажешь?»

Алдо нахмурил брови и нехотя сел, переводя кресло в компактный режим. Внимательными зелеными глазами посмотрел на девушку и неожиданно улыбнулся. Улыбка тоже оказалась исключительно отцовской. Почему-то стало приятно, словно говоришь не с чужим. Впрочем, если вдуматься, то можно ли считать Шестого близким? Многие операторы так и полагали. Уж больно доброжелательно и заботливо Приор относился к крохотным винтикам своей роскошной системы – операторам.

«Извинения приняты. Держи регламенты. Ничего сложного. Тебе и работать не придется, просто наблюдай и учись».

Мира приняла несколько сигнатур, тут же изучая материалы по деятельности вспомогательных ресурсов на Подестате. Немножко кольнуло вот это – «работать не придётся», потому что ей, как раз, и хотелось работать! Больше всего на свете...

На первый план вышло уведомление с двумя таймерами: до начала заседания Подестата двадцать минут, до прихода Приора три минуты. Пару раз пошло на убыль освещение, служебный персонал начал покидать зал.

«На каком этапе происходит подключение вспомогательных операторов? Оно идёт выборочно, или охватываются сразу все ресурсы? Идёт ли во время заседания фоновая нагрузка?»

Мира задавала вопросы осторожно присев на кресло. Как смогла она пригладила волосы и завязала их в тугий хвост на затылке. С пуговицами оказалось сложнее и дольше. Надо бы поторопиться, ещё нужно подключиться.

«Мы все время подключены. В основном, бездельничаем. Иногда перепадает обработать пару запросов, но это если идет перегруз основных операторов, а их перегрузить сложно. Хотя Четвёртый это постоянно делает, но Четвёртого никогда на нас не переключают».

Наконец справившись с пуговицами, Мира закатала левый рукав и пристегнула тонкую клипсу к плоскому катетеру на руке, стараясь не отвлекаться от слов парня. Проверила содержимое флаконов, задала необходимую программу и аккуратно стала натягивать белые перчатки.

«Остальное время мы обеспечиваем каналы связи между Приорами и Советниками, личные переговоры, так скажем. Сегодня повестка огромная по объему, наверное, что-нибудь интересное подвернется» – Алдо отвечал охотно, хотя, может ей это и казалось. Девушка слушала, ощущая параллельно лёгкое покалывание сначала в руке, а затем – разливающееся по телу ощущение теплоты. Зябкость исчезла, сменяясь уютом. Она подрегулировала скорость доставки препаратов в организм, и расслабленно устроилась в кресле, прижимаясь затылком к мягкому подголовнику.

Подключили подестатную эсску – в один момент к Мире потянулся десяток нитей и ещё мириады мимо. Оператор широко распахнула глаза, подавляя инстинктивное желание оглянуться физически – в том не было нужды, тогда как сознание просто не успевало уловить все те сетевые каналы, что шли мимо. Слишком много.

«Это ещё тестовый запуск», – усмехнулся Алдо, отметивший замешательство девушки. – «Сейчас Приор придет и увидишь в действии».

«Здорово...» – севшим голосом проговорила Мира, испытывая странную смесь восторга и глубокого ужаса. «А ты уже бывал основным оператором?»

«Вот как только место освободится и стану основным», – в ответе Алдо слышалось откровенное самодовольство и самоуверенность. Мира вдруг осознала, что скрывалось за формулировкой «на замену выбывшему Ардару» – скорее всего он получил фатальную перегрузку. Жизнь оператора коротка. Гонка за результативностью напрочь отбивала чувство самосохранения, и уже через пару лет ты просто не чувствовал перегрузок, не мог вовремя остановиться. Дожидаться освобождения места приходилось недолго.

Второй таймер обнулится и исчез. До заседания осталось чуть больше шестнадцати минут. Показался Шестой приор. В отличие от основной массы бледных и невыразительных

пустынников, Шестой имел густые темно-русые вьющиеся волосы и яркие зеленые глаза с веселым прищуром. Приор был скорее обаятелен, нежели красив, но стандарты давно поменялись и именно он считался эталоном, несмотря на сломанный кривой нос или массивную нижнюю челюсть. Он улыбался глазами, располагал к себе, очаровывал и внешностью, и манерами. Исайя всегда выглядел идеально: ни одной складки или пятнышка на форме, белоснежные перчатки, острая стрелка брюк и блестящие носы туфель.

Даже не имея возможности лично наблюдать за Приором, Мира всё видела через систему, и видела в мельчайших подробностях. Подстатная симуляторная среда была идеальна. Исайя беззаботно улыбался, протягивая миллионы нитей к операторам. Он говорил со всеми одновременно. К кому-то тянулись толстые канаты запросов, например, к Виттору, кому-то досталась лишь пара штук.

«Рад видеть вас здесь, Дамирра. Не переживайте насчет сегодняшнего разговора в фойе. Вы принесли моему приорату достаточно пользы, чтобы рассчитывать на качественное медицинское сопровождение. Я вижу в вас большой потенциал. После Подстата загляните, пожалуйста, в медблок – обследование займет около восьми часов», – заговорил улыбчивый приорский голос в голове девушки. В исполнении Исайи даже её полное имя звучало не так противно. Мира испытала острый прилив благодарности, смешанной с обожанием. Шестой парой фраз вернул ей будущее. Скользкую тему брака он тактично обошел стороной.

«Спасибо, господин Приор», – несколько скомкано ответила Мира, не в силах обличить в подходящие слова свои эмоции.

«Я бы не назначил вас, не будучи полностью уверенным в ваших силах. Но, если вы почувствуете себя нехорошо, на правом подлокотнике кнопка выхода, и нажать её при необходимости вовсе не предосудительно. Желая легкой смены, мой камушек!» – заверил её Приор и в тот же момент снизу послышался уже реальный его голос:

– Все молодцы!

Исайя хлопнул в ладоши и ушел. Вместе с ним исчезла большая часть нагрузки на систему, впрочем, мощности тоже поубавилось.

После слов Исайи Мира была на грани полноценного, почти истеричного счастья. Он в ней уверен. Выбрал её. И заботится о её здоровье, согласившись списать затраты обследования на Шестой. Она скосила глаза вниз, тут же ухватив взглядом ту самую кнопку, и отодвинула руку подальше. Мира точно знала, что не нажмёт её. Упрямым это было не назвать – скорее, она понимала, что у неё нет на это права, даже несмотря на то, что дозволение получено лично от Приора.

Закипела деятельность и ей стало не до восторгов и не до мыслей. Посыпались предварительные отчёты, назначенные на рассмотрение. Обработывались схемы взаимодействия. На общем канале высвечивалось расчётное время прибытия каждого из десяти Приоров, плюс Принцепс. Напротив Одиннадцатого, как всегда, был прочерк.

Под «отсутствием работы», очевидно, здесь подразумевалась довольно серьёзная поддержка. Это для первого уровня, возможно, были пустяки, а вот ей, ухватившей все тонкости поддержки по верхам, стало не по себе.

Первой в зал вошла Абиссáх – Девятый приор, которая занималась судом, пенитенциарной системой и крематорием. Высокая, даже по меркам пустынников, с идеально ровной спиной, иссушено худая, с темными неприятными глазами и морщинистым лицом. Белоснежные волосы, убранные в простой узел на затылке, ровные линии формы. Судя по виду, ей лет шестьдесят, не меньше.

По системе прошла рябь помех, но операторы быстро выровняли работу. Мире подурнело, когда в стройную и совершенную систему эски ворвался шквал чего-то чуждого, раздражающего... Таби дёрнулась, но её мгновенно догнал голос Алдо:

«Всегда приходит первая, всегда помехи». Девушка благодарно улыбнулась – сын Приора взял над ней шефство и решил не бросать без дополнительной информации.

«А что за помехи?» – поинтересовалась Мира, мельком «оглянувшись» и возвращаясь к моменту короткого сбоя.

«Шумы. Словно информацию зашифровали, потом разбили, перемешали с сотней других разбитых шифровок и вбрасывают в систему частями. Не обрабатывай её, даже не пытайся, сразу схлопочешь перегруз – этих частей никогда недостаточно для чего-то цельного. Просто отсекай, у нас целый блок под это выделен», – сказал Алдо и указал на сектор системы, в которой локализовалась дробленая информация.

Его предупреждение было правильным, но слегка запоздалым – Мира уже взяла «кусочек мусора», и ощущала, как ходит по кругу, пытаясь обнаружить хвосты. Нет, так нельзя. Она сбросила эту часть в указанный парнем сектор хранилища. Странно, помехи шли от Девятой непрерывным, хотя и довольно неприметным потоком.

Мусорная информация всё прибывала, операторы её сбрасывали. Сложность заключалась лишь в том, как вовремя узнать: сложная задача перед тобой или эти шумы... Мира привычно разграничила собственные мысли с операторской работой, отводя для той большую часть ресурса собственного сознания.

Впрочем, и об этом долго думать не приходилось, поскольку в зал вплыли Третий и Седьмой приоры. Эвлира и Дортмух, производство и комбинаты. Были идеальной парой. Их Мира знала превосходно – её троюродные бабушка и дедушка. Нормальные, в отличие от близкой родни. Третий и Седьмой заняли свои места, и вида не подавая, что узнали Миру. Их Советники сели рядом. Сопровождающие операторы начали подключаться и спрашивать, не угодно ли чего – в то время как к Девятому такие нити даже не тянулись.

«В Подестате два Приора, которые сами выступают как операторы – наш и Девятая. Им поддержка не нужна. Исаяя даже сам систему держит, увидишь, это красиво» – продолжал пояснять Алдо, выполняя роль наставника.

«А вот и наша работа. Попробуй-ка ты», – юноша перенаправил ей запрос на формирование и поддержку личного канала связи между Третьим и Седьмым. Приоры сидели со скучающими лицами, но по системе уже пошли переговоры. Там Эвлира отчитывала своего супруга за нерасторопность и «дырявые руки», потому что тот умудрился уронить внука. Дортмух с ворчанием отмахивался, мол, ничего тому и не было.

Мира против воли вслушивалась в личную болтовню Приоров и незаметно усмехалась. Светловолосая девушка с тонкими чертами лица, сидящая за спиной Дортмуха со спокойным и отрешённым видом, в напористой манере что-то излагала Приору. Часто мелькало слово «Иоффы». Вслушиваться не удавалось, расширить канал Мира не имела права... оператор почувствовала, что её собственная воля и интерес куда-то испаряются, остаётся лишь базовая программа оператора. Теряя собственную волю, Мира становилась лучшим исполнителем, инструментом.

Еще два таймера обнулились. Возросли нагрузки, это ощущалось как давление на уши изнутри. В зал вошли Первый приор, силовые структуры, и Принцепс, исполнительная власть Воротума. Они о чем-то спорили. Их Советники шли чуть поодаль и между собой не общались. Принцепс Квирг, высокий и большеносыый пустынный с отеком лицом, нетерпеливо взмахнул рукой и быстро занял место во главе стола. Первый Приор Иона, приземистый торнег, с видом победителя тоже занял свое место. От операторов потянулись нити поддержки. Квирга взял один оператор, к Ионе протянулись две нитки, от стандартного оператора поддержки и дублирующего. Кроме того, его Советник подключился необычно, словно тоже планировал выполнять поддержку. Торнеги отличались тугоумием в системе, поэтому Иону окружали особым вниманием.

Постепенно связь брали на себя основные операторы и Мира с Алдо высвобождались. Подестатный зал обрастал мириадами рабочих нитей.

Обнулится таймер напротив символа Второго приора, и девушка против воли напряглась, уставившись на вход, откуда на коляске появился её дед – Донатальд. Он занимался энергетикой Города и комбинатов, то есть обслуживал главное творение Инженера – Базовые машины, которые и обеспечивали электричеством Триумвират Городов. Он считался самым старым Приором – за вычетом Абиссах, чей возраст не знал никто. А вот Дону шестьдесят шесть, и это переходило все возможные границы – в том числе и приличий. Но объяснялось довольно просто – никогда дед не пренебрегал помощью врачей, берёт себя, как драгоценный сосуд, и не позволял никому даже мысли допустить о том, что раз он сел в инвалидную коляску – его можно сбросить со счетов. Что ни говори, а мозги у Донатальда работали. Иначе он не занимал бы своё место бессменно вот уже третий десяток лет. Но вот характер, которым Мира наслаждалась в избытке, у него был отвратительный.

Тянуться к нему девушка не стала сознательно, предоставляя это другим операторам. На периферии вспыхивали образы основных и ведущих операторов, звучали любезные приветствия, вопросы. Мира осталась «на подхвате», чувствуя, что снова может вздохнуть свободнее. Давление, перешедшее на переносицу, испарилось, прежде чем успело прорваться лопнувшими сосудами, хотя Мира подозревала, что к концу заседания зальёт форму кровью. Ну, для того и перчатки. Таймер напротив Шестого и Четвёртого шел вровень и всё увеличивался. Исая – и опоздает?

Тем временем в зал вошел Советник, замещающий главного идеолога Башни – Морра, дядя Кирана. Он выглядел одним из самых неуверенных: застыл у входа и осматривал присутствующих, нервно сжимая руки. К нему подключился оператор и стал ненавязчиво давать пояснения и подсказки. Он сел на Советничье место при Пятом, оставив приорское кресло пустовать в знак уважения к Приору Леббе, которую по повестке сегодня должны признать мертвой окончательно. Прошло три недели с момента её исчезновения, дальше Город ждать не мог, а поиски результата не принесли. Следующим пунктом после признания Леббы мертвой будет вопрос об избрании нового Пятого приора с единственной кандидатурой на обсуждение.

Появилась Десятый Приор Тви-Корра. Она занималась людским ресурсом: сбор и сертификация детей, централизованное воспитание в Питомнике, распределение. Сжатые в узкую белую полоску губы, опущенные глаза и головной убор немых сестер, полностью скрывающий волосы и шею. По некоторым Приорам было видно, чем они занимаются, другие выглядели универсально. Сразу же за Тви-Коррой обнулится таймер Восьмого приора, и в зал ступила Ив – она занималась материальным ресурсом, учётами и распределением городской собственности. Мира уловила тихий вздох на уровне операторов и обратила внимание на девушку, которая «принадлежала» Восьмому. Светловолосая женщина была известна своей стержневой натурой, и оператору могло от неё достаться. Совсем не обязательно за дело. Приоры имели право на прихоти. Впрочем, за право оказаться в этом зале, можно было стерпеть и не такое. Восьмой приор заняла своё место, оглянувшись через плечо на Советника, что-то негромко проговорила ему и улыбнулась. Даже улыбка вышла неприятной и фальшивой.

Мира моргнула, опуская взгляд. Оставались Шестой и Четвёртый. Операторы, впрочем, беспокойства не изъявляли, да и на «личных каналах» по этому поводу никто не проходил. Это в порядке вещей? Таймер Шестого снова отбросило назад на три минуты, затем система решила, что Приор придет через минуту.

Дверь открылась, внутрь растеряно зашел Четвёртый приор по науке, а следом за ним с дежурной улыбкой вплыл Шестой. Проследив цепким взглядом за тем, чтобы Савант занял свое место, Исая прошел к своему. Шестой подключился к системе и тут же придал ей ускорение в несколько раз.

Беззвучный вздох волной пронёсся по рядам операторов. Не тяжёлый, не облегчённый – нет. Просто – вдох и выдох. Начиналась работа. Вновь возникло чувство головокружения и странной тянущей тоски – от желания объять необъятное. Ей не хватило бы ни сил, ни возможностей замахнуться так высоко, но вот стремление – было. Потому пришлось напомнить себе, что она – дебютантка, и должна сидеть тихо и осторожно, оставаясь, по существу, подхватом у подхвата.

Подестатная симуляторная среда работала иначе, чем всё, что Мира видела прежде. Задачи, которые решались с её привлечением, требовали затраты огромных интеллектуальных ресурсов. Все основные участники заседания подключались через аппараты отслеживания жизненных показателей и вводились в специальное состояние, близкое к быстрой фазе сна. Подестат длился около десяти минут реального времени, но внутри время могло идти сколь угодно долго. Говорили, что один раз Приоры застряли на месяц и были весьма недовольны после отключения.

Первыми в систему входили операторы, затем сами Приоры, следом Советники. Сеанс внутри симуляторной среды визуально полностью моделировал реальный зал Подестата с одной небольшой разницей – в центре стола плавно вращался герб Гордрага. Потихоньку за столом появлялись присутствующие, разминали спины, начинали переговариваться. В сеансе Приоры уже не были ограничены креслами и могли передвигаться, как им вздумается – Второй всегда ходил по залу. Когда все подключились, наступила очередь создавать дополнительные сеансы. Система в системе позволяла использовать возможности мозга на полную. Двадцать самых достойных, гениальных и изобретательных умов Гордрага работали в полной синхронизации, без внешних барьеров, сосредоточенные на решении основных вопросов жизни Триумвирата Городов.

– Итак, одна тысяча триста семьдесят пятое заседание Подестата объявляю открытым. Повестка дня доступна для обсуждения. По приоритетности – тринадцатая позиция подлежит синхронному обсуждению в последнюю очередь. Приступаем, – сбиваясь, проговорил Принцепс.

Каждый вопрос повестки обсуждался в каждый момент времени несколькими Приорами, и остальные были в курсе происходящего. Скорость обмена данными невообразима. Огромные отчёты, которыми сопровождалась любые выкладки по проблемам Города, пестрящие цифрами, данными, прогнозными моделями, считывались в мгновение. Казалось – а, впрочем, так оно и было, сейчас здесь жонглировали всей доступной информацией Гордрага за последний десяток лет.

Всё одновременно охватить было невозможно, Мира предпочитала фокусироваться на чём-то одном, чтобы её саму не затопило потоками информации. Сейчас ей предоставили тень выбора – чем заняться, но, как «шёпотом» заметил Алдо, ближе к концу заседания операторов будут перекидывать друг другу сами Приоры.

– Господа, перенаселение! Нам необходимо до конца года снизить число представителей касты далета на десять процентов, а за последующие два сезона ещё на тридцать-сорок. Вскоре мы столкнемся с дефицитом ресурса и просто не сможем прокормить наши двадцать восемь миллионов человек.

– Поддерживаю. Далета слишком многочисленны.

– Удерживать их в рамках допустимого, даже с учётом технологии декодирования, становится сложной задачей.

– Особенно с учётом технологии декодирования.

– Что вы имеете в виду?

– Пойдемте в другую ветку, поясню.

– Мне тут видится необходимым применить две меры. Объявляем досрочный отзыв далета порогового возраста ранних версий декодировок, этим получаем за три декады убыль в три процента. Возражения?

– Пересчитайте, отзываем только далета второго уровня.

– Шесть десятых процента

– Нецелесообразно.

– Неужели эта ветошь ещё приносит пользу?

– Согласно статистике – да, и довольно существенную. В отличие от новых поколений.

– Тогда вторая мера – отзыв партий неудачных декодировок, с выявленными скрытыми дефектами и нестабильных.

– Поддерживаю. Сколько это нам даст?

– Около двух процентов, если грести всех подряд.

– Кто у нас за Пятого? Морра, перетряхните своих поднадзорных и к следующей смене выдайте Девятому работы на восемьсот тысяч единиц устранения.

– Тогда уж обратим внимание на четвёртый пункт повестки – голосуем за назначение Пятым приором господина Морры. Кандидатур больше не вынесено, поэтому либо «за», либо «против».

В подестатном зале резко повисла тишина. Медленно поднялся со своего места Принцепс и объявил:

– Общим решением Подестата главный идеолог Триумвирата, Пятый приор, distinguished госпожа Лебба, объявленная пропавшей без вести пятнадцатью сутками ранее, признается погибшей. Польза, принесенная ею, неисчислима. Память о ней будет храниться Триумвиратом Городов вечно. Склоним головы в знак благодарности.

Приоры вразной кивнули, некоторые отделались легким наклоном головы, другие проигнорировали и этот жест. Первый усмехнулся, Восьмая гадливо скривила губы. Принцепс продолжил:

– Простым большинством голосов следующим Пятым приором был выбран господин Морра, который переводится с должности первого Советника при Пятом на должность Пятого незамедлительно. Всяческих благ на новом поприще, да принесете вы пользы за...

Приоры не дослушали торжественной речи Принцепса и заглушили его слова. Принцепс с раздражением оглядел гудящий стол и сел на своё место. Морра со сдержанной улыбкой кивал, принимая поздравления, и выглядел ещё более растеряно. Система автоматически переместила его на приорское место и изменила фасон и цвет формы.

– Потенциальные четыре миллиона далета тоже прикидывайте, господин новый главный идеолог!

Рядом шла другая ветка того же обсуждения:

– Собираем заявки на новый выпуск детей из Питомника. Обработка. Благодарю. Что скажете, госпожа Десятый?

– Переизбыток далета, норма для гиммела, существенный недостаток алфара и критическая нехватка вадара.

– Которых вадар?

– По вадарам Питомник не выдает норму уже пятый год!

– Основной сбор детей приходится на торнежских отпрысков. Они пополняют касты гиммела и далета. С рождаемостью среди пустынных существуют проблемы, более того, дети отличаются слабым здоровьем и множеством дефектов. Вадара и алфара традиционные касты для пустынных.

– Городу нужны вадары!

– Питомник снова не выдаст нам операторов, а мощности необходимы категорически.

Иные варианты?

– Снять операторов с развлекательных сеансов.
– Тогда у нас взбунтуются тысячи далет, для которых развлекательные сеансы в эске являются основным предметом мены.

– Надо лишать их этой привилегии!

– Четвёртый, зашейте это в новые программы декодировки.

– По поводу рождаемости, вот ветка с вариантами. По декодировкам соседняя.

– В ветки Четвёртого вообще безопасно заглядывать?

– Обождите четыре секунды и станет безопасно.

– С будущим понятно, текущую проблему как предлагаете решать? Неужто вы хотите передекодировать двадцать миллионов человек?

– Нет подходящих программ декодировки, к тому же мозг не способен выдержать вторую попытку перезаписи, даже частичной.

– Господа, декодировка в отдельной ветке. Пожалуйста.

– Когда решите вопрос с дикими торнегами? Особенно меня интересует зона С1.

– Зачистка территорий, это уже решено.

– Когда? Эти дикари доставляют массу проблем принципской власти в Воротуме.

Глухим ворчанием отзывается Первый приор – его можно узнать по существенному «под-тормаживанию»:

– Операции по зачисткам планируются, гиммелы готовятся, необходимое обмундирование выбирается. Начало зачисток, как я уже говорил, неизбежно приведет к конфликту с торнегами, а там и до внутренней войны недалеко. У Города есть проблемы насущнее, чем развязывать конфликт внутри себя. Проблема с торнегами решается простыми административными мерами.

– Иона, этот вопрос уже закрыт.

– Не мешало бы его открыть и пересмотреть заново.

– Повестка заседания сформирована, заявите по регламенту.

– Как мне нравятся ваши тупиковые варианты решения вопросов.

Негромкий голос острым лезвием разрезал все пласты сеансов, вклиниваясь меланхолическим требованием:

– Мне нужны мощности.

– Всем нужны мощности, Савант.

И тут же, затирая это:

– Я тут посчитал, нам в Воротум нужны пятьдесят подвижных составов и около четырех сотен вагонов. Ознакомьтесь.

Объемный пакет информации от Седьмого по жесту Исаяи разбился на множество подзадач и через мгновение собрался в новый кластер данных, пересчитанный в необходимое количество деталей, материала и ресурса. Отдельными блоками шли заготовки под динамично-расчетные схемы времени реализации в зависимости от распределения задач по производствам, которые назначала Третий приор. Эвлира обрабатывала данные с меньшей скоростью, но её ответ был готов через пять секунд раздумий.

– Дорогой, заводы забиты под завязку. Примерно через месяц могу поставить в производство первую партию.

– А материалы для подрывных работ?

– Готовы к отгрузке, с ближайшим рейсом доставим четверть партии.

– Всем что-то нужно. Может кто-то что-нибудь предложит, ради разнообразия?

– Предлагаю дать мне мощности.

– Хорошая попытка!

– Дит не выдает нормы по добыче и производству. Вы опять предложите мне пересчитать нагрузки на Иоффы? Решите уже наконец проблему Дита. Или скажите, что как произ-

водственный комбинат мы его потеряли. По моей информации, большая часть ресурса идет на внутренний рынок.

– Дит – проблема, требующая отдельного заседания Подестата.

– Это не ответ. Я хочу получить запланированный ресурс.

– Изменение в повестке, дополнительно обсуждаем проект создания торнежских резерваций на базе территории С1.

– Первый, как вы это сделали?

– Ртом.

Сквозь общий смех прорывается меланхоличный комментарий Квирга:

– Почему Принцепс не обладает никакой властью? Почему он даже отдаленно не равен Приору?

– Вечный вопрос от господина Принцепса.

– Я надеюсь когда-нибудь получить на него ответ.

– Мне нравится, что вы не унываете!

Не узнать жизнерадостные комментарии Шестого невозможно. Если бы могла – Мира улыбнулась бы, но её уже сдёрнули на другой канал. Судя по количеству дрожащих нитей поддержки, Приор по производству параллельно вбрасывала и технические данные, подтверждающие её слова. Заломило на уровне переносицы, привычно зашекотало в носу. Оставалось надеяться, что кровь будет идти недолго.

– Пылевые бури. Частота и продолжительность увеличивается. Температура дня повышается. Фронты сияния разрастаются и меняют тактику поведения. Для очистки воды нужен ввод новой степени фильтрации. Есть данные о стремительном вырождении пещер падучего южного направления. Выпуск нового поколения концентратов необходимо провести раньше срока, выявлены серьезные побочные эффекты текущей примеси. Нужны ресурсы. Мне нужны мощности.

– Слушайте, давайте не всё сразу.

– Пять секунд и шесть веток обсуждения от Четвёртого будут полностью безопасны и комфортны. Приглашаю.

– Сегменты Базовой машины Города всё чаще становятся на профилактику открытой датой. Все эти веерные отключения энергии, без каких-либо уведомлений, недопустимы! Выработайте график отключений, раз вам так необходимо производить обслуживание сегментов? К тому же я хочу увидеть дату пуска сегментов первого и шестого районов, которые на профилактике уже больше недели. У нас там производства и люди.

– Предоставят вам графики, не гоношитесь. У нас другая проблема. Переходим на тринадцатый вопрос повестки.

Неожиданно Миру сдёрнули в сторону, и с затаённым недовольством она отметила, что сейчас вынуждена поддерживать личный канал Второго. Сначала Дон общался со своими Советниками, потом протянул нить к Исайе.

– Вы подумали насчёт моего предложения?

– О, да, конечно, – откликнулся Исайя. – Какого именно?

– Вы берете её в жены? – проговорил Дон с напором.

– Мое решение не поменялось.

– Вы отказываетесь?

– Я с прискорбием констатирую, что осмелюсь не воспользоваться выпавшим мне шансом породниться с самой чистокровной веткой пустынников всего Триумвирата, господин Второй.

– Пожалеете...

– Несомненно! – отозвался Шестой.

Неожиданно, на Миру свалилась поддержка полноценного сеанса под руководством деда. Она держала его всего несколько мгновений, прежде чем подключился дополнительный оператор, но эти секунды дались ей с чудовищным усилием. Щекотно и подбородку теперь... как бы не заляпать пиджак. И снова сеанс раздвоился, на «личный» – Дона, и общий – по тринадцатому пункту.

– Иоффы, господа Приоры. Сияние вплотную заслоняет дорогу к главному промышленному комбинату Триумвирата. Скоро поездки туда станут невозможны. Поезд может переждать бурю, но продвигаться в плотном потоке информационных помех такого рода, он не в состоянии. Никто не в состоянии.

– Вскоре и не понадобится туда ездить.

– Потрудитесь объяснить, Донатальд!

– Ресурс Базовой машины Иофф выработан на девяносто восемь процентов. Починке она не подлежит. У нас, по примерным расчётам, три месяца на эвакуацию и перенос производств. Вот вам выкладки, изучайте.

– Уж не хотите ли вы сказать, что мы теряем всю нашу промышленность...

– Именно это я и говорю. Иоффы нужно консервировать.

– Но...

– Необходимо с ближайшим поездом послать группу людей, чтобы забрать десять учёных, с которыми мы сможем построить приближенные к жизни прогнозы и определить темпы эвакуации.

– КАК мы за ТРИ месяца эвакуируем ВСЮ промышленность Иофф? КУДА мы её перенесём? – повышенные интонации Эвлиры били ощутимыми волнами нагрузки.

– Базовая машина Города не потянет нагрузки такого масштаба.

– Эвлира? Ты сможешь продолжать или отключать?

– Дон, ты мерзавец!

Пока все операторы были заняты обработкой выкладок Второго, Мире приходилось продолжать обеспечивать деда каналом связи. Заменить её не взялся никто – слишком много данных Донатальд выдал на-гора, и, что характерно, эти данные нехотя поддавались расшифровке. Тем временем, старик пожелал говорить с Советником Первого.

– Мы договорились с тобой? – раздраженно бросил ему Дон.

– Мне показалось, что вас не вполне устроила цена и вы взяли паузу на размышления, – вежливо ответил Советник.

– Ибо это наглость! Сущее хамство. Твои запросы слишком велики для твоего положения.

– Позвольте не согласиться.

– Бери ночи. Можешь выкупить первую и последующие на полгода вперед.

– Нет, господин Приор. Я хочу традиционную форму брака. Это, если позволите, принципиальный момент.

В этот миг Мира почувствовала, что канал поддержки слегка ослаб – кто-то подключился, словно подставив плечо в трудный миг, но вот отойти в сторону она уже не могла. То, о чём говорил дед с Советником, звучало как-то слишком подозрительно.

– Ты хочешь такую перспективную чистокровную девочку себе в собственность в оплату той мизерной услуги, что я у тебя запросил?

– Она оператор, и у неё существенные проблемы со здоровьем.

– Но ты хочешь именно её? У меня есть ещё две внучки.

– Мне нужна именно Дамирра.

На периферии возник настойчивый предупреждающий сигнал, говорящий о близкой перегрузке. Глупая система! С ней всё в порядке, просто снова наблюдать за актом продажи себя самой как-то... дезориентирующее.

– В пекло! Бери уже, и делай.

– С вами приятно иметь дело, господин Приор.

Разорвалась нить личного канала, Мира зависла бесполезным наблюдателем в среде основного сеанса, где продолжали обсуждать вопрос Иофф.

– Я вас всех предупреждал, что нельзя давать такие нагрузки на машину. Она вырабатывается.

– А заранее предупредить не было возможности?!

– Три месяца. Заранее! Я даю вам факты. Может и будем оперировать фактами, а не моральными категориями? У меня ко всем тоже много претензий морального плана накопилось.

– Успокойтесь. Ваши показатели нестабильны, а у нас ещё три минуты Подестата. Потратим их рационально. У нас есть проблема...

«Аварийное отключение, связь с системой прервана...»

– тихо ткнулся в сознании мелодичный голос, и Мира медленно открыла глаза. Её мутило, кружилась голова, а губы разлепить оказалось не так-то просто – видимо, кровь потекла из носа вскоре после начала заседания, и к нынешнему моменту надёжно заклеила ей рот. Сердце заходило и почему-то очень дрожали руки. Это стало очевидно, когда Мира подняла ладонь, чтобы утереть кровь с лица. В противовес участия в заседании – сейчас её мозг работал очень медленно. Вообще-то она честно пыталась осознать «пойманное» на личном канале Дона, и это сейчас, к её глубочайшему стыду, затмило всё прочее.

Он всё-таки это сделал. Продал её. Выдал... как предмет торга, судя по всему. А до того, весьма любезно, предлагал продать её ночи. Мира разодрала кровавую корку, облизываясь, и повернула голову, глядя вниз, на овальный стол. На кресла, и людей, полулежащих в них. Застывшие лица, дрожащие веки – у тех, кто был ей виден... За вычетом двоих. Шестой и Девятый. Они тянули запредельную нагрузку подестатной системы в сознании. Исая, словно ощутил её взгляд, поднял голову вверх и задумчиво посмотрел на Миру. Точнее было ощущение, что он посмотрел сквозь неё. Все-таки Приор был более, чем занят. Мира вздрогнула, «поймав» этот взгляд. Неприятно кольнула мысль, что жаль, что Исая отказался. Конечно, это был бы тот ещё конфуз – но... все операторы слишком привыкли воспринимать Исая, скорее, как отца. Вот и женитьба была бы, скорее всего, чистой формальностью. Девушка осознала, что таким причудливым способом дед пытался её... уберечь, что ли? От вот этого.

Взгляд девушки без труда выцепил Советника Ионы. Страшный... Лицо как череп, с запавшими глазами и впалыми щеками. Затем она вновь посмотрела на Исая. Поняла, что её трясёт – ведь последнее, чего ей хотелось – вступить в брак. Она хотела, чтобы её оставили в покое!

Дрожащие пальцы продолжали срывать запёкшуюся корку с подбородка. И хуже всего было то, что она ничего не могла сделать. Дед решил. Приор решил. А ей остаётся только принять к сведению. Мира села в кресле, спрятав лицо в ладони. Глупый жест, учитывая, что все ещё были погружены в работу. И как же bestолково она покинула сеанс... аварийное отключение. Стыдно. Снизу послышались странные звуки. Тяжелое хриловатое дыхание, затем громко выплюнутое крепкое ругательство и вот уже к Дону спешат служащие, а следом и медик. Дед решил заранее покинуть поле боя.

– Мерзавцы! Дышать... Убери руки! Увезите меня отсюда, быстро! – рычал Дон, раздавая тумачи служакам.

– Что ж вы так. Спокойнее, господин Второй, – ласково увещевал того Исая.

– Я не буду такое терпеть! Попробуйте найти кого-то на мое место...

– Дон, ну полно вам, никто лучше вас со Вторым приоратом не справится. Это все сказано на эмоциях. А вы зря так резко вышли, это дает сильную нагрузку на сосуды.

– Выродки! Тупые увальни и идиоты. Руки бы всем поотрывать, – шипел Дон, пока его усаживали в коляску. Медик-вадар хлопотал вокруг, пытаясь провести какие-то измерения, и уже пару раз получил по носу. Лишь после, всем миром, Второго вывезли из зала. Миру это зрелище почему-то развеселило, и вызвало мстительную мысль «так тебе и надо, старик!».

Приоры начали выходить из системы с разной степенью эмоциональности комментируя повестку. Больше всех возмущалась Эвлира, не пренебрегающая крепким словом. Продолжая механически оттирать лицо от засохшей крови, Мира ощутила на себе чей-то взгляд. Осмотрев нижний уровень, она наткнулась на черные провалы глазниц Советника. По коже пробежали мурашки, и она резко отвернулась. Ближайшее будущее смотрело на неё не слишком ласково.

ГЛАВА 04 – Т Клеймо

Не став дожидаться пока механизм выровняет пол, алфар подпрыгнул и подтянулся, вылезая из канавы прямо под ноги экзаменатору. Мышцы рук и ног подрагивали, нагрузку ему дали приличную. Особенно под конец. Он ни разу не проходил эту программу и в принципе её никогда не видел – будто набор отдельных, выкрученных на максимум, ситуаций. Терри выпрямился и одернул форму.

Переаттестацию, как всегда, у них принимал глава службы безопасности Варун – ныне скелетообразный алфар с красными глазами. До того, как уйти работать на идеолога, он был весьма уважаемым главой спецподразделения разведки. Ходячая иллюстрация «карьерного роста» у второго Советника, как любили шутить. Через два дня его списывают. Всем пришло приглашение попрощаться с коллегой перед его отправкой в крематорий, но вряд ли кто-то придет. Поговаривают, что по шкале он не добрал буквально пару делений. Интересно, Сурита шутила, когда предлагала рекомендовать Терри на его место?

– Почему программа изменённая? – спросил Терри. Свой голос он слышал приглушенно, словно в берушах. Правое ухо к тому же горело и его ощутимо простреливало.

Экзаменатор, не отрывая руку от пластины управления, кивнул в сторону второго Советника. Тот, невзирая на грохот, стоящий на полигоне, невозмутимо дремал на скамейке у ящичков. Вот кого следует поблагодарить за чудесную возможность свернуть шею. Ветрогенераторы, которые посреди теста врубили на полную мощность, были исключительно неожиданным осложнением.

– Какой у меня результат?

Главный службист медленно вдохнул и проговорил:

– Учитывая, что ты опоздал и всё время ловил мух, то нормально. Девяносто.

– За что десятку сняли?!

– Помнишь момент, когда ты чуть шею не сломал?

– Да.

– Вот тогда ты пистолет и потерял.

Терри хлопнул рукой по пазу-кобуре. Самого пистолета не было.

– Твою...

– Иди ищи, – службист пожал плечами, убрал руку с панели управления и зашаркал к Советнику.

Терри ничего не оставалось кроме как следовать совету. При выходе с полигона инвентарь нужно было оставлять в специальной ячейке, иначе канал забьют уведомления о присвоении имущества. Он топал по полу, покрытому песком, и не мог понять, как мог обронить пистолет. Ощупав крепление, Терри понял, что пистолет у него просто вырвало. Небось, ещё за порчу имущества влетит.

Спустя пять минут поисков он понял, что просто ходит кругами, но думает совсем о другом. Терри попробовал сосредоточиться, но спустя пару минут мысли снова вернулись в опостылевшую колею циклического самобичевания. Он зашел в тупик с Юкки и не мог думать ни о чем другом. Времени мало, а идей никаких. Но он обязательно что-то придумает, и очень скоро.

Терри вспомнил, что потерял пушку ровно перед второй «бурей», а значит инвентарь где-то под песком. Разгребать сотни квадратных метров песка в поисках пистолета он не считал захватывающим занятием, поэтому в голову пришла гениальная идея: спросить у оператора. Эти всё видят, всё знают и всё помнят. И правда, ему выдали ориентиры, и он быстро откопал пистолет. Вот и с Юкки есть такое же очевидное и простое решение, осталось только увидеть

его. Терри поднял муляж оружия, проверил целостность и по привычке пристегнул его к поясу. Знакомого щелчка не последовало. Крепление под замену. Они всегда были ненадежными.

Терри вздохнул и пошел к выходу. Очень подходящее время, чтобы завалить переаттестацию. Сняли десять баллов за дефект снаряжения, а он даже не виноват в этом. Учитывая, что с него всегда снимают ещё десяток за идеологическое разложение, на повышение можно не рассчитывать даже формально.

На наблюдательной площадке, рядом со вторым Советником, появился ещё один человек. В нём даже издали легко опознавался Оттон, несменный третий Советник Ионы – он занимался материальным обеспечением Первого приората и был примечательных габаритов. Оттон был не столько толстым, сколько отечным – ноги колонны, одутловатые пальцы, опухшее круглое лицо.

Взгляд Терри зацепился за красно-белый громоздкий импульсный карабин незнакомой комплектации, который висел на плече у Оттона. Будучи по призванию и распределению учёным, на своем посту третий Советник находил время для исследований и экспериментов. Последние два года Оттон занимался модификацией оружия. Терри лично наблюдал как размалеванные пушки, с прикрученными наглухо к ним цветастыми ремешками, прошли путь от объекта насмешек до события дня. Те из парней, кому удалось протестировать новый образец, охотно делились ощущениями и собирали десятки заинтересованных слушателей. Прикоснуться к разработке новой пушки для гиммела было высшей наградой. Тем более что для тестирования своих прототипов Оттон выбирал случайных людей, которых заставлял на полигоне. Терри тоже был не прочь протестировать что-нибудь мощное. Но вместо этого он с тупым упорством пристегивал муляжный пистолет со сломанным пазом в ячейку хранения, а система не менее упрямо отказывалась его учитывать.

Терри вдруг подумал о прекрасной возможности совершить карьерный суицид, заявив при двух Советниках, что крепления муляжных пистолетов никуда не годятся и стоит пересмотреть на этом основании результаты его теста. Повышения не видать, а вот разжалование можно получить с легкостью.

«Подойдите, будьте любезны», – мягко прозвучала просьба второго Советника в системе. Повинуясь приказу, Терри бросил гиблое дело и пошел к скамейкам. Томмазо сидел сгорбившись и сильно сползши. Его форма, не рассчитанная на такие вольности, задралась и пузырилась вокруг жесткого воротника стойки. Он насуплено выглядывал на Оттона и бурчал:

- Просто верни мне старые ботинки.
- Они уничтожены, – отвечал Оттон. – Я могу сделать специальную стельку в эти.
- Вот еще...

Терри поклонился сначала одному Советнику, потом спине другого. Томмазо быстро скользнул по нему взглядом и чуть наклонил голову в бок, Оттон повернулся корпусом и кивнул.

- Что за ружье? – спросил Томмазо с ленивым интересом.

На лице Оттона расцвела улыбка, словно этого вопроса он и ждал. Он с готовностью начал рассказывать про прототип, сыпая попеременно терминами вперемешку с характеристиками и комментируя количество попыток создания нужного материала для дула. Красно-белое ружье тут же активнейшим образом демонстрировалось Томмазо, с разных сторон, разных ракурсов и с разными видами щелчков-настроек. Идеолог медленно мигал, а Терри с каждым словом Оттона все больше заинтересовывался. Он понимал отчасти половину терминов, которыми сыпал Советник, но, если он понимал их правильно, карабин и вправду получался исключительный.

– А какая дальность стрельбы? – спросил Терри и только потом сообразил, что совершил бестактность – к нему-то не обращались. Оттон резво повернулся, хищно учуяв интерес, и выдал:

– Эффективная восемьсот, прицельная больше полутора километра. Но я не донастроил оптику... Момент!

Отгон полез в карман. Ремешок карабина предательски соскользнул с покатога плеча и ружье со звоном грохнулось на пол. Советник закричал и неловко стал наклоняться, чтобы его поднять. Из-за воротника у него тут же вывалились очки, которые он дужкой цеплял к петельке формы. Собрать всё воедино Советнику оказалось нелегко. Раскрасневшийся от наклонов, он наконец водрузил ремешок карабина на плечо и с усилием выдохнул.

– Прекрасный образец мощного прицельного дальнострела в умелых руках, – запыхавшись подытожил Отгон. – Кстати, спорим, что я сейчас пробью цель в конце полигона в самый что ни на есть центр?

– Пас, – апатично отозвался Советник Томмазо.

– А вы, молодой человек?

– Разрешите? – Терри кивнул на карабин. Отгон завозился, толстыми пальцами вставляя стеклышко в паз на оптическом прицеле и протянул Терри. Первое, что отметил алфар – ружье оказалось тяжелее, чем он предполагал, и прилично оттягивало руки. Терри вскинул карабин, упер приклад в плечо и прицелился. В глазке оптики все расплывалось, а без усилителя увидеть хоть что-то на другой стороне ангара было нереально даже с идеальным зрением силовика. Приклад оказался коротковат, да и рукоять мелкая и неудобная. Может дело было в разнице габаритов – с Терри часто случались неудобства из-за его высокого, даже по пустынным меркам, роста.

– Извините, господин Отгон, но это маловероятно. Карабин тяжелый, через оптику ничего не видно, и прицел сбит.

– В этом суть, молодой человек, – заявил Отгон, забирая карабин и перепроверя прицел. – Я говорю, что смогу попасть в десятку... Вы говорите, что это невозможно. Кто прав, тот и получает приз. На что спорим?

Терри хмыкнул и убрал руки в карманы, нащупывая там кучу песка.

– А на что вы хотите?

– С ним неинтересно спорить, – пожаловался Отгон коллеге.

– Я бы и не советовал, – отозвался Томмазо из своего воротника.

Терри и Отгон вопросительно посмотрели на него.

– Я бы вам, Лефтерис, не советовал, – пояснил Томмазо.

– Ну почему же? Я вполне уверен, что это невозможно.

Терри не был уверен, что сам попадет, а тут близорукий неуклюжий учёный с толстыми пальцами, который толком ружье держать не умеет.

Томмазо ухмыльнулся.

– Тогда спорьте на месячный паек стимулятора.

– Да не нужен мне стимулятор, – вздохнул Отгон и задумчиво посмотрел на Терри.

– Нужен, – ответил Томмазо. – Я потом поспорю с тобой на двухмесячную норму, что смогу за семь минут от любого твоего сотрудника получить чистосердечное признание в хищениях. Держа руки за спиной, разумеется.

Отгон нахмурился и развернулся к Томмазо.

– От любого?

– Да.

– Даже меня?

– Разве ты никогда ничего не «одалживал»? – невозмутимо спросил Томмазо, вскидывая брови.

– Нет! – припечатал Отгон.

– Ну, тогда кроме тебя – согласился Томмазо с улыбкой.

– Ты сказал – любого.

– Верно, – ответил Томмазо, привставая на скамейке и одергивая китель. – Но я думаю, что ты более рационально подойдешь к выбору человека, решение об окончании карьеры которого будет полностью в твоих руках.

Оттон холодно посмотрел на коллегу, неуклюжим движением снял перчатку и решительно протянул руку Томмазо.

– Давай обойдемся словесным уговором, – предложил идеолог, прищуриваясь, чтобы рассмотреть цель в конце полигона. На его предложение Оттон лишь настойчивее протянул руку. Томмазо вздохнул и начал возиться, стягивая с руки перчатку. Делал он это словно специально медленно, не разгибая пальцы. – Ты прекрасно знаешь, что я держу слово. Но если ты настаиваешь на рукопожатии...

Томмазо с усилием содрал с руки перчатку и протянул коллеге увеченную кисть. Кожа на ней была словно оплавленная, с поблескивающими стяжками и бугрящимися шрамами. На двух пальцах не хватало ногтей, на другом фаланги. Костяшки были покрыты потрескавшимися кровящими ступьями. Оттон заинтересованно всмотрелся в протянутую руку и спросил:

– Химический?

Томмазо кивнул и, повторяя действие Оттона, настойчивее протянул скрюченную руку. Советники закрепили спор рукопожатием. Не успел Томмазо надеть перчатку, как Оттон нахлобучил на переносицу очки, смахнул испарину со лба и, не сходя с места, без особых прицеливаний сделал три выстрела. Карабин выплевывал патроны почти беззвучно, только у ствола щелкал электрический разряд, но в цель снаряд попадал с гулким грохотом. Запахло озоном.

Оттон размял плечо, в которое упирал приклад, зацепил очки за воротник и молча удалился. Томмазо проводил его взглядом.

– Три из трех. Проверять будете?

– Нет, господин Советник, – ответил Терри, уже сверившийся через эску с целями. Непостижимо, но Оттон попал. Хотя снаряд уничтожил цели полностью, оператор показывал, что местом попадания всегда был центр. Придется Терри месяц обходиться без стимулятора.

Томмазо вежливо улыбнулся, убрал руки за спину и внимательно посмотрел на Терри снизу вверх. Советник был ниже силовика на полголовы, но сильно горбился. Глаза у него были маленькие, серые, глубоко утопленные в глазницах, а взгляд неприятно внимательный, препарирующий.

– Образец, что вы вчера предоставили в Четвёртый, господ учёных не устроил, – сказал Томмазо. На канал Терри от него пришел вежливый запрос на передачу большого кластера данных. Терри его принял, но ничего не произошло.

– Чем? – спросил он.

– Он скоропостижно скончался в ходе первого опыта.

– Я их предупреждал. По пути в Башню он хотел размозжить себе голову.

– И, судя по всему, это у него получилось.

– Нет, господин Советник, – ответил Терри. – Он разбил себе нос, может бровь. Когда я сдавал его учёным – он был живой. Мой медик осматривал его. В своем отчёте я всё это отразил. Тот отчёт, что от Токту пошел вам был не таким подробным.

– Вы полагаете, я не видел ваш отчёт? – непонятно было кашлянул Томмазо или усмехнулся. – Но речь не об этом. Господа учёные рассчитывали на более длительные эксперименты. Они запросили ещё один образец, на этот раз без дискредитирующих травм головы.

– А где его искать, они сказали? – Терри стоило усилий проговорить вопрос не стиснув зубы. Руки сами собой сжались в кулаки. Торчат на окраине Воротума ещё неделю в попытке вычислить очередного тронувшегося далета? Для того, чтобы его сожгли в первом же эксперименте и выставили в этом виноватым Терри. Хорошая схема. Но у него нет времени на это.

От внимания Советника жест не скрылся, он скользнул взглядом по сжатым кулакам силовика и снова посмотрел тому прямо в глаза.

– В секторе Ноль-восемь-э, – ответил он, чуть наклонив голову.

– Это окраины Воротума, под критерии Четвёртого там подходит половина далет, – Терри с трудом взял себя в руки и, как ему показалось, проговорил эту фразу спокойно.

– Не разбирался в этом вопросе, – заметил Томмазо и с вежливой улыбкой продолжил: – Мне бы хотелось получить от вас рекомендацию. Укажите на человека, способного, по вашему мнению, перенять разработку этой задачи.

– Из моих?

– Подразделение роли не играет. Нужен человек, способный сходу войти в дело и привезти господам учёным подходящего под их нужды человека. Права на ошибку у него не будет.

Терри почувствовал, как по загривку пошла волна неприятных мурашек. Ему крайне не нравилась не столько манера Советника вести беседу, сколько количество его попыток потыкать Терри носом в некомпетентность. Только он ничего не знал ни о деле, ни о специфике тех нерезультативных операций.

– В первых трех случаях были объективные причины...

– Мне нужна рекомендация, – отмахнулся Советник, – ваши объяснения ни к чему.

Терри глубоко вздохнул и пожевал губами. Он прикинул пару кандидатур и решил уточнить их статусы, чтобы сразу передать Советнику готовые варианты. Но канал внезапно оказался недоступен.

– Сейчас какие-то проблемы с эсской...

– Вы в силах без эски озвучить имена?

– Конечно, – Терри оскалился и озвучил номера двух кандидатур с краткими характеристиками. Сразу высветил их слабые и сильные места как руководящих, с учётом специфики задания, которой он хлебнул через край. Им ещё придется общаться с вадарами, а переводчика с языка учёных на людской язык, к сожалению, не предоставляют. Советник внимательно выслушал соображения Терри, кивая, а потом приказал передать разработку дела совершенно другому человеку, из разведки. Терри потребовалась пауза, чтобы обуздать эмоции по этому поводу. Появилось противное чувство, что он сейчас проходит какой-то тест, поэтому Советник всеми способами пытается выбить его из равновесия.

– Почему меня снимают с дела? – поинтересовался алфар отстраненно.

– У вас другая задача – отработаете запрос Второго приора на эскортирование его подчиненных.

– Конвой для вадар?

– Корректнее назвать вас свитой. Речь идет о бережном сопровождении десяти учёных в Башню.

– Откуда?

– Из Иоффы.

В этот момент его оглушило огромным по объему и детализации сводом информации. Алфар дёрнулся, вскидывая руку, будто пытаясь что-то подхватить, и снова застыл, выпрямившись. Взгляд расфокусировался, пока он пытался охватить объем сведений по задаче и объекту, полученных от второго Советника. Терри моргнул, уставившись на свою руку, затем, с лёгкой задержкой, перевёл взгляд на Томмазо.

– На обработку информации мне нужно время...

– Через три минуты я жду от вас список из двадцати человек. К концу смены – план операции.

Терри, ещё не до конца осознавший объёмы информации, проводил пустым взглядом спину Советника. Следом прилетело уведомление о его переназначении на новое дело и закрепление за поездом в Иоффы, который отправится через три дня.

Терри наскоро прикинул объёмы мыслеобраза и нужное на его обработку время. Скорее тридцать три минуты, но, если такая спешка, будет через три. Его группа в полном составе была отправлена туда без раздумий. Севар был идеальной кандидатурой для решения любой задачи. Мельо отличался полезной изобретательностью, а его наглая манера держать себя импонировала вадарам, они принимали её за честность. Следующей была Рина, с высочайшими навыками ориентирования на местности. Бальдр ещё находился в медблоке, но его показатели быстро возвращались к норме. Прогноз хороший – гиммел вернётся в строй через сутки, поэтому тоже отправился в список. Хотя для перестраховки Терри прикрепил к нему дублирующего с другой группы.

Затем Терри открыл выборку командиров отделений своей дивизии. Здесь можно поменять местами, здесь – выдернуть на половину смены раньше, эта будет рада оказаться где-то вне Воратума. Личные дела и характеристики всплывали в памяти сами, и он мысленно помещал выбранного человека. Для сопровождения вадар требовались люди без слепой веры в авторитет Высшего. Вполне вероятно, что придется «эскортировать» учёных силком, ради их же блага. Добрав оставшихся до двадцати, список ушёл напрямую Советнику.

Терри повел ноющей шеей и двинулся к выходу из полигона. Разбирать громадину данных, что ему прислал Советник, он планировал лежа в эргокресле, подключившись к системе. С удивлением он обнаружил, что его список Советник принял. А спустя секунду он говорил на канале Терри:

«Зачем вы направляете мне черновые варианты?»

«Это полностью сформированный список, господин Советник».

«Тогда потрудитесь объяснить, почему у номера один конфликт с базой крематория, у номера два конфликт подчинения, у номера четыре нет медицинского допуска, у номера семь конфликт назначений, а номера с шестнадцатого в статусе „не подтвержден“? Где дублирующие? Почему нет оператора? Если вы самостоятельно не можете проверить свои прошения на соответствие хотя бы формальным критериям, подавайте их через вышестоящего».

Снабдив Терри риторическими вопросами, Советник оборвал сеанс и отклонил список. Терри посмотрел на разгромленный перечень, который после манипуляций Советника стал объемнее раз в десять, и скривился. За каждым кандидатом болтались шаблоны отсылок ко всем существующим базам. Следом пришел пакет внутренней нормативки, который сам по себе пролезал через канал полторы секунды.

Может задание и банальное, но нельзя забывать, что он имеет дело с Высшими. Лизать задницу второму Советнику Терри был не намерен, а вот лишить возможности цепляться к его отчётам и людям хотел сильно.

Оказывается, Севар уже числился в очереди в крематорий на списание. Ему через пару дней исполнялось тридцать пять лет – крайний возраст для гиммела. Терри вытащил из своего системного хранилища давно подготовленное прошение на продление нормы дожития и внимательно перенес туда данные из недавней переаттестации Севара. Здоровье стопроцентное, тесты на интеллект прошел по границе с высшей кастой. Терри повернул в коридор шестой секции и, ещё раз всё перепроверив, отправил прошение. Севар ещё годен для спецподразделения, а через год потом его можно перевести в наставники – будет тренировать молодняк. У него призвание к этому, он любит учить юнцов, а те ему в рот смотрят. Терри и сам его боготворил какие-то пять лет назад. Если понадобится, зубами выгрызет пять лет службы для боевого товарища.

Дальше Мельо. Из-за чего случился «конфликт подчинения», он догадывался. Терри посмотрел, где сейчас крутится рыжий и вызвал его в рабочий зал. С Бальдром формальность, медблок уже завтра выдаст допуск. Конфликт с седьмым решался сменой расписания и вот он уже свободен на нужную дату. Стандартный оператор у Терри – Сана, с этой вредной девчонкой они уже сработались. Запрос на её включение в группу тоже улетел по каналам эсски.

Остальные просто в ячейках спят. Советник выдал тираду из-за пустяков, которые решались за сорок секунд.

Перепроверив статус прошения по Севару, Терри прибавил шагу и через полторы минуты оказался у северного входа в рабочий зал при первой казарме. Мельо уже ждал, подпирая стену, всключенный и дерганый, от обычной вальяжности ни следа.

– Я тебя отвлек от важных дел? – спросил Терри с улыбкой.

– Что? – Мельо отлип от стены, переступил с ноги на ногу, сложил на груди руки и упорно не смотрел Терри в глаза. – А, нет. Какие у меня там важные дела, я ж в мужских казармах был.

– Что ты там делал?

– Да так, общался.

– Советовался?

– Что? Пфф, нет.

– Я видел результаты твоей переаттестации. В тебе снова признали административный потенциал. Мне непонятно, почему ты тянешь. Соглашайся на повышение, третий раз не предложат.

Внутренний голос тактично отметил, что вся его команда прошла переаттестацию лучше, чем командир. Мельо поднял глаза на Терри и посмотрел настороженно.

– Просиживать штаны, делать отчёты и переставлять наряды? Никаких тебе рейдов в Воратум и дерьмовых приключений.

– Это хороший шанс. Не смотри на то, что охранка.

– А тебя куда двигают? – спросил рыжий, не зная куда деть руки.

– Я в резерве.

– А Сев?

– Сева продлеваю. Может через пару лет в тренеры пойдёт.

– Это я ему ещё не предлагал охранять толпу вадар под моим командованием! – заулыбался Мельо. В тот же момент к Терри на канал пришла отбивка, что рыжий подтвержден в операцию.

– Ты каким местом так быстро решение принял? Третий раз не предложат.

– Предложат. Я ж вадарам нравлюсь. Я думал, нас разгоняют. А тут все ребятки в сборе.

– Теперь ты официально признан занозой в моей заднице.

– И я тебя не подведу, командир!

– Кто бы сомневался, – пробурчал себе под нос Терри, заходя за рыжим в зал.

Рабочий зал первой казармы был самым маленьким из десяти, расположенных на первом уровне Башни. Он вмещал в себя четыре секции по сто посадочных мест. За спецподразделением закреплялось только крыло, у них было северное, а место можно было выбрать любое свободное. В распоряжении каждого было два квадратных метра площади, на которых располагался стандартный лежак-кресло с системой подключения к эске. Для работы в системе рабочий зал был удобнее, но разгрузочные сеансы предпочтительнее было проводить в казарменных сотах.

Мельо быстро вычислил подключенного к системе Севара и плюхнулся на свободный лежак рядом. Негласное правило – если садишься работать в зале, бронируй четыре места рядом. На левой скуле седого силовика адела ссадина. Мельо не упустил шанса и тут же проехался по этой детали. Севар терпеливо выслушал монолог возбужденного Мельо и тоскливо посмотрел на Терри. Когда рядом не было Рины, потоки своеобразной любви рыжий изрыгал на седого силовика.

Терри ухмыльнулся и занял лежак по правую руку от Севара. Проведя чипом по панели доступа, он разблокировал систему и достал бутылку витаминизированной воды. Настроив высоту подголовника под свой немалый рост, Терри отточенным до автоматизма действием подключился к системе: завернул левый рукав, пристегнул клипсу подачи концентрата к плос-

кому катетеру над чипом, откалибровал кресло и с удовольствием по нему растекся. За десяток дней, проведенных в пыльных трущобах Воротума, он успел соскучиться по базовым удобствам. От запястья растеклось тепло, за считанные минуты распределившись по всему телу. Думать стало легче и приятнее. Система тут же уведомила, что Терри задолжал ей пару десятков разгрузочных сеансов. Соблазнительная мысль, но время поджимает.

«Когда ты вернешься?» – холодно спросила жена.

«Через смену. Что-то случилось?» – сердце Терри тревожно сжалось.

«Нет, он до сих пор спит. Тебя повысили?»

«Нет».

«Ты можешь прийти сейчас?»

«У меня новое назначение, мне нужно поработать».

«Снова придется ехать в Воротум?»

«Нет» – соврал Терри. В Воротум не придется, Иоффы в сотни раз дальше.

«Мы не решили, что будем делать».

«Эва, давай оставим этот разговор на утро – как я вернусь в куб. Позаботься о Юкки, сейчас мне нужно готовить план операции».

«Опять эти операции... Всё чем-то заняты, ни у кого на меня нет времени!» – фыркнула жена и отключилась.

«Работать...» – приказал Терри сам себе. Он решил подать списки и план сразу, с привязками людей к функционалу и обоснованиями. Но, перед этим нужно изучить глыбу данных от Советника.

Масштабы проработки поражали. Бесконечные развилки вариантов, с изложением информации по каждому, в свою очередь имели подгруппы, состоящие из списков, пояснений, отвлечений и уточнений, которые ссылались друг на друга в огромном мыслеобразе, создавая новые варианты, подгруппы и списки с пояснениями, которые тоже ветвились на разновидности. Конца и края информации было не сыскать. От структуры многоуровневых вложений и избытка фактологических значений разболелась голова, Терри боролся с бессилием и упрямо продирался сквозь дикое нагромождение отвлекающих сведений, большая часть которых, несомненно, была интересной – но оставалось неясно, какое отношение имеет к их задаче статистика по ветрам в каждом из секторов. Избыточность информации была немногим лучше её нехватки.

Наконец, ближе к окончанию пересортировки этого нагромождения, алфар осознал, что он жестоко ошибался, и, на самом деле, в переданном Советником кластере данных была стройная и даже красивая система. Только слишком сложная для расшифровки, и, фактически, невозможная – без ключа. Ключ, разумеется, Советник не предоставил. С ключом Терри сразу бы понял, что большая часть данных ему попросту не нужна.

Ничего нового он не узнал. Нужно забрать из комбината и «эскортировать», как выразился Советник, в Город десять вадаров. Всё казалось простым, если не сказать примитивным. Добраться до комбината – двенадцать часов, дальше разделиться на группы по двое, и следовать к основным, заботливо отмеченным на карте, точкам в рабочих зонах. Учитывая расстояния и среднюю скорость передвижения по комбинату – процесс изъятия необходимых людей займёт около четырёх часов. Потом ожидание. Поезд отходит точно по расписанию. И двенадцать часов назад. В сутки укладываются. Терри прикинул дополнительные ветки сценариев, но всякий раз удавалось уложиться в назначенное время.

Но несмотря на дикое количество информации от Советника, Терри не нашел там важных моментов. Для начала, не было списка эвакуируемых, поэтому нельзя было рассчитать время на работу с возражениями. Вадар придется уговаривать идти к поезду, вряд ли все окажутся покладистыми. Потом – количество людей в команде. Советник сказал о двадцати людях, в статусе операции, это число было под вопросом. Плюс рядом стояла цифра десять

и пять, тоже под вопросом. Кто эти люди? Доступа к информации не было, поэтому Терри предположил, что первые десять – это учёные Второго, которых он отправляет на замену. Про дополнительную пятерку людей гипотез не было.

Зато про сами Иоффы ему выдали информации с лишком. Производственный и горно-добывающий комбинат в полутора тысячах километров к западу от Города на восемьсот тысяч человек обслуживающего персонала. Город в горе, на самом краю пустынной «плиты». Добывают руду, там же её перерабатывают, отливают металл и штампуют большой перечень деталей для машин Города. У них холоднее, чем в Городе, более ветрено и чаще происходят бури. Большая часть производственных и жилых помещений находится под землей, в пещерах, где повышена активность падучего гриба. Все жители Иофф принимают с концентратами специальные иммуномодуляторы, которыми их снабжает Город. Форма для силовиков комбината отличается интересной спецификой – более теплая, непродуваемая, со специальными ботинками и перчатками. Схемы транспортных туннелей и логика их нумерации тоже представляла интерес. Остальные девяносто пять процентов данных от Советника лишь углублялись в малоинтересные детали.

Простейшее задание на сутки. Сейчас Терри казалось, что искать в Воротуме очередного далета более интеллектуальное занятие, чем за ручку отводить вадар к поезду. Столько времени и сил потратить на разработку дефектных далет, чтобы просто передать все наработки в разведку, которая снимет все профиты.

Открыв глаза, алфар аккуратно потыкал пальцем висок с напряжённо пульсирующей веной, сверился с часами и выругался – с дешифровкой и базовым планом он застрял на двадцать пять минут. В рамках эски это было почти вечностью.

«Благодарю, Сана, отключай этот канал», – обратился он к оператору, сворачивая аналитический сеанс и снимая с девочки часть нагрузки.

«Да пожалуйста – мне не сложно! Ты же знаешь, что я и больше тяну!» – хвастовства с избытком хватало в словах, чтобы воображение Терри дорисовало и интонации. Силовик улыбнулся.

«Не сомневаюсь. Видела новое задание?»

«Берёшь меня в Иоффы?» – интонации немного дрожащие. Терри решил, что не мешало бы потешить самомнение девчонки, для поддержания боевого духа.

«Ты оператор с внушительным полевым стажем. Кого же ещё мне взять?»

«Разумеется, я – лучший из вариантов».

«От скромности ты точно не умрёшь», – удержаться от улыбки было сложно, тем более что пустынный знал, какая буря негодования последует за безобидной подначкой. Но в этот раз оператор не была настроена на шуточный лад.

«знаю, с вероятностью в восемьдесят процентов, я умру от острого инсульта головного мозга».

Терри нахмурился, но ничего не успел ответить – девчонка свернула канал.

«Внимание! Предупреждение по Городу. Через шесть часов ожидается песчаная буря класса красный, повышенный уровень опасности. Усиление скорости ветра до 45 м/с. Предположительная продолжительность бури – восемнадцать часов. Пиковые часы – 20:03—25:18. Выход на уровни выше отметки два не рекомендован. Вероятно ухудшение самочувствия, следуйте персональным медицинским рекомендациям. Эргоячейки переведены во второй режим работы.

Внимание! Предупреждение по Городу. Через шесть часов произойдет запуск процесса зарядки Базовой Машины Гордрага. Секциям первого и второго радиуса – эвакуация, расчетное время пять часов. Секциям третьего и четвертого радиуса – действовать по инструкции 103Т-00, не покидать уровни ниже отметки десять, расчетное время шесть часов. Расчетное

время окончания зарядки – 25:30. Вероятно ухудшение самочувствия, следуйте персональным медицинским рекомендациям».

Уведомление о буре заслонило все активные процессы. Красный – это серьезно. За этим классом бури всегда следовали сутки, а то и больше, пылевой мглы и магнитных возмущений. Два дня из трех, отведенных на подготовку, Терри будет ходить с большой головой, одышкой и желанием избить каждого за мало-мальски громкий звук. На бурю все в Башне реагировали крайне плохо. Нужно ускориться и сделать за ближайшие шесть часов максимум.

Терри проверил статус прошения по Севару. В рассмотрении у вездесущего Токту. Терри поинтересовался причинами задержки, потом они долго обсуждали прошение: алфар обстоятельно раскрыл и доказал всё то, что указал в прошении. Настоял на том, чтобы прошение рассмотрели в приоритетном порядке – у него операция на носу и Советник ждет списки. По итогу сражения, наверх ушло положительное заключение от службиста и второй Советник его почти сразу утвердил. Норму дожития Севу продлили на пять лет. Терри с глубоким удовлетворением отменил назначение подчиненного в крематорий, но система выдала связанное событие.

«Сев, я заметил одну странность», – подключился Терри к каналу седого силовика.

«Какую, командир?»

«Твой слепок личности хотят видеть в резерве, а ты тут сидишь».

«Меня будут копировать через четыре дня, когда я пойду на списание», – улыбнулся Севар.

«В крематорий ты ещё не скоро пойдешь, поэтому рекуперацию нужно оформить отдельно».

«Меня продлят?»

«Уже продлили. Будто ты сомневался. Предлагаю оставить всё как есть. Вернешься с задания, в день рождения сходишь к деке, а после отметим это событие. Возражения?»

«Никак нет. Спасибо, Терри».

Терри искренне радовался за коллегу, а сам Сев был невозмутим. Ничего его не берёт. Набрал максимум по шкале и молчит сидит. Будь на его месте Мельо, об этом в тот же миг против своей воли узнала бы половина Башни. Да, об этом должны знать все – это идеальный итог службы, ведь личность Сева признали настолько полезной, что дадут ему вторую жизнь в новом теле. Смерть становится не более чем переходной точкой, ведь он навсегда зачислен в резерв Инженера. Если повезёт, Терри успеет застать Сева снова и может быть станет его наставником.

Внеся формальные корректировки в список и собрав воедино план операции, Терри отправил его Советнику и встал с кресла, разминая затекшую спину:

– Севар, Мельо – отвлекитесь.

– Наконец-то, подробности! – Мельо заинтересованно уставился на алфара. Седой гиммел с еле заметной заминкой моргнул, а затем перевёл вопросительный взгляд на командира.

– Будет запрос от второго Советника Томмазо, собеседование, проверка или тестирование, не могу сказать наверняка. Он из идеологов, возможно, ему покажется интересным давить в этом месте. Помимо профпригодности, разумеется. Учитывайте это. Особенно ты, Мельо.

– Ну да, Сев-то у нас идеальный, – едко прокомментировал рыжий. – А чего нас потрясти решили? Мы же только сдали квалификацию.

– Новое задание сверху. Если коротко – съездить до второго комбината, забрать десять вадаров и вернуться в Город.

– И всё? – в голосе Мельо звучало искреннее изумление. Терри пожал плечами.

– Всё.

Севар вздрогнул и выпрямился. Одновременно с этим Терри отметил, что Советник принял список. Более того, резво взялся за проведение тестирования, начиная, закономерно, с первого номера. Реакция седого гиммела была объяснима – судя по тактике, Советник любил

оглушать. Но спустя секунду Севар полностью выпал из эски и начал заваливаться на бок. Мельо подхватил его и возвратил в эргокресло.

– Пульс? – резко спросил Терри. Биометрика была недоступна.

– Есть пульс. Да куда ты всё сползаешь? – проворчал Мельо, аккуратно обжимая за горло бессознательное тело, которое совершенно не хотело помещаться в кресло. Рыжий приложил коленом по рычагу и кресло плавно разложилось в лежак.

Терри коротко и ёмко выругался. Рядом сидящие силовики начали любопытно выглядывать.

– Чтоб ему...

– Кому? – недоумевал Мельо, укладывая упорно сползающего коллегу.

– Это Советник, идеолог.

– Это Сев на отчёт высшему руководству пошел? Как-то он с полной отдачей. Мы будем вообще что-нибудь делать или пусть подых... о, дернулся. Эй, команды на отдых не было. Тебя чего срубило, старичок? – Мельо несильно похлопал Севара по щеке. Тот широко раскрыл глаза, судорожно вздохнул и рывком сел.

– Я завалил тестирование, командир... – хриловато проговорил гиммел, в его голосе прорезались нотки, подозрительно похожие на отчаяние.

Терри, недоверчиво переспросил:

– Ты?!

– Толком не помню, – поморщился Севар, растирая лицо. – Он был недоволен, очень. Я что-то не так сделал.

– Ты мягонький, друг. Я тебе тут кушетку сделал. Да не за что, в чём вопрос. Всегда пожалуйста, ты обращайся, – разглагольствовал уязвлённый Мельо на заднем фоне. – Наш идеальный Сев огребся от идеолога. День перестаёт быть скучным!

Терри отмахнулся от бубнежа рыжего, хмуро глядя на Севара. Молча протянул гиммелу бутылку с водой, а сам стал соображать. Чем снова недоволен этот идеолог?

«Господин Советник, я хотел бы узнать, на основании чего вы сочли гиммела первого уровня 548—013, Севара, непригодным для выполнения поставленной задачи?» – Терри тщательно «подчистил» эмоциональный фон, убирая ненужное возмущение и оставляя сухой, на грани любезности, тон. Адресат вышел на связь моментально.

«Откуда такие выводы?» – резанул ответ Советника.

«Исхожу из реакции гиммела. Он убеждён, что вы им... недовольны» – Терри сверлил взглядом Севара, растирающего лицо и, потихоньку отпивающего воду.

«Вы будете сообщать мне выводы на основе самоощущений каждого вашего подчинённого?» – уточнил Советник. Севар вздрогнул и побледнел, а бутылка с водой замерла у самого рта. «Тесты он прошел показательно. Но гиммел-548-013 не подходит для операции по причине достижения предельного возраста. Обдумайте список запасных кандидатур. Выводы по остальным дам, когда закончу. Разглагольствовать о каждом по-отдельности считаю нецелесообразным».

Терри выслушал отповедь Советника, скрипнул зубами, но заставил себя среагировать не иначе, чем коротко:

«Принято, господин Советник».

– Прошёл ты, Сев. Образцово-показательно прошёл. В чём я не сомневался, – кивнул алфар своему подчинённому, не став озвучивать отказ, как и его причину. Он был категорически не согласен с решением Советника, и сообщал, как обойти этот запрет.

Севар слегка заторможено кивнул, отпивая воду. Терри размял шею, возвращаясь на своё место. Предчувствие было поганое, ещё эта буря...

«Значит, смотри», – возник на канале Терри задумчивый голос Сааведро. Медик-вадар не выходил на связь больше месяца, хотя показался заинтересованным случаем Юкки. Пона-

чалу в Терри теплилась надежда, что учёный определит болезнь сына, но постепенно она угасла. И вот он появляется вновь. Но после многообещающего начала, в миг воскресившего надежду, продолжения не последовало.

«Приятной смены, господин Сааведро. Что вы имеете в виду?» – вежливо спросил Терри.

«Там есть резюме, если чего-то не понял по пути изучения».

«Где?»

«Ах, да, ты же без доступа. Я нашел четыре сходных по симптоматике случая. Есть ещё десять, но для формального примера они ненадежны, там недостаточно данных для однозначного определения их в выборку. Во всех выявленных случаях дети получали высокие оценки интеллекта. Ещё интересен тот факт, что во всех случаях, за исключением одного, дети были потомками чистокровных пустынных».

«То есть вы нашли, как вылечить Юкки?»

«Нет, я нашел проблематику».

«Я не до конца вас понимаю, господин Сааведро»

«Это не обязательно. Все дети из моей подборки были списаны как дефектные. Они пополнили бы высшую касту, в которой на данном этапе наблюдается жутчайший дефицит кадров. Если мы подберем опциональный режим медицинской поддержки, в котором ресурсные расходы будут меньше, чем потенциально приносимая ими польза, то это может быть рассмотрено как одно из решений по преодолению такого дефицита. Таким образом, итогом внедрения моей разработки будет создание профицита ресурса за счёт выведения некоторой доли детей из категории дефектных. Конечно, такого рода исследования весьма и весьма дорогостоящие, но однозначная польза присутствует. Окупится примерно через пять-десять лет, в зависимости от количества детей. Я не замахиваюсь на создание лекарства. Я предлагаю найти опциональный способ купирования заболевания для поддержания уровня жизни».

Кстати говоря, на высшем уровне уже есть проект экспериментального крыла для обучения детей с проблемным здоровьем и высоким интеллектом – на операторскую работу. Шестой приоритет готов покрывать медицинские расходы. Ваш мальчик вполне подходит под их критерии. Вы готовы представить образец к отбору?»

«Да, конечно!» – с готовностью отозвался Терри, хотя слух неприятно резануло обезличенное слово «образец».

«Значит, смотри. Это крыло запускают с новой декады, отбор стартуют на пару недель раньше. Чтобы в надлежаще полном объеме представить образец, нужно провести полное обследование. Сам понимаешь, рентабельность сомнительная, поэтому эти медицинские затраты могут быть списаны только на стаби. Но тут проблем не должно быть?»

«Не совсем...»

«Почему?»

«Господин Первый не разрешит».

«Значит, он не согласен и с определением образца в экспериментальное крыло? В любом случае, нужно разрешение стаби!»

«Да, я это понимаю».

«Без этого обследования вероятность утверждения образца на пансион Шестого представляется низкой. Не забывай, что этот ребенок не имеет даже базовой подготовки. Определение в проект позволит минимизировать ваши же затраты и позволит избежать сертификации по общим критериям. Возможно, это исследование принесет эксклюзивное знание, которое поможет спасти сотни талантливых детей и заткнет дыру в трудовых ресурсах высших каст. Я вложил в это исследование много времени и сил, от вас требуется самая малость – взять затраты на медицинское исследование, которое ребенку и так необходимо!»

«Спасибо Вам за это! Я всё сделаю. Сколько у меня есть времени?»

«На поиск ресурса? Не много. Думаю, около десяти дней, далее это становится нецелесообразным».

«Хорошо. Десять дней. Я решу».

«Да-да. Ещё хорошо бы дать данные о динамике...»

Учёный так же мягко покинул сеанс, как и начал его. Терри скованно вздохнул. Вот и лазейка. Сааведро не обещал чудесного исцеления, но гарантировал медицинское сопровождение и профессию для Юкки – о большем и просить нельзя. Оставалось лишь найти ресурс на полное обследование. Обдумать эту мысль Терри не успел, поскольку, внезапно, большая часть активных сеансов оказалась забита одним сообщением, прилетевшим от приемной Первого.

«Алфар 165—394, Лефтерис, назначено прибыть в кабинет Первого приора».

Терри машинально задвинул настойчивый сигнал в сторону. Что Приору потребовалось от него? Он никогда не работал на таком высоком уровне, максимум Советник. Появилась неприятная догадка – Юкки. Свербящее ощущение надвигающейся катастрофы не пропадало.

Приор был единственным, кто мог защитить Юкки от сертификации и Города: у него был статус и власть. Но, предсказать реакцию торнега, когда он узнает об «аллергии» Юкки, не составляло труда. Он сочтет его «дефектным» и будет прав. Тупик, в который постоянно приводили размышления Терри, вызывал приступ бессильной злости. Приор не знает, да и не стал бы он вызывать Терри к себе. Иона четко разделял дела Города и дела семьи. Тут он бы лично спустился и начистил Терри морду. Сейчас алфар был вызван как подчиненный. Терри заставил себя отвлечься от зарождающейся нервозности, потратив на это несколько секунд, пряча гройевую пластинку в карман и натягивая перчатки, и лишь после этого молча покинул зал.

Кабинет Приора находился в отдельном блоке, на шестом этаже первого уровня, за массивными двустворчатыми дверьми. Впервые за десять лет службы в Башне Терри получил разрешение зайти внутрь. В приемной его встретил свежий воздух с еле ощутимым запахом дезинфекционной смеси и пара безликих служек за белоснежной стойкой у дверей. Откуда-то доносились обрывки слов и рык на повышенных интонациях. Не успел Терри приложить чип к панели регистрации, как дверь в кабинет Приора с механическим щелчком открылась и в приемную выбежала восьмилетняя девочка в белом костюме.

– Папа! – вскрикнула она и широкой улыбкой подбежала к Терри. Иоланту нельзя было назвать красивой или умной. Она была квартероном, которые в большинстве случаев вбирали в себя все слабые черты обоих народов. У Номи были непослушные черные волосы, широкое лицо и небольшие серые глаза. По уму она не прошла сертификацию даже на далета, поэтому не имела будущего за рамками семьи стаби. Но Приор её любил, и она отвечала ему тем же, развлекала его и веселила, ребенком она была ласковым и обаятельным – от таби другого и не требовалось.

Терри, следуя заведенному ритуалу, наклонился и щелкнул дочку по носику. Она весело хихикнула и сделала то же самое. Следом за Номи вышел небольшого роста старик в белом кителе, а за ним второй Советник с кислой миной. Терри согнулся в глубоком поклоне перед Высшими.

Все знали, что Иона чистокровный торнег с классическим для его народа характером – взрывным и упрямым, так же как знали про его властный бас. Но первая встреча всегда вызывала ступор – в первую очередь из-за того, что макушка Высшего оказывалась в районе локтя. Даже по меркам малорослых торнегов Иона считался низковатым, но это никак не умаляло остальных его достоинств, хотя и доставляло некоторые неудобства. Например, ходили слухи, что при разговорах с глазу на глаз Приор заставляет собеседников сидеть, в то время как сам остается на ногах.

– Могу быть ещё чем-либо полезным? – спросил идеолог, звякнув браслетом по панели регистрации.

– Сгинь, – гаркнул Иона. Советник невозмутимо поклонился и вышел. Иона тоже звякнул браслетом по панельке и упер руки в бока. Белый китель встопорчился на плечах и ещё сильнее подчеркнул выдающийся вперед живот Приора.

– Ну и где он? – требовательно спросил Иона. Терри непонимающе посмотрел на служек и автоматически пригладил торчащие волосы дочери.

– Простите, господин Приор, – начал Терри. – Кого вы имеете ввиду?

– Где этот трепач? А, бежит!

Из холла послышались тяжелые шаги и вторя приорскому ворчанию в приемную ввалился красный Оттон. Он судорожно хватал ртом воздух и имел такой вид, словно с ним вот-вот случится припадок.

– Тебе уже четыре года как запрещено не то, что бегать, по лестницам подниматься! Бурдюк! – начал распекать Советника Приор. Оттон, хрипя, махал руками, всё отрицая. Иона продолжал: – Лицемерие у меня в печенках сидит. Если не можешь – так и скажи, нечего тут забеги устраивать. Я тебе уже тысячу раз говорил, что в таких просьбах меня можно и послать.

– Тьма вас возьми, Иона... – выдал Оттон меж попыток не задохнуться и плюхнулся на один из стульев. – Я всегда рад присмотреть за девочкой, но сообщайте об этом заранее... И не через служку, чтобы я понимал, что это не приказ и... мог сразу вас послать!

– Нет, не надо ему медика, пусть подышает, – ворчливо заметил Приор, отмахнувшись от служки.

Оттон показал упреждающий жест рукой и сделал пару глубоких вдохов. Номи за это время умудрилась залезть в приорский карман и выудить оттуда таблетки. Терри был сбит с толку этой сценой, поэтому не сразу заметил действия дочки, а как заметил, шикнул на нее. Приор поймал девочку за руку и отобрал таблетки.

– ...послать вас сразу к месту, удобному для нас обоих. – продолжил Оттон. – Лифты, к примеру. Равноудалены... Фух!

– А, что толку тебе говорить! – снова забасил Иона, продолжая распекать Советника. – Даже когда моя дочь выставила твоего младшего на улицу одного, ты не смог дать мне в морду.

– Во-первых, я вадар и я выше этого. Во-вторых, я не знал, что так можно.

– Теперь знаешь. Бей!

– Я предпочитаю стрелять.

– Не ссорьтесь! – заныла Номи.

– Нет, стрелять я с тобой больше не буду. Обдерешь до нитки.

– А я под ваши кулаки подставляться не буду, извольте.

Иона рассмеялся и дружески хлопнул Оттона по плечу:

– Не держи на меня зла, не рви мне сердце.

– Вас никто не винит.

– Э, нет. По глазам Марты вижу – не прощен. Номи, никто не ссорится. Иди в сад, поиграешь с мальчишками Отто.

– Они скучные, – заныла девочка.

– А ты им предлагала сделать что-то веселое? Сначала подойди и скажи – вы скучными вещами занимаетесь, давайте делать что-то веселое.

– Стоять на голове? – с воодушевлением предложила Номи.

– Да, вроде того. Давай, иди. И мои таблетки больше не таскай. Они помогают только мне – нельзя их давать другим и самой есть, тем более. Уяснила?

– Да, – заявила девочка.

– Что ты поняла?

Номи подошла и обняла Приора. Восьмилетка была ему уже выше плеча.

– Что деда жадный, но я всё равно его люблю.

Номи вприпрыжку побежала из приемной, с трудом открывая тяжелые двери. Оттон тяжело вздохнул, поднялся на ноги, и заковылял следом, одарив Приора неловкой улыбкой.

– Глупенькая девочка, зато здоровая, – заключил Приор. – Ваш светловолосый, видимо, умнее? Или, наоборот, учитывая, что он сломал мой замок.

– Прошу прощения, господин Приор. Юкки очень умный и любознательный мальчик, но он пока не понимает, что некоторые вещи делать нельзя. Для вадара такие выходки даже норма – ответил Терри, стараясь чтобы голос не дрожал.

– Для вадара? – заинтересованно выглянул Иона.

– Все, кто его видел, говорят, что он будущий вадар, – кивнул Терри. Прекрасная возможность поговорить о судьбе Юкки. От Приора не убудет, его статус позволяет без обоснований запрашивать практически любые медицинские расходы. Всего-то нужно одно бегло брошенное согласие на обследование.

– Вот на сертификации и узнаем, – отрезал Иона. – Тебе туфтолог данные выдал?

– Простите, кто? – Терри растерялся от такого резкого перехода. Дыхание перехватило от осознания того, насколько он был близок к провалу. Приор не разрешит.

– Томма тебе данные по Иоффам выдал?

– Да.

– Разобрался?

– Так точно.

– Что скажешь?

– Задание на сопровождение, стандартное. Не понимаю, почему нужно привлекать спецотряд. Меня сняли с задания по...

– Я тебя выбрал, – перебил Иона и грузно зашагал вперед. Терри пошел следом. – У Дона большие неприятности. Мне бы было на них глубоко чихать, если бы они не грозились стать общими. В Иоффах сейчас работают десять учёных, которых Второй хочет иметь у себя под рукой – говорит, что ему это поможет. Мы-то с тобой знаем, что аккуратно сопроводить горстку вадаров может любой мой силовик. Но он запросил элитный отряд, ещё и на двадцать единиц. Идеолог называет это политическим тактом, я – неэффективным использованием ресурса.

Иона вывел Терри в тупиковый коридор и звякнул браслетом по неприметной гройевой панели.

– Поэтому, чтобы не терять время, отработаешь новую тактическую единицу на местности. Если всё пройдет хотя бы удовлетворительно, сделаю под вас спецподразделение. Суриту надо разгружать. Знаешь кто такие схимы?

– Крематоры.

– А схимы Одиннадцатого?

– Первый раз слышу, – нахмурился Терри. Приоратов в Городе десять, это вдальбливают с шести лет. Схима были только у Девятого, к которому относится крематорий, и у Десятого, к которому относились немые сестры. Палачи, могильщики и сборщики детей – больше профессий, требующих схимы не существовало. Да и одиннадцатого приората тоже.

– Сейчас увидишь.

Внезапно стеновая панель задвинулась чуть назад, а затем скользнула, исчезая в боковом пазу. Перед ними распахнулись двери лифта. Иона зашел первый, Терри протиснулся следом. Все лифты Башни, кроме служебных-разгрузочных, были с большой кабиной и стеклянными видовыми стенами. Лифт, в котором они сейчас находились, был тесный и потрепанный. Пришлось нарушить допустимую дистанцию до Высшего и встать вплотную к Приору.

– Ты себе голову о перекладины ещё не отбил? – поинтересовался Иона, хмуро выглядывая.

– Отбил, господин Приор.

– Не мудрено.

Опускались они не долго, по внутренним ощущениям, уровня на два, прежде чем лифт остановился и открыл двери в плохо освещенный лифтовой холл. Из-за отсутствия отделки с трудом узнавалась стандартная планировка. Все выходы были заколочены, и только один, самый правый, прикрыт строительной сеткой. Иона отодвинул полотно и прошел внутрь.

– Тебе должно здесь понравиться, – заявил он. Терри осмотрелся и двинулся следом. Ему, начиная с лифта, было не по себе. Он предполагал, что в Башне есть помещения, коридоры и может даже лифты, доступ к которым есть только у Высших, но чтоб целый заброшенный уровень?

– Как видишь, – продолжил Иона, убедившись, что Терри следует за ним. – У Башни есть не только верхняя часть. Мы сейчас на минус третьем. Дакка говорит, что внизу шесть уровней. Строителям нужно было заложить мощный фундамент. Пустошь испещрена полостями не только под Воротумом.

Послышался приглушенный лязг и грохот.

– Они уже знают, что мы здесь, – хмыкнул Иона. Он поднырнул в очередную дыру дверного проема. Терри пролез следом и застыл.

Они оказались в большом круглом помещении с невысокими потолками. Оно было заставлено простейшим инвентарем для тренировок – маты, груши, перекладины. На полу в низком поклоне, касаясь лбами пола и направив на Приора сложенные в треугольник руки, лежали бритоголовые люди в черном. Терри насчитал семерых. С неудовольствием силовик отметил, что на этих людях была перекрашенная в черный гиммеловская форма старого образца.

– Встать! – скомандовал Иона. Люди синхронно в два движения поднялись на ноги. У каждого на весь лоб красовалось клеймо в виде перевернутого черного треугольника с трехзначным номером внутри. – Где Нерон?

Вперед вышел один из черноформенных, он встал на одно колено и низко поклонился.

– Говори.

– Пятьсот седьмой в кабинете «С» третьего крыла, господин Приор, Высший.

Кабинет, куда их отправили, оказался обычной бетонной коробкой с дырой под дверной проем. Из обстановки – четыре древних эргокресла и два стеллажа, забитые разномастными архивными пластинками гройи. Здесь на полу лежали ещё два человека в черной форме.

– Встать. Я ещё раз повторяю – достаточно усеченного поклона. Уяснили? – рявкнул Иона. Оба низших встали, не поднимая глаз, и поклонились. У одного был бугристый череп с оттопыренными ушами и огромный нос. У второго широкие скулы и раскосые глаза с эпикантусом.

– Что по Леви? – спросил Приор.

– Останков не нашли, – ответил лопоухий. На секунду он с Терри встретился взглядом, но в следующий момент отвел глаза в сторону. У него на посеревшем клейме на лбу Терри с трудом различил номер – зарубцевавшаяся сотня. В следующий миг его пронзило неприятной мыслью – уж не об его деле они говорят?

– Свободен. Мне нужен только Нерон.

Лопоухий низко поклонился и вышел. За ним потянулся кислый шлейф горелой ржави.

– Итак, Терри, это Пятьсот седьмой. В прошлом я знал его как Нерона – так и продолжаю называть. В отличие от крематоров, у подвальных схим неплохие навыки боя.

Взгляд Терри предательски тянулся к выжженному на лбу клейму. Схима – подкаста Города, лишённая практически всех прав, доступных гражданину. Бесправные, с социальной точки зрения, они, тем не менее, обладали одним исключительным правом – убивать. Иона выгнулся, упирая кулаки в спину, и с широкой улыбкой продолжил:

– Поезд в Иоффы через три дня. Организуйтесь, мне нужна рабочая боевая единица. Я хочу, чтобы учёных забирали смешанные тройки – двое гиммел и схима. Задача ясна?

– Да, господин Приор, Высший, – отозвался Пятьсот седьмой заржавевшим голосом. Увы, Терри не мог похвастать такой покладистостью. Машинально прочистив горло, он сипловато спросил:

– Зачем в моей группе убийцы, господин Приор?

– Научись паре приемчиков, – ответил Иона с издевкой.

* * *

Терри быстрым шагом шел по коридору. Он срочно менял назначения у своей группы – Приор захотел совместную тренировку со схимами до бури. Терри игнорировал ворох просроченных дел и морщился от порции свежих придинок Советника. Список он опять не согласовал, теперь ему не нравились Толос и Тулейф, потому что у обоих значилось по паре незначительных дисциплинарных наказаний в прошлом. У Терри просто не было времени проявлять такт к антиторнежским настроениям идеолога, поэтому он назначал ребят по списку.

В первый момент идея создать смешанные группы сбила Терри с толку. Да и сейчас он не до конца понимал зачем это нужно Приору, но его зацепило обещание Ионы. Это был шанс. Если получится на должном уровне отработать операцию, Приор создаст под них спецподразделение и Терри получит повышение через ступеньку. Должность высшего офицера по-прежнему не значила статуса стаби, но медицинское обеспечение там полагалось значительное, а главное, им можно было распоряжаться с некоторым усмотрением. Если он возьмет сотню-другую со своей шкалы полезности и обменяет её на медресурс, этого должно хватить на полное обследование Юкки. А, главное, операция в Иоффах через неполные три дня – при удачном стечении обстоятельств, он получит должность через неделю. А значит он уложится в сроки Сааведро.

Терри зашел в третий полигон. В закутке с ящиками, что претворял выход на полосу препятствий, нашлась Сана – штатный оператор его спецподразделения. Девчонка была в тёмно-синем комбинезоне и тапках, что больше походило на носки. У неё было детское серовато-бледное лицо с ярко-фиолетовыми синяками под глазами и тонкие светлые волосы, заплетенные в растрепанную косичку. В отличие от своей «системной визуализации», выглядела она более юной, худой и несчастной. И каждый раз Терри с трудом подавлял в себе неуместную заботу по отношению к оператору – он воспринимал Сану вровень с Номи. Это было ошибкой, потому как девчонка легко укладывала Мелью на лопатки, правда словесно, и в опеке точно не нуждалась.

– Когда вас отзывают? – спросил Терри.

– Через полтора часа. Это назначение у меня последнее, не считая текучки, – ответила Сана, мрачно выглядывая на Терри.

– Выдай мне всю доступную информацию по схимам Одиннадцатого.

– Для тебя доступной информации нет. Нужен статус стаби.

Нужно было срочно что-то придумывать, а он даже доступа к информации не имел.

Через пять минут вся команда была в сборе, выстроена в шеренгу. Гиммелы вели оживленную дискуссию в системе, бомбардируя командира вопросами и попутно обсуждая, какой режим эргосна лучше запустить на время «красной» бури. Терри на вопросы не отвечал, в разговорах не участвовал, ждал.

До слуха долетели звякающие шаги, на полигон один за другим вошли десять одинаковых схим. Каждый был в ботинках со звенящими металлическими клепками на задниках – приближение схим должно быть слышно. Проходя вперёд, они доведенным до автоматизма движением опускались на колени и складывались в полный поклон. Последним зашёл Пятьсот седьмой, пройдя дальше всех и падая ниц перед Терри.

Тишина, воцарившаяся на полигоне, да и в системе, казалось, физически сдавила на уши.

– Встать! Приказ Приора – совместная тренировка. Отрабатываем сценарий три – поиск цели. Формирование по двое. «Сана, подключи схим к системе».

Гиммелы неуверенно пошевелились, настороженно разглядывая, как поднимаются заклеянные.

«Я не могу подключить схим», – ответила Сана. «Нужна санкция от Приора, через личный запрос Шестому. Это базовое ограничение системы».

«Значит, расширь канал и добавь вот эти сигнатуры».

«Нет. Очень урезанные возможности».

«Давай попробуем выкрутиться, мне нужна связь», – покачал головой алфар. Нехорошее предчувствие стало почти физически ощутимым. Среди гиммел взорвалась дискуссия, так что алфару пришлось рывкнуть заветное «приказ Приора». Предсказуемо, больше всего шума было от Мельо.

– Выдай мне данные на каждого из схим, для составления наиболее... эффективных комбинаций, – Терри покосился на стоящего неподалёку Пятьсот седьмого, и его снова перекосило от необходимости взаимодействия с заклеянными. Но для выполнения приказа ему нужно поверить, что работать с убийцами возможно. И заставить своих людей поверить в это.

Старший из схима стоял, по уставу опустив голову и глядя в пол, но ответ был весьма чётким, хоть и негромким.

– Схима может вслух дать краткую характеристику по запрошенным критериям. Система не позволяет схиме открывать личные дела подчиненных для внешних...

– Значит, выдай мне список, одобренный Советником. Если он аналогичен тому, что получил от него я, там будет содержаться вся необходимая мне информация, – процедил Терри. Схима кивнул и на канал пришел список, содержащий номера, усеченную биометрику и скупые комментарии второго Советника по десятке Пятьсот седьмого. За каждым болтались три хилых отчёта по тестовым операциям. Отчёты были практически идентичные, но к одному Советник записал большой комментарий, суть которого состояла в одной мысли, повторенной несколько десятков раз – нестабилен. Терри поставил «нестабильного» схима, за номером Сто три, к самой дальней от Мельо двойке и скомандовал начать тренировку.

По итогам следующего часа, единственным достижением Терри стал севший голос. В остальном же, даже с очень сильной натяжкой, тренировку нельзя было назвать хоть сколько-то эффективной. Схима реагировали с чудовищными заминками – когда, собственно, в их реакции уже не было нужды. Алфар не выдерживал, срывался на голосовые команды – неуклюжие и медленные. Орал – потому что как иначе донести приказ до тех, кто не подключен к каналу? И всё равно, схима умудрялись сбиваться, вероятно, по причине «раздвоенных» команд, поступающих от Пятьсот седьмого и от Терри.

Когда в очередной раз очередной схима, не успев среагировать на приказ «уменьшить дистанцию!», врезался в резко развернувшегося гиммелу и тут же упал ниц, Терри не выдержал.

– На два слова, – свистящим полусёпотом поговорил Терри, и, для верности, указал стоящему рядом Пятьсот седьмому на ближайший выход с полигона.

– Как прикажет Высший, – схима послушно поклонился, и силовик с неприязнью отметил, что, с начала этой «тренировки», выражение лица черноформенного не изменилось ни на йоту. Непроницаемо безэмоциональное. Терри, раздражённо дёрнув рукой, направился в коридор.

– Мне нужен доступ к вашему внутреннему сеансу. Мне нужно знать ваши протоколы. Мне нужен корректный порядок выполнения моих приказов... – охрипший, он не мог орать, и, отчасти, это радовало, хотя издевательская невозмутимость Пятьсот седьмого выводила до крайности.

– Схима не имеет права, Высший. Ограничения определяются Шестым приоратом.

– Мне плевать! – рявкнул Терри, и схима умолк, ниже опуская голову. – Нужен результат, Ионе нужен результат, а не этот парад недоучек! Переключи своих людей на меня, они должны реагировать быстрее.

– Схима не может выполнить этот приказ, Высший.

Терри смотрел на склонённую выбритую макушку, и боролся с желанием садануть по ней кулаком. Бешенство, полыхающее внутри, угрожало выплеснуться неконтролируемой агрессией. Останавливало то, что алфар понимал причины. Буря. Предупреждения мигали всё чаще, датчики давления демонстрировали уже запредельные показатели, виски ощутимо ломило. Нужно отпускать Сану, а потом и ребят отправлять на сон. Драгоценные часы насмарку...

– Я привык доверять соображениям Приора. Если он решил, что наши подразделения должны действовать сообща – значит, видит в этом некий смысл. От нас требуется только одно – добиться слаженности действий подчинённых.

Схима повел шеей и впервые за всё время нахмурился, затем поднял глаза на уровень воротника Терри, но тут же снова опустил взгляд.

– Подчиняться приказу Приора обязанность схима, – он наклонил голову в коротком поклоне, а затем резко упал на колено и быстро выплюнул: – Схима просит разрешения срочно вернуться в зал, Высший.

Терри, только и успел приподнять бровь, когда схима пал ниц и выпалил требование. Одновременно с этим со стороны тренировочного полигона послышались выкрики.

«Командир, нештатка», – прорезался Севар, вместе с поднятым шумом.

«А, чтоб вас...» – процедил Терри, резко дёрнув рукой. – Разрешаю.

Краем глаза отмечая нервно идущего чуть позади схима, он направился в зал, и ещё от входа обнаружил, что гиммелы, сгрудились вокруг чего-то. Схима стояли в один ряд у стены напротив. Восемь, если считать по головам.

– НИЦ!!! – рявкнул Пятьсот седьмой, рванув мимо вздрогнувшего от неожиданности Терри, и тот запоздало понял, что девятый схима – номер Сто три, тот самый, что числился в списке Советника как «нестабильный», – скрутил Мельо и уткнул его лицом в пол. На приказ командира не среагировал только он, тогда как остальные схима без промедления прижались лбами к полу. Сто третий, не отпуская заломленной руки рыжего, лишь однобоко ухмыльнулся. Пятьсот седьмой подлетел к схиме, и, походя, рывком свернул Сто третьему шею. Тело схима крутанулось, а Пятьсот седьмой, перехватив его за ворот формы, бросил лицом в пол, тут же складываясь в глубокий униженный поклон перед освобождённым Мельо.

– Схима подтверждает нарушение и предан воле Высшего, – громко и отчётливо сказал он. Правая рука Пятьсот седьмого лежала на бритой голове Сто третьего, из-под которой по полу растекалась небольшая глянцева лужица крови.

Терри, сжав зубы, смотрел только на Мельо, который, поднявшись и вцепившись в обвисшую плетью руку, попятился назад, растерянно глядя то на схиму у своих ног, то на командира.

Как выяснилось, стоило Терри удалиться на переговоры с Пятьсот седьмым, Мельо решил проверить на прочность социальные установки схима, которые вернулись в единый строй. Расхаживая перед ними, подначивая и излагая собственное бесценное мнение, рыжий провоцировал. Стоило отдать должное – схима на издёвки не велись, стояли, как положено, опустив головы. И только Сто третий осмелился поднять глаза и напрочь игнорировал приказы Мельо «потупиться». Затем последовала попытка рыжего провести атаку, и, отслеживая мыслеобраз Севара, Терри поразился скорости и техничности реакции Сто третьего. Схима чётко и эффективно ушёл от удара, и тут же воспользовавшись инерцией рывка поймал Мельо на болевом, перехватив за запястье и со щелчком выводя плечо из сустава. Отстранённо Терри признал скую красоту этого движения, и в душе всколыхнулась неприязнь пополам с подзрением – настолько легко заломить Мельо было под силу далеко не каждому. Мысль о том, что все подвальные убийцы так подготовлены, вызвала неприятную дрожь.

– Гиммел-один 254—635, – голос к Терри ещё не вернулся, но хрипкое сипение прозвучало в меру устрашающе. Мельо дёрнулся, опасливо вскинув взгляд на командира. Вся бравада и наглость моментально испарилась с его физиономии. – Выговор, с занесением в личное дело, за разжигание конфликта в группе.

Лицо рыжего пошло пятнами, а сам он подобрался, явно возмущившись несправедливостью наказания.

– Но, командир, это же си...

– Строгий выговор, – прорычал Терри. Мельо, под взбешенным взглядом алфара, умолк. – Это приказ Приора! Никаких проволочек, заминок, никакого саботажа быть не должно. Ещё один подобный фортель – вышвырну в Воратум, в С2, до конца службы. Ко всем относится. Уяснили?

Гиммелы отозвались нестройным хором согласия, но одёргивать их и заставлять орать в один голос Терри не стал. Он перевел взгляд на схим.

– Встать, – приказал он. – До конца операции поклоны в пол отменены. Касается каждого. Конфликт считаю исчерпанным.

Алфар обвёл взглядом черноформенных. Задержался на Пятьсот седьмом, который с заминкой, не выпуская из рук труп, поднялся последним. С невозмутимым лицом он удерживал Сто третьего рядом с собой, будто тот был просто без сознания. Голова трупа упала вниз и с какой-то хитрецей смотрела прямо.

– Уберите тело... – договорить он не успел, поскольку взвыла сирена. Следом из динамиков полился мягкий женский голос:

– Внимание! Время начала бури изменено. Приказ по Башне: занять места в эргоячейках согласно графику. Будьте внимательны и осторожны, следуйте персональным медицинским рекомендациям при назначении режима эргосна. Не отклоняйтесь от графика, соблюдайте спокойствие.

– Внимание! Поэтапное отключение систем симуляторной среды. Расчетное время остановки системы Гордрага – десять минут. Расчетное время остановки системы Башни – двадцать минут.

– Особое внимание! Остановка монорельса через полторы минуты. Щиты будут полностью опущены через две минуты. В связи с повышением класса опасности Башня переведена на автономный режим работы: уровни будут заблокированы через семь минут, уровни шесть, двенадцать и тринадцать опечатаны. Перевод инженерных систем Башни на резервную схему через двадцать пять минут.

– Расчетное время бури двадцать часов.

Эсска сразу перешла в усеченный режим работы. На канале образовалась гнетущая пустота: никакой фоновой поддерживающей информации, к которой Терри так привык. Весь первый план заполнили предупреждения о накрывшем город ненастье с расшифровками его основных показателей. Буря началась раньше прогнозируемого, и учёные повысили её класс до максимального. На памяти Терри такого ещё не случалось.

Настойчиво мигала личная программа отдыха Терри, пульсировала алым карта маршрута к эргоячейке на первом этаже при первом полигоне. Его, как и прочих, размещали в казармах, Башню изолировали от внешнего мира. А ведь Терри обещал Эве вернуться в куб. Последний поезд монорельсы в сторону жилых кубов отправится через минуту и записи на него уже нет. Он не успел.

– Тренировка окончена. Размещайтесь по ячейкам, – проговорил Терри негромко. Гиммелы, обходя труп схима по дуге, потянулись к дверям.

Терри пытался связаться с Эвой. Хоть в системе ещё были операторы, они не откликнулись. А без оператора следовал автоматический отказ в создании канала такой протяженно-

стью. Терри подошёл к Сане и присел рядом. Мысль попросить её создать канал тут же была отмечена как несостоятельная. Девочка смотрела под ноги со странной отрешённостью.

– Ты в порядке? – тихо спросил он, с трудом удержавшись от желания пощёлкать пальцами перед застывшим лицом оператора.

– Она воет... царапается, изнутри рвется. Она везде. Это так больно, так страшно... – дёрнулись зрачки светлых глаз, поворачиваясь медленно, словно нехотя, в сторону алфара, но более Сана никак не обозначила, что осознаёт его присутствие.

– Давай-ка я тебя в медблок отведу, – проговорил Терри скорее сам для себя. Сана вряд ли его слышала.

За спиной послышалась какая-то возня и голоса. Он обернулся, и увидел, что схи́ма нарушили строй и сгрудились возле командира. Пятьсот седьмой сидел, подтянув к себе труп, перевязывая тому лицо тряпками, которые отрывал от формы: сначала бинтуя глаза, потом нос и рот. С какой-то непонятной бережной осторожностью исполнялись эти действия, похожие на ритуал. Алфар, опешив, поневоле всматривался, пытаясь понять суть манипуляций, но схимы, заметив его внимание, заслонили своего командира. Терри, которому и самому стало жутковато от наблюдаемой сцены, отвернулся и, взяв девочку на руки пошел на выход из полигона.

Навстречу выскочила пара медиков в форме шестого приората. Они усадили оператора на складное кресло-каталку и увезли к лифтам. По дороге до казарм Терри ощущал за ломотой в висках подступающую тошноту.

Слабо освещенное помещение первой казармы было заставлено до самого потолка «сотами»: секциями по четыре эргоячейки. Массивные капсулы с прозрачной передней панелью на уровне лица, внутри были напичканы всевозможными системами поддержания жизнедеятельности и контроля. Программа подачи препаратов подбиралась индивидуально, эргоячейки позволяли безболезненно миновать очередной природный бунт.

Вопреки приказу, парни из его группы толпились перед лестницами, и со взрывами хохота что-то обсуждали с другими гиммелами.

– Что смешного? – прохрипел силовик, подходя к группе гиммел. – Поделитесь?

Гиммелы примолкли и подобрались, выпрямив спины. Повышать Терри настроение они не захотели, а он яростно этого желал.

– Что вас так позабавило, что вы проигнорировали приказ размещаться по ячейкам? Мне правда интересно. Толос? – спросил Терри. Торнег выступил вперед, как только услышал обращение к нему, отрывисто кивнул, и ответил:

– По казармам уже третий день шныряют вербовщики принцепса. Предлагают повышения через голову. Могри, вон, на помсова звали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.